

Библиотека историка

В.П. Алексеев
Этногенез

·ВЫСШАЯ ШКОЛА· 1986

Библиотека историка

В.П.Алексеев
Этногенез

Москва «Высшая школа» 1986

ББК 63.5 А47

Рецензенты:

кафедра археологии и истории древнего мира

Воронежского государственного университета

им. Ленинского комсомола (зав. кафедрой профессор А. Д. Пряхин);

член-корреспондент АН СССР А. П. Дервянко (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР)

Рекомендовано к изданию

Министерством высшего и среднего
специального образования СССР

Алексеев В. П.

А47 Этногенез: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». — М.: Высш. шк., 1986. — 176 с. (Б-ка историка).

В пособии рассматриваются условия, формы и результаты этногенеза: этногенетический процесс, типология этнических общностей в связи с их происхождением, хозяйственно-культурные типы, историко-этнографические общности, модусы и этапы этногенеза.

050800000—259^A 001(01)-86^{8 86}

ББК 63.5 902.7

Издательство «Высшая школа», 1986

ВВЕДЕНИЕ

Этногенез — составное слово, образовавшееся от слияния двух греческих слов: этнос — народ и генезис — происхождение. Таким образом, слово «этногенез» может быть передано по-русски как «происхождение народа». И такое значение действительно содержится в этом слове. Под этногенезом понимается вся та совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица, то есть определенная историческая реальность, которая и охватывается термином «этногенез». Но есть и другое значение термина — он часто употребляется как обозначение той области науки, которая изучает явления этногенеза, этногенетическую реальность. Подобное словоупотребление нельзя считать удачным, оно представляет собою скорее вульгаризм, следует говорить об изучении этногенеза или этногенетическом исследовании, подразумевая под этим реконструкцию самих этногенетических событий и явлений с помощью разных исторических источников, а также привлечения географических и палеогеографических данных и антропологической информации.

К какой научной дисциплине относится та область знания, которая изучает этногенетическую реальность? Сама по себе эта реальность проявляется в разных исторических плоскостях и поэтому находит отражение в разных исторических источниках, на нее влияют многие не только исторические, но и внеисторические факторы, например географическая среда. Проблема изучения этногенеза есть поэтому проблема междисциплинарная, одна из тех многих в современную эпоху проблем, которые зародились на стыках наук и которые требуют для своего решения усилий разных специалистов — очень часто представителей весьма далеких одна от другой областей знания. Автор глубоко убежден, что по мере накопления информации в исследовании этногенеза эта проблема выделится в силу необходимости к ней комплексного подхода в особую науку с весьма сложным и разветвленным содержанием, охватывающим как теоретическую часть, то есть разработку самих принципов этногенетического исследования, так и огромный цезарус сведений о конкретных этногенезах. Но пока многое и в теории, и в практике этногенетического исследования остается неясным, что и определяет разнообразие представленных в литературе мнений как о характере самого этногенетического процесса и его исторических характеристик, так и о природе и классификационной принадлежности этногенетического знания.

Разноречивые мнения существуют даже по вопросу о том, представляет ли собою этногенез социально-исторический или природный географический, а может быть даже биологический процесс. Л. Н. Гумилев (1979) аргументировал многими историко-географическими наблюдениями и теоретическими соображениями представление о народах, как о каких-то природных общностях, сходных с популяциями — элементарными ячейками биологической структуры человечества, и образующих так называемую этносферу, тесно связанную с биосферой. Гипотеза эта развивалась ее автором на протяжении многих лет и аргументировалась в ряде специальных работ, суммированных в книге, на которую сделана ссылка. Схематичное изложение этой гипотезы вызвало справедливую критику (Кедров, Григулевич, Кривелев, 1982), но и при ее развернутой аргументации она встречала многочисленные возражения по конкретным вопросам взаимодействия общества и природы в разных районах мира. Однако и в целом эта гипотеза занимает крайнее место в оценке народов как скорее биологических, а не социально-исторических общностей людей и их генезиса, то есть этногенеза, как процесса, управляемого географическими и биологическими закономерностями.

Ряд фундаментальных моментов определенно свидетельствует об историческом характере процесса этногенеза в целом и конкретных генезисов отдельных народов. Каждый народ имеет ареал распространения и в этом отношении прослеживается внешняя аналогия между народами и

внутривидовыми и видовыми категориями растительного и животного мира. Однако связь народов с ареалом исключительно сложна и опосредована многими социальными факторами, что демонстрируется многими историческими примерами переселения народов или их частей в новые области с иной географической обстановкой, но при полном сохранении культурных и этнических особенностей. Современная эпоха дает нам много примеров образования вследствие интенсивного эмиграционного процесса значительного числа этнических групп, в территориальном отношении полностью оторванных от метрополий, но на протяжении многих поколений сохраняющих этнические традиции и практически не инкорпорирующих культурные навыки окружающего населения. Таковы китайцы на Кубе, индийцы на юге Африки, японцы в США и т. д.

Биологический характер этносов опровергается и, наоборот, их историческая природа подчеркивается крайней неустойчивостью их биологической структуры, то есть их расового состава. Включение в состав того или иного народа представителей иной расы многократно, как мы убедимся в дальнейшем, имело место на протяжении истории человечества, по сути дела представляло собою скорее историческое правило, чем исключение, подавляющее большинство и древних, и современных народов имеют сложный расовый состав, образованный многими элементами. Эти разнородные расовые элементы внутри народа охвачены единой культурой, представители их говорят на одном и том же родном языке и ощущают себя носителями самосознания одной и той же общности людей. Наоборот, расовые группы осознают свое единство лишь в исключительных случаях совпадения их с этническими, морфологически сходные или даже почти тождественные народы (буряты и якуты, например) говорят на языках разных языковых семей и имеют различные резко своеобразные культурные традиции, не говоря уже о вполне четко выраженном самосознании. Практически все это можно повторить и про популяции, которые входят в состав расовых и этнических общностей в разных соотношениях и группируются внутри них вполне независимо. К этому можно добавить, что история эпохи средневековья и нового времени дает нам много примеров этнической консолидации и возникновения крупных народов с четко выраженным самосознанием на основе образования определенных политических границ, утверждения общего рынка, развития национально-освободительных движений и т. д., то есть заведомо исторических факторов без какого-либо влияния биологии или географии.

Итак, исторический характер этносов несомненен, как несомненна и историческая природа их происхождения. Автор разделяет в этом отношении позицию подавляющего большинства советских, да и зарубежных специалистов. Таким образом, хотя процесс этногенеза и должен изучаться в тесной увязке с природной средой, без учета которой многое в нем в ряде случаев может остаться непонятным, но это процесс социально-исторический, и он представляет собою объект в первую очередь исторического изучения. Но в связи с его сложностью и проявлением в разных сферах исторической реальности трудно включить область его исследования в рамки одной какой-нибудь дисциплины, в связи с чем указанная выше меж-дисциплинарность в его изучении имеет принципиальное значение. Традиционно этногенез рассматривается как часть этнографического знания, хотя еще в классической статье С. А. Токарева (1949, с. 18), в которой проблема этногенеза, пожалуй, впервые трактовалась во всей своей широте и специфичности, совершенно правильно было сказано: «Составляя одну из важнейших проблем этнографической науки, этногенетический процесс, однако, интересует далеко не одних этнографов. Напротив, вопросами происхождения отдельных народов занимались и занимаются ученые разных специальностей: историки, лингвисты, археологи, антропологи. Больше того: этнографы до сих пор значительно отстают от своих собратьев в постановке и решении вопросов этногенеза целого ряда народов, в особенности европейских».

С момента появления в печати этих слов прошло больше 35 лет, опубликовано много фундаментальных этногенетических работ, написанных этнографами, но и представители других перечисленных областей знания не стоят на месте. Выдвижение этнических общностей разных типов в качестве основных объектов этнографической науки (Бромлей, 1973, 1981, 1983), приобретающее в настоящее время, к сожалению, программный характер в ущерб изучению исторической этнографии и традиционных культурных институтов, автоматически включает и научный подход к этногенезу в русло этнографии, сужая в рамках научного исследования его подлинные реальные границы и нарушая отмеченный выше

междисциплинарный принцип его изучения. Поэтому до выделения самостоятельной науки, изучающей этногенез, так сказать, этногенезологии, следует рассматривать этногенез как проблему исторической науки в целом, проблему, решение которой продвигается вперед силами различных дисциплин внутри исторической науки — собственно истории, археологии, этногра-

фии, исторической демографии. Лингвистика и историческая антропология приносят большой дополнительный материал для изучения этногенетического процесса. Вместе с ними выступают география и особенно палеогеография, позволяющие реконструировать географические обстоятельства и ландшафтно-экологическую обстановку протекания конкретных этногенезов.

Каково отношение этногенетических процессов к процессам этническим? Последние привлекли в два последних десятилетия большое внимание советской исторической, социологической и демографической науки, специально изучались в ряде регионов Советского Союза и были описаны в большом сводном издании (Современные этнические процессы..., 1977). В главе первой этого издания, где излагается понятийный аппарат, положенный в основу всей книги (эта глава написана Ю. В. Бром-леем и В. И. Козловым), вводится подразделение этнических процессов на этнотрансформационные, приводящие к смене этнического самосознания, появлению нового самосознания, и этноэволюционные, результатом которых являются лишь культурные изменения при сохранении этнического самосознания. Строго говоря, эволюция — тоже трансформация, но дело не в этих терминологических мелочах. Важнее другое — при таком понимании дела этногенез включается в этнические процессы, представляет собою одно из конкретных проявлений так называемых этнотрансформационных этнических процессов, этногенеза как самостоятельного явления просто не существует.

Любая общая дефиниция и построение иерархии понятийного аппарата, отражающего иерархию структурных уровней реальной действительности, в данном случае исторической действительности, представляют собою кардинальный путь научного познания. Но в какой степени эта дефиниция отражает реально существующие в действительности отношения между этногенетическими процессами и процессами этническими? Этногенез — формирование этнического лица народа, этнические процессы — изменения этого этнического лица в ходе времени, так не более ли естественно считать их хронологически взаимосвязанными, взаимозависимыми, но самостоятельными или во всяком случае иерархически разноуровневыми? Позитивное решение этого вопроса автоматически сводит этнические процессы в целом к сумме тех явлений, которые охватываются полностью этноэволюционными этническими процессами.

Практика этногенетических исследований как будто подтверждает естественность и целесообразность подобного разграничения. Основной целью этногенетической работы в подавляющем большинстве случаев является выявление этнических компонентов, принявших участие в сложении того или иного народа, и рассмотрение условий, способствовавших консолидации этих компонентов и появлению этнического самосознания.

При изучении этнических процессов основные усилия направлены на то, чтобы выявить, если речь идет о современности, или реконструировать, если анализируются этнические процессы в прошлом, культурные, языковые и социально-политические изменения в ходе исторического развития ранее существовавших или ныне существующих народов. Разница налицо, и она дает нам возможность четко наметить границы нашего изложения. Нижеследующие страницы посвящены именно этногенезу, путям и способам его реконструкции, его характерным особенностям, хронологическим рубежам и динамике в ходе времени. Территориальная приуроченность и хронологическая датировка этногенетических процессов, классификация первичных форм этногенеза, последовательность этих форм во времени и закономерности их распространения в пространстве — вот далеко не полный перечень проблем, требующих дальнейшей разработки и решения в интересующей нас теме.

Нельзя не сказать, что эта разработка может опираться на значительные уже достигнутые успехи. Последние десятилетия ознаменованы исключительным вниманием к изучению этногенетических процессов во всех странах мира. Частично это связано с ростом национального самосознания, а частично представляет собою результат того четко осознанного

современной наукой факта, что без понимания происхождения народов невозможно разобраться в их динамике во времени и в современной этнической картине мира. Не последнюю роль играет и то обстоятельство, что этногенез является увлекательной сферой исследований, открывающих иногда неожиданные контакты между культурами прошлого и обогащающих наши знания истории человечества.

Огромное место занимала и занимает этногенетическая тематика в работах советских специалистов. Характерной особенностью этих работ является их разнообра-

8
зие в связи со сложным этническим составом СССР, комплексность — одинаково внимательное использование в реконструкции этногенетических процессов и археологических, и этнографических, и лингвистических, и антропологических данных, а также показаний письменных источников — и объективная оценка культурных достижений всех народов, на каком бы уровне общественного развития они ни находились. Эти фундаментальные особенности советских этногенетических исследований нашли отражение как в работе первого крупного этногенетического совещания, проведенного в Москве в 1951 г., так и в этногенетических совещаниях, посвященных происхождению отдельных народов — татарского (1946), балкарского и карачаевского (1959), марийского (1965), осетинского (1965), туркменского (1967), башкирского (1969), коренных народов Сибири (1969; 1973). Материалы всех этих совещаний были изданы полностью в виде больших сборников, иногда включавших даже стенограмму дискуссии по докладам.

Параллельно с разработкой конкретных этногенетических проблем в советской литературе были сделаны многочисленные попытки охарактеризовать роль отдельных видов исторических источников в реконструкции этногенетических процессов — этнографии, антропологии, археологии и частично языкознания, а также показать необходимость их комплексного использования в этногенетических исследованиях. Были сформулированы и отдельные общие теоретические положения, отражающие характер этногенетических процессов; в частности, была показана особая роль антропологических материалов в их реконструкции: любые историко-культурные контакты могут и не свидетельствовать непременно о генетическом родстве, являясь результатом культурного взаимодействия, тогда как появление в составе того или иного народа примеси чуждых ему ранее антропологических элементов говорит о генетическом родстве с какими-то этническими группами, в составе которых обнаруживаются те же элементы (Дебец, Левин, Трофимова, 1952).

Генетическая сложность человеческих популяций, открытая исследователями последних трех десятилетий, вносит, правда, в этот принцип некоторые ограничения. В качестве яркого, но не единственного примера сошлюсь на открытие в одной польской семье группы крови Диего, не встречающейся у европеоидов и характерной только для отдельных народов Восточной Азии и Америки (Levine Layrisse, Arends, Dominguez, 1956). Ясно, что ни о каком прямом брачном контакте в данном случае не приходится говорить, тщательное исследование показало, что внебрачное отцовство также исключено. Все, что мы знаем о генетике групповых факторов крови, заставляет с сомнением отнестись и к гипотезе, согласно которой неожиданное появление Диего можно расценить как новообразование, то есть результат спонтанного мутагенеза. По-видимому, речь идет о проникновении соответствующего гена в эпоху средневековья вместе с тюрко-монгольским нашествием и затем о длительной консервации его в рецессивном состоянии. Таким образом, на основании отдельных антропологических признаков, особенно с простой наследственной структурой, также нельзя судить твердо о генетическом родстве, как и на основании культурного сходства, но, если говорить о комплексе антропологических признаков, сформулированный принцип, надо думать, остается в силе.

Предложенные принципы этногенетического исследования, несмотря на их бесспорную эвристическую силу, ни в коей степени нельзя считать окончательными. Это объясняется исключительной сложностью этногенетических процессов, неудовлетворительным состоянием освещающих их исторических источников, многообразием форм этногенеза. Поэтому при изучении конкретных этногенезов нужно быть постоянно готовым обнаружить неожиданные факты, которые могут натолкнуть на формулировку новых методических принципов и поиск их теоретического обоснования. Таково сейчас состояние фактических

данных и уровень их теоретической разработки.

ГЛАВА 1

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПУЧКИ И ИХ РЕКОНСТРУКЦИЯ

ПРИНЦИПЫ ГРУППИРОВКИ НАРОДОВ В ЦЕЛЯХ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Никакая классификация не может быть всеобъемлющей и пригодной для разных целей. Классификация по самой природе своей должна отражать структуру классифицируемых объектов, но структура — понятие также многозначное, и классификация в зависимости от целевых установок может опираться на те или иные структурные особенности. Переноса это общее положение на классификацию народов, мы получаем возможность сразу же перечислить несколько признаков, по которым можно разбить все народы земли на группы — совокупность антропологических признаков, совместное проживание на одной или нескольких территориях, уровень хозяйства, тип этнической общности, общие особенности быта и культуры, общие исторические судьбы, наконец, языковая близость. В соответствии с этим в нашем распоряжении антропологический, географический, хозяйственно-культурный, этнологический, этнографический, историко-этнографический и лингвистический принципы группировки народов. Каждый из них может иметь место в зависимости от конкретных исследовательских задач, и нам предстоит решить, каковы границы применения и эвристическая ценность каждой из получающихся классификаций.

Не останавливаясь на старой антропологической и этнологической литературе, в которой постулировалась прямая причинная связь между расой и языком, расой и культурой — литературой, которая вне зависимости от академических намерений авторов приводила неизбежно к расизму, подчеркнем, что антропологический принцип сохранил тем не менее свое классификационное значение. Однако теоретическим основанием его является не причинная связь расы с этносом, а характер их формирования на определенных территориях и как следствие этого

П

определенная степень совпадения между антропологическими и этническими общностями. Она может быть больше или меньше, что является прямым результатом конкретных исторических процессов, но никогда не нарушается полностью. Поэтому при подробном описании народов наряду с другими их характеристиками фигурирует и антропологическая — примерами могут служить многотомное издание «Народы мира», выпущенное Институтом этнографии АН СССР, или многотомное же «Руководство по этнографии южно-американских индейцев», изданное в США. В соответствующих главах этих изданий народы сгруппированы в определенные общности, исходя из антропологических признаков. Часто антропологический принцип группировки народов фигурирует в специальных антропологических исследованиях, посвященных обширным территориям, населенным многими народами. Но там он является итогом самого исследования, а не его предпосылкой; как правило, с антропологической классификации не начинается изложение, а она венчает труд антрополога.

Это обстоятельство должно быть специально подчеркнуто. Основная цель подавляющего большинства антропологических исследований состоит в установлении генетического родства изучаемых народов и входящих в их состав этнографических групп. То или иное понимание родственных взаимоотношений между народами кладется и в основу почти всех антропологических классификаций. Естественно, что классификация вытекает из исследования, а не предшествует ему, в противном случае эта классификация априорна, и ценность ее очень невелика. Поэтому антропологический принцип группировки народов непригоден как изначальный.

Наряду с антропологическими признаками можно опираться в классификации народов, как уже говорилось, на их ареалы, а точнее сказать на факт их географического соседства. Тогда их классификация будет отражать совместность проживания в пределах какой-то определенной, чаще всего обширной территории. Такие понятия, как «народы Кавказа» или «народы Восточной Европы», широко утвердились в этнографической литературе, соответствующие тома серии «Народы мира», о которой упоминалось, так и называются. Но подобное географическое объединение народов возможно без насилия над материалом лишь в той мере, в какой географический принцип группировки народов совпадает с этниче-

12

ским. И сам уровень использования географического принципа довольно высок, последний применим только к обширным зонам, в пределах которых и осуществляется некоторое совпадение

его с этническим. На более низком уровне, в пределах пространственно незначительных территорий последовательное проведение в жизнь географического принципа группировки народов приводит к непримиримым противоречиям с представлениями о родстве народов, например, по языку — ираноязычные осетины в окружении кавказских народов, своеобразные по языку баски и арабоязычные мальтийцы в окружении романо-язычных народов служат тому примером. Примеры такие можно было приводить до бесконечности, но в этом нет необходимости. Поэтому, подводя итоги, можно сказать, что географический принцип бесполезен и им иногда пользуются, но в той лишь степени, в какой он обнаруживает известное совпадение с группировкой народов по языку, то есть в рамках крупных областей. При группировке народов внутри этих областей от него приходится отказаться.

Культурно-хозяйственный принцип широко применяется в собственно этнографических исследованиях, так как хозяйство представляет собою один из основных элементов, с которым имеет дело этнограф. Помимо общей постановки вопроса о значении хозяйственно-культурной классификации человечества (Левин, Чебоксаров, 1955) можно упомянуть примеры чрезвычайно детальной и тщательной классификации народов по хозяйственным признакам в рамках отдельных, всегда обширных территорий, так как отчетливая хозяйственно-культурная дифференциация отражает чаще всего различия в географической среде, а последняя, естественно, разнообразнее в пределах больших зон. Это работы А. М. Золотарева об этапах развития хозяйства у народов северо-востока Сибири (включая в него и таежные районы), подробное описание хозяйственно-культурных типов СССР, осуществленное С. А. Токаревым, краткая, но очень содержательная заметка М. Г. Левина о хозяйственно-культурных типах Сибири, обстоятельная хозяйственно-культурная классификация народов Китая, предложенная Линь Яохуа и Н. Н. Чебоксаровым, аналогичная классификация североамериканских индейцев, принадлежащая А. Кроберу, обзор хозяйственно-культурных типов Южной Америки, составленный Дж. Стьюартом, и многие, многие другие. Делались попытки наметить и общую пе-

13

риодизацию хозяйственно-культурных типов, пока из-за недостаточной красноречивости археологических данных и малой разработанности их под этим углом зрения очень общую. Основной тенденцией всех этих и многих других работ является подчеркивание исключительной зависимости хозяйственно-культурной типологии от условий географической среды вообще и от условий хозяйственной деятельности человека в частности. Следовательно, хозяйственно-культурная дифференциация в себе самой несет зародыш параллельного возникновения похожих хозяйственных комплексов в сходных условиях среды, широкого проявления конвергентного развития. Этим не отрицается значение историко-этнологических данных, наоборот, в ряде случаев им принадлежит решающая роль в определении того, развились ли два сходных хозяйственных типа из одного источника или возникли конвергентно, но подчеркивается то обстоятельство, что такие историко-этнографические моменты не входят в характеристику самого хозяйственного типа. Он устанавливается на основании признаков, в историко-этнографическом отношении если и не безразличных, то во всяком случае изменчивых. Использование хозяйственно-культурной классификации народов оправдано в этнографических работах, ставящих своей целью изучение культуры и быта на синхронном уровне, и редко встречается в этнографических исследованиях по этногенезу. При следовании такой классификации неизбежны случаи конвергентного развития и объединения в одну группу народов заведомо разного происхождения. Правда, на заключительных этапах этногенетического исследования хозяйственно-культурная классификация приобретает некоторое значение, так как она отражает один из аспектов исторической и географической дифференциации человечества, а сопоставление выделенных этнографических и хозяйственно-культурных общностей позволяет выявить в хозяйственно-культурной типологии тот именно момент конвергентного развития, о котором говорилось выше.

Типологический принцип классификации народов, основанный на учете самого характера этнических процессов, приведших к той или иной форме национальной консолидации, пожалуй, в еще большей степени оторван от генеалогии, чем хозяйственно-культурный. В хозяйственно-культурной классификации используются признаки, которые иногда отражают и родство этнических групп,

14

что же касается типов этнических общностей, то они целиком зависят от конкретно-исторических процессов — уровня культуры, общего рынка и сходных традиций, государственных границ, численности населения, общественного строя и других исторических причин, и поэтому происхождение даже тождественных типов этнических общностей может быть самым разнообразным. Даже в пределах народов, являющихся, казалось бы, наиболее гомогенными из всех типов этнических общностей, могут быть отмечены разные типы консолидации в зависимости от происхождения, древности заселения ареала, величины и характера этого ареала и многих других исторических причин. Так, этнографические группы в составе грузинского народа до недавнего времени были четче выражены и отличались большей этнографической спецификой, чем в составе армян, этнографические группы в составе русского народа сохранялись лишь на окраинах ареала и т. д. Таким образом, иерархия тех явлений, которые мы называем этническими общностями, чрезвычайно сложна и, очевидно, не исчерпывается целиком существующей типологической классификацией, пока очень общей. В рамках этой общей классификации этнографические группы Моравии и горной Грузии попадут в один тип, кушитские народы Северной Африки и аваро-андоидийские народы Дагестана — в другой. Что нам может дать такая генерализованная классификация? Ведь и при ее дальнейшей детализации остается неизменным уже отмеченный факт несовпадения типологической классификации народов с их происхождением. Поэтому подобная классификация, как и хозяйственно-культурная, приобретает значение лишь на заключительных этапах этногенетического исследования, когда при сопоставлении ее с этногенетической появляется возможность придать тезису о несовпадении конкретное содержание.

Язык по традиции считается подавляющим большинством исследователей основным этническим определителем. Однако неоднократно и вполне справедливо указывалось на двуязычные народы и на разные народы, говорящие на одном и том же языке. Примеры такого рода послужили толчком, чтобы обратить особое внимание на народную культуру и подчеркнуть ее исключительную роль в качестве этнического определителя, ничуть не меньшую, чем роль языка (Чебоксаров, 1967). Этот принцип классификации народов по особенностям быта и культуры выделяется как собственно этнографический в

15

узком смысле слова. В основу его положена именно та совокупность культурных явлений, которая и служит этническим определителем.

К сожалению, до сих пор сколько-нибудь общая классификация таких культурных явлений во всей их полноте не производилась, вся совокупность культурных элементов не рассматривалась и не классифицировалась как целое. Больше других повезло фольклору и материальной культуре, вернее сказать, отдельным элементам материальной культуры. Но классификации отдельных элементов культуры не могут заменить классификации их сочетаний, так как опираются на более частные основания и имеют более узкие цели. Все же, очевидно, возможно при хорошей изученности территории в этнографическом отношении произвести группировку проживающих на ней народов по совокупности элементов материальной культуры, по совокупности фольклорных мотивов, бытующих в пределах тех или иных этнических групп, по совокупности элементов народного искусства и т. д. Этнографические атласы, изданные до настоящего времени, в том числе и в нашей стране, создают основу для такой группировки главным образом по основным признакам материальной культуры. Это и есть пример использования сугубо этнографического в узком смысле слова принципа классификации народов. Народы группируются в соответствии с этим принципом в зависимости от основных особенностей своей материальной культуры, своего народного творчества или искусства. Ясно, что эти группы могут существенно не совпадать одна с другой, каждый из перечисленных аспектов культуры будет обнаруживать свою дифференциацию. Поэтому последовательное применение строго этнографического принципа остается нерасшифрованным до тех пор, пока не указана совокупность культурных элементов, по которым производится классификация. Как этнографический принцип соотносится с хозяйственно-культурным? Приблизительно так, как краниология соотносится с палеоантропологией, то есть оба они не совпадают в своих границах, в то же время частично покрывая друг друга. Линь Яо-хуа и Н. Н. Чебоксаров в статье о хозяйственно-культурных типах Китая совершенно справедливо указывали на то, что в понятие хозяйственно-культурного типа входят частично и элементы фольклора в той мере, в какой фольклор отражает хозяйственный

уклад жизни. То же, очевидно, справедливо и в отношении многих элементов, например

16

народного искусства или просто быта. Между тем явления фольклора, народного искусства, быта в целом много шире, чем только те их элементы, которые отражают уровень и тип хозяйства. Поэтому хозяйственно-культурная классификация не может совпадать с этнографической так же, как и отдельные виды этнографических классификаций не совпадают друг с другом. Значение этих этнографических классификаций — опять чисто сопоставительное. По ним выделяются общности, единое происхождение которых всегда сомнительно и которые всегда включают в себя конвергентно возникшие сходные явления. Как и во всех уже упомянутых случаях конвергентно возникающих образований, если мы обращаемся к таким общностям, мы заранее отказываемся от генеалогического критерия или вернее сказать, всегда сталкиваемся с опасностью принять за генеалогическое родство конвергентные явления. Но при сопоставлении с уже проанализированными и понятыми этногенетически-ми общностями удельный вес общего происхождения и конвергентного развития в образовании тех или иных культурных особенностей может быть выявлен достаточно определенно.

Историко-этнографический принцип и в исходной основе своей, и в главной целевой установке существенно отличается от хозяйственно-культурного и узко этнографического. Здесь во главу угла при классификации народов ставится их общая историческая судьба, которая устанавливается не только с помощью этнографических, но и с помощью всех доступных исследователю данных — исторических, археологических, лингвистических, антропологических и других. Народы объединяются по степени общности происхождения в группы, населяющие обширные области, которые носят названия историко-этнографических. Такие общности могут быть большими или меньшими, занимать более крупный или менее крупный ареал и образовывать последовательную иерархию в зависимости от общности исторической судьбы между входящими в них народами и увеличением числа последних. Такая историко-этнографическая классификация представляет собою как будто идеальный итог любого этнографического исследования и в качестве предпосылки могла бы быть с успехом использована в любой этногенетической работе. По сути дела к ней стремятся и археологи, выделяя археологические культуры и объединяя их в какие-то более крупные историко-этнографические или

17

{что по сути дела то же самое, но подчеркивает хронологический момент), историко-археологические провинции. Даже для крупнейших провинций, выделяемых для верхнепалеолитической эпохи и охватывавших едва ли не целые материки, подразумеваемая общность исторических судеб населения была одним из основных моментов, способствовавших их установлению и подчеркивавших их самостоятельность. Правда, при неясности и неразработанности в общей форме критериев отделения тех элементов культуры, которые целиком входят в характеристику хозяйственно-культурного типа, и тех, в которых полно отражается происхождение народа, нетрудно, характеризуя культуру, использовать для этого частично и неподходящие признаки. Но в целом все же археологические культуры выделяются по таким признакам, конвергентное возникновение которых если и не исключено, то во всяком случае маловероятно — деталям погребального обряда, орнаментальным мотивам, керамике и т. д.

Указанной выше, казалось бы, благоприятной возможности использовать историко-этнографическую классификацию в качестве предпосылки этногенетического исследования в общей форме мешает одно прискорбное обстоятельство •— она сама является результатом исследования, и контуры ее, к сожалению, пока далеки от объективности. Разнообразие исторических и других материалов, которые могут быть мобилизованы для решения проблем близости исторических судеб, так велико, а разработка их так неполна, что сохраняются до сих пор резко отличные одна от другой точки зрения на историческую близость даже двух народов, не говоря уже о группах народов. Совершенно неясна взаимная степень близости между народами (за исключением, может быть, не скольких особо счастливых случаев), а следовательно, и истинные границы историко-этнографических общностей. По сути дела никто даже и не пытался разработать объективную и сколько-нибудь удовлетворительную классификацию народов по общности их исторической судьбы в границах какой-нибудь обширной области, скажем, материка. Поэтому любой специалист, как бы он ни хотел

прибегнуть к историко-этнографической классификации народов, получает из существующей литературы весьма туманное представление о ней и вынужден либо от нее отказаться, либо удовлетвориться не очень определенным и обязательным лишь для себя паллиативом такой классификации. Первое, разумеется, гораздо более объектив-

18

но и благоразумно, чем второе. К этому нельзя не прибавить, что сама общность исторической судьбы — центральное понятие, положенное в основу историко-этнографической классификации, крайне неопределенна и не поддается объективной не только количественной, но даже и качественной характеристике, что уже было вкратце отмечено (Алексеев, 1979). После всего сказанного остается рассмотреть лингвистический принцип. На протяжении многих десятилетий вера в него была неизменной из-за непререкаемого авторитета языковой принадлежности как основного этнического определителя. Во всех сколько-нибудь полных обзорах народов земного шара народы эти группируются в соответствии с принципом лингвистической принадлежности. В советской этнографической литературе примерами такой группировки являются и серия «Народы мира», особенно специальный том ее, посвященный демографической характеристике земного шара, и «Атлас народов мира», и демографические справочники. В соответствии с лингвистическим принципом построены и региональные демографические обзоры. Вера в язык как показатель происхождения была так велика, что на заре развития антропологических классификаций, например в классификации Ф. Мюллера, по физическим признакам были выделены лишь основные расы, что же касается второстепенных рас, то они характеризовались языковой принадлежностью. Правда, тщательное изучение происхождения и этнической истории народов показало, что языковая принадлежность и происхождение — явления неоднозначные и что на общем языке могут говорить и те народы, которые имеют разное происхождение, но в целом лингвистический принцип группировки народов все же сохранил свое значение. Хотя примеров несовпадения языковой принадлежности и этногенетических истоков и немало, лингвистическая классификация нередко совпадает в общих чертах с историко-этнографической, и, применяя эту классификацию как исходную, мы в наименьшей степени подвергаем себя опасности впасть в ошибку смещения конвергенции и общего происхождения.

Однако, положив в основу лингвистическую принадлежность, не следует забывать того, что сказано выше о географическом принципе группировки народов. Он обнаруживает значительное соответствие с лингвистическим на уровне языковых семей, а в тех случаях, когда этого соответствия нет (иранские и тюркские народы, напри-

19

мер), в совместном проживании каких-то народов с другими, им неродственными, отражается их конкретная история, следствием которой является география их ареалов. Поэтому при историко-этнографических обзорах народов их совместное описание делается чаще всего по языковым семьям, но иногда такой принцип описания заменяется на территориальный.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Предыдущее изложение показывает, что историко-этнографические общности представляют собою среди всех остальных, рассмотренных нами, общности особого типа, в выделении которых какую-то, пусть далеко не решающую роль играет генеалогический момент. Поэтому следует рассмотреть их подробнее.

Термин «историко-этнографическая общность» часто употребляется наряду с термином «историко-этнографическая область». Между тем во избежание путаницы понятий целесообразно первый из них употреблять как название класса, а второй — для обозначения лишь принадлежности к одной из типологических единиц данного класса. Иными словами, под историко-этнографическими общностями желательно понимать любую общность народов, выделяемую по принципу общности их исторической судьбы, независимо от ее, так сказать, таксономического уровня. Историко-этнографическая область представляет собой при таком подходе конкретное выражение такой общности — совокупность нескольких народов, объединенных общей историей. Однако историко-этнографическими областями не ис-[!]черпывается все географическое разнообразие историко-этнографических общностей. Давно известно, что народы очень обширных территорий, часто разные по своей языковой принадлежности, отличаются общностью своих исторических судеб, в пределах таких территорий историческая связь народов больше, чем каждого из них с народами соседних территорий. Географическое подразделение народов при их

панэйкуменном описании отражает не только чисто географический принцип и смежное расселение народов, но и близость исторических судеб, обусловленную тем, что народы на протяжении многих тысячелетий своей истории оказывались в сходной географической и исторической ситуации, а иногда имели и

20

брачные связи. Обширные территории, заселенные народами близкой исторической судьбы, удобно называть историко-этнографическими провинциями, как это было предложено Н. Н. Чебоксаровым в 1969 г. Историко-этнографическая провинция — общность более высокого таксономического ранга, чем область, каждая историко-этнографическая провинция представляет собою совокупность историко-этнографических областей. .

Но и провинции наряду с областями не исчерпывают, очевидно, географического многообразия форм историко-этнографических общностей. Народы, расселенные в пределах материков, настолько сильно различаются между собой по языку и культуре, что между ними чаще всего нельзя уловить никаких даже далеких генетических связей. Что общего между шведами и басками, лопарями и молдаванами, эскимосами и яванцами, хауса и бушменами? Ни язык, ни культура не выявляют во всех этих случаях никакой родственной близости, но остается принадлежность к одной большой, как принято писать в советской литературе (или географической в американской и западноевропейской литературе), расе. В настоящее время вопрос о единстве происхождения этих крупных расовых делений человечества не решается альтернативно, и единство происхождения популяций тропического пояса, например, относимых к негроидной расе, не без оснований ставится под сомнение. Однако единство происхождения монголоидов и европеоидов признается большинством современных антропологов. Столько же оснований, с этой точки зрения, признавать и далекое, но реальное родство народов европейского и азиатского материков (в последнем случае имеются в виду, разумеется, лишь народы, относящиеся к монголоидной расе, тогда как население Индии, Передней, частично, и Средней Азии, а также Кавказа входит, естественно, в «европеоидную» общность).

В последнее время появилась известная возможность рассмотреть такую постановку вопроса с помощью лингвистических данных. Речь идет о возрождении нострати-ческой гипотезы, предложенной Г. Педерсеном. Рядом лингвистов, и в первую очередь В. М. Йлличем-Свиты-чем, выявлены общие корневые элементы в семитских, индоевропейских, кавказских, урало-алтайских и палеоазиатских языках, что свидетельствует, якобы, об их весьма отдаленном, но реальном родстве, а следовательно, и о каком-то дальнем родстве говорящих на них на-

21

родов. В принципе лингвистика уже выдвигала глобальные концепции родства языков и народов (например, основанные на последовательной реализации идей и методов Н. Я. Марра, Н. Ф. Яковлева и Г. М. Василевич, а также известные исследования М. Сводеша), но в случае возрождения ностратической семьи языков речь идет как будто о сходстве конкретных языковых реалий и сходство это подтверждается многими лингвистами. В свете этих лингвистических наблюдений можно говорить о древней-; шем родстве народов уже всей северной и центральной Евразии.

Как интерпретировать эти свидетельства древнейших генетических контактов? Очевидно, они позволяют выделить еще одну высшую категорию историко-этнографических общностей — историко-этнографическую страну. Это такой уровень родственной близости, который только лишь вырисовывается на уровне современных данных и на котором мы приходим к фиксации наследия древней-ших периодов истории человечества, древнейших очагов совместного проживания предков современных народов, а также расо-, этно- и глоттогенеза. Таких очагов, очевидно, было несколько в пределах всей первобытной эйкумены, соответственно этому в пределах современной эйкумены могут быть выделены только несколько историко-этнографических стран, выявление географических контуров которых возможно лишь в процессе дальнейших исследований.

Историко-этнографическая область — не самый низкий таксономический уровень историко-этнографического районирования эйкумены. Отдельные народы в результате миграции отрываются от своих историко-этнографических областей и, переселившись на новую территорию, оказавшись в окружении неродственных народов, становятся сами локусами или микроочагами концентрации своеобразно идущих этнических процессов. На территории СССР это калмыки, появившиеся на занимаемой ими территории в XVI—XVII вв., русские в

низовьях Индигирки, так называемые индигирщики, оказавшиеся там до массивованного освоения русскими Сибири, ненцы на территории европейской части СССР, бесспорно связанные своим происхождением с самодийской прародиной в Западной Сибири. Такие участки своеобразных этнических процессов можно выделить в качестве историко-этнографических районов (термин, насколько мне известно, предложен Х. А. Моора). Последние не обязательно дол-

22

жны входить в историко-этнографические области и могут быть самостоятельными. Такое самостоятельное положение по отношению к общностям более высокого таксономического ранга впрочем теоретически не исключено для любых категорий историко-этнографических общностей.

На предшествующих страницах речь шла об общности исторической судьбы и образовавшемся вследствие этого родстве как о главном критерии выделения историко-этнографических общностей. Однако, как уже упоминалось, этот критерий, понятие общности исторических судеб и исторической жизни не является, строго говоря, достаточно ясным: в это понятие входят, например, торговые взаимоотношения, которые могут осуществляться и без культурного взаимодействия. С другой стороны, вероятность объединения общей исторической судьбой в ходе исторического процесса родственных по происхождению народов в целом бесспорно больше, чем народов, не связанных общностью происхождения. В последнем случае на пути их взаимодействия в любой форме в ходе истории стоит гораздо больше дифференцирующих барьеров, чем в первом, — языковой, психологический, этнокультурный, частично даже расовый и т. д. Не отрицая принципиальной возможности количественной характеристики уровней интеграции, возникающих вследствие общности исторической жизни и общности происхождения, допуская резкую разницу этой количественной характеристики в обоих случаях, в то же время трудно увидеть при современном состоянии науки четкое основание для того, чтобы ограничиваться при выделении историко-этнографических общностей критерием общности исторической судьбы и прийти к достаточно объективным и однозначным результатам. Поэтому понятие историко-этнографической общности, хотя оно и широко используется в литературе, не может считаться четко охарактеризованным.

Особый и очень сложный комплекс проблем составляют причины и закономерности историко-этнографической дифференциации человечества, факторы интеграции внутри историко-этнографических общностей разных порядков, время и место их формирования. Широко используемое в литературе понятие прародины в принципе не менее правомерно по отношению к историко-этнографической области, провинции, даже стране, чем по отношению к народу. Однако все эти проблемы требуют спе-

23

циального обсуждения, выходящего за рамки рассмотрения только этногенетических проблем. *Итак*, резюмируем. Территория представляет собой необходимый элемент исторической жизни любого народа. Никакой этногенетический, а в более широком смысле и этнический процесс не происходит вне ограниченных территориальных рамок. Поэтому, с одной стороны, территория в той или иной форме выступает как одна из основных характеристик народа, отражая его пространственную обусловленность, с другой — как прародина народа, являясь пространственной категорией большего или меньшего размера.

Любая типология явлений культуры подразумевает анализ размещения их в пространстве — этнографические карты отдельных элементов культуры. Типология социальных общностей по их близкой исторической судьбе (историко-этнографические области) или по географической и хозяйственной обусловленности (хозяйственно-культурные типы) непременно включает географический момент — установление пространственных границ выделенных типологических единиц. Историко-этнографическое районирование и выделение историко-этнографических провинций, областей и районов, помимо вполне очевидных задач уточнения объема и характера информации, вкладываемой в эти понятия, уточнения географических границ провинций, областей и районов, выдвигают четыре принципиальные теоретические проблемы: а) установление критериев выделения разных иерархических этажей историко-этнографических общностей; б) установление критериев близости отдельных общностей друг к другу; в)

выявление структуры самих общностей, то есть районирование, скажем, провинций на уровне историко-этнографических областей и районов (синхронный аспект); г) открытие и исследование динамики и смены общностей (диахронный аспект), районирование территории на уровне провинций, областей и районов в различные исторические эпохи и сопоставление результатов этого районирования. Решение этих четырех проблем и составляет, по моим представлениям, магистральный путь исследований на ближайшее будущее. Но, как мы убедились выше, неопределенность критерия выделения вносит элемент неопределенности в характеристику самих единиц историко-этно-графической типологии и установление времени их древности. Следовательно, если говорить об этногенетическом

исследовании, то налицо необходимость разработки такой типологии этнических общностей, которая бы непосредственно отражала результаты этногенетического процесса, то есть была целиком построена по генеалогическому принципу.

РОДСТВО НАРОДОВ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПУЧКОВ

Введенное в литературу (Алексеев, 1979) понятие этногенетического пучка как раз и имело в своей основе выделение этногенетического момента, момента общности происхождения в качестве основного критерия для объединения этнических общностей разных типов, в первую очередь самостоятельных народов в соответствии с характером и задачами этногенетического исследования. Необходимость сразу же продемонстрировать применимость нового понятия в конкретной этногенетической работе привела к рассмотрению этногенетических пучков на территории СССР, в результате чего были обсуждены принципы их выделения и для некоторых из них предложена датировка. Позже была опубликована карта этногенетических пучков на территории азиатской части СССР (Alexeev, Gohman, 1983) и таким образом прослежены границы приложения понятия этногенетического пучка к изучению конкретной этноисторической-ситуации, но это, разумеется, не освобождает от необходимости теоретического обсуждения этногенетической типологии со всеми ее сложными проблемами, как не освобождает и от попытки разобраться в том, что же это такое — родство народов на основе их происхождения и с помощью каких основных признаков оно может быть объективно определено.

Под этногенетическим пучком в соответствии с первоначальной формулировкой понимается группа народов, связанных между собой общим генезисом. Однако если по отношению к одному народу понятие его происхождения достаточно ясно и не вызывает никаких разночтений, иными словами, если конкретный этногенез может быть описан более или менее однозначно и противоречия возникают чаще всего из-за неполноты описания и недоговоренности о смысле терминов, то по отношению к понятию общего происхождения народов сразу же возникает много вопросов. Есть ли это общее происхождение от общих физических предков? Генетическая преемственность поколений, безусловно, не может не играть значительной роли, но в нашем распоряжении много и исторических, и современных примеров того, как внешние факторы отрывают людей от привычной для них этнической среды, заставляют переходить в иной этнической среде на новую речь, которая в следующем поколении или еще через поколение становится уже родной. Вслед за языком меняется и этническое самосознание, а биологического разрыва между поколениями нет, генетическая преемственность поколений уводит нас при ретроспективном анализе в инокультурную и иноязычную среду. Но и обратные ситуации — сохранение языка, этнического самосознания и культурных особенностей при какой-то, хотя бы частичной, смене населения нередки, и они поднимают тот же вопрос: каковы ведущие признаки в многокомпонентной этнической системе, с помощью которых генетическое родство народов фиксировалось бы объективно и однозначно.

Многолетняя дискуссия на страницах журнала «Вопросы истории» показала огромное разнообразие точек зрения на характерные признаки той исторической реальности, которая называется народом, и на иерархию их, выделение ведущих и второстепенных признаков. В какой-то мере это разнообразие теоретических установок проявляется и в исследовательском подходе к оценке разрешающей силы разных видов материалов: многие исследователи придают наибольшее значение письменному источнику, С. А. Токарев в ранее цитированной статье специально подчеркивает исключительное значение этнографических данных, причем многое здесь определяется самим направлением исследовательской работы того или иного ученого, опирающегося на хорошо ему известную информацию в ущерб трезвой оценке. Но все же если мы перечислим общее самосознание, изучаемое психологией, той еще, к сожалению, мало разработанной областью ее, которая называется этнической психологией, язык (лингвистика), традиционный культурный и бытовой комплекс (этнография), социально-экономическое

положение именно данного народа (конкретная экономика) и, может быть, какие-то черты внешности людей (антропология), то список наиболее типичных этнических признаков можно считать исчерпанным, и задача будет состоять только в том, чтобы расположить их в порядке линейной иерархии, то есть выбрать из них наиболее важные.

26

Решающим моментом в отнесении данного человека к той или иной этнической общности является его самосознание — недаром сейчас вопрос о национальности включается в анкеты переписи в нашей стране и во многих других многонациональных странах. Каких бы культурно-бытовых навыков ни придерживался человек в своей повседневной жизни и на каком бы языке он ни говорил в семье, только он сам в соответствии со своей внутренней психологической установкой может определить, представителем какого народа он является. Правда, сложность этнической ситуации такова, что в современную эпоху, особенно в многонациональных странах, известный процент составляют люди без четко выраженного этнического самосознания — недаром изучение маргинального сознания стало все больше и больше привлекать внимание как зарубежных, так и советских этнологов. Но все же процент таких людей невелик, типичной является четкость в определении своей национальной принадлежности. Сливаясь, самосознание отдельных людей и образует тот мощный поток этнического самосознания, который характерен для любого народа и в котором аккумулируются и чувство национальной гордости, и сознание принадлежности к какой-то единой общности, и ощущение наличия общих предков, и привычные психологически комфортные для каждого индивидуума бытовые условия и контакты с такими же, как и он сам, людьми. Более того, подъемы национального самосознания в эпохи национально-освободительных движений, то, что в исторической литературе называется сплочением народа перед лицом врага, периоды национального возрождения в жизни любого народа, когда он осознает свое место на планете и в истории, — все это лишний раз демонстрирует, каким могучим фактором этнического развития является этническое самосознание и какую значительную роль оно играет в цементировании этнических общностей.

Изложенный взгляд на самосознание как на важный этнический определитель не является новым. Еще П. И. Кушнер (1951) отчетливо противился тенденциям науки его времени, уделяя большое место рассмотрению вопроса об этническом самосознании как о существенной составляющей этнических процессов и этнического лица того или иного народа. Написанная более чем через 20 лет статья В. И. Козлова (1974) суммировала все достигнутое в советской литературе в этой области; автор ее четко сформулировал тезис об исторической динамике

27

этнического самосознания, его хронологической и стадийной вариативности. После появления этой статьи уже невозможно относиться к этническому самосознанию как к постоянной категории и рассматривать его как неизменно одинаковую компоненту этнообразования на протяжении всей истории человечества, хотя сложность исторического изучения динамики этнического самосознания для отдельного народа, не говоря уже о стадийном или панэйкуменном подходе в целом, очевидна и не преодолена ни на теоретическом, ни на эмпирическом уровне — не до сих пор. Как ни затруднены историко-психологические исследования (французы И. Мейерсон, Ж. Вернан, Л. Февр, Р. Мандру, голландец И. Хьюзинга, американец З. Барбу, советские исследователи Б. Ф. Поршнев, А. Я- Гуревич) отсутствием фактического материала и гигантской сложностью историко-психологической интерпретации источников, они все же развиваются, особенно по отношению к эпохам и цивилизациям, богатым письменными документами и памятниками искусства, — античной Греции и средневековой Европе. Многие наблюдения западноевропейских специалистов получили положительную оценку и творческое развитие в советской исторической и философской литературе. Но среди этих наблюдений почти нет наблюдений над трансформацией этнического самосознания у древних греков и средневековых жителей Европы — прослеживание такой трансформации требует и дополнительного поиска источников, и специальной источниковедческой работы.

Общее самосознание какой-то этнической общности автоматически связано с существованием общего самоназвания. М. В. Крюков (1976) проследил по китайским и древнегреческим источникам, как формировалось этническое самосознание в древней Греции и в древнем Китае и когда, на каком уровне его развития возникает общее самосознание. Однако оба случая уникальны полнотой относящихся к ним исторических источников, и никакие другие территории, если говорить о древних периодах, не дают нам такой исключительной полноты информации. Повидимому, самый факт наличия самоназваний в письменных источниках можно рассматривать как

указание на скрывающиеся за ними самостоятельные народы с самостоятельным же самоназванием, но беда в том, что древние этнонимы имеют сложное происхождение, очень часто в источниках фигурируют не самоназвания, а наи- менования, данные народу его соседями или тем народом,

28

к которому принадлежит автор источника, и понять, какой характер имеет то или иное название, фигурирующее в источнике, из самого источника чаще всего невозможно. Это устанавливается аналитически, но результаты этой аналитической работы тоже не бесспорны, и литература по истории древнего мира, включая и древний Восток, и даже литература по эпохе средневековья переполнены дискуссиями по поводу значения того или иного этнонима. Одним словом, хотя подобные данные и могут быть использованы в этногенетических целях, но значение их в этногенетическом исследовании приходится признавать второстепенным.

Но дело не только в их неполноте, их второстепенное значение связано еще с одним обстоятельством, органически присущим такому этническому определителю, как этническое самосознание, и возникающему на его основе самоназванию. Четко маркируя народ, этническое самосознание мало дает нам в установлении общего происхождения группы народов, то есть в реконструкции этногенетических пучков. В группе близких по происхождению, культуре и языку народов сохраняется какое-то осознание общего происхождения и генетического родства, оно тем сильнее, чем ближе народы друг к другу (хорошим примером могут служить восточнославянские народы), но чем меньше. Эта близость, тем меньше и ее осознание. Немало написано и о субъективности этого фактора, чрезвычайно зависимого от многих внешних для него и более или менее случайных причин, в том числе и политических. К этому можно добавить, что он не поддается пока никакому даже качественному учету. Возможности использования самоназваний для реконструкции этногенетических пучков еще более ограничены. Филологический анализ вскрывает их лингвистическую принадлежность и этимологию, да и то не всегда достаточно бесспорно, но опять-таки устанавливать генетическое родство между народами можно только в случаях очень близких этнонимов. А если учесть многочисленные случаи передачи и усвоения этнонимов, зафиксированные и исторически, и этнографически, то становится ясно, что использовать этот источник информации следует лишь с большой осторожностью.

Этническое самосознание и самоназвание сопровождаются почти без исключений (хотя случаи двуязычия одного народа и двух народов, говорящих на одном языке, встречаются, и они упоминались выше) единым язы-

29

ком и цельным культурно-бытовым комплексом. Истоки языковой динамики прослеживаются в ряде случаев при наличии письменных памятников на значительную хронологическую глубину, при отсутствии памятников на данном языке известное значение имеет анализ ономастики и вообще лексики, сохраненной в иноязычных памятниках. При многих неясностях положения и генеалогических взаимоотношений так называемых изолированных языков языковой материал в целом достаточно красноречив в генетическом плане, при наличии необходимого количества данных установление близости малоизвестного или ранее неизвестного языка к той или иной языковой семье осуществляется с достаточной точностью, и поэтому все генеалогические вопросы могут решаться на основе лингвистической информации гораздо более определенно, чем на основе этнопсихологических наблюдений. Лингвистика все шире и шире сейчас использует формальные способы анализа и достигла на этом пути заметных успехов, тем не менее количественные методы установления языков, их близости друг к другу оказываются пока не очень удачными. Однако и без этого методика установления близости языков друг к другу на качественном уровне дает вполне объективные результаты. Поэтому при выделении этногенетических пучков значение лингвистических данных огромно, начиная с эпохи письменной истории, и все вырастает по мере приближения к современности.

Однако хотя язык, на котором говорит народ, и представляет собою вполне самостоятельное целое, он неразрывно связан с культурой, которую он обслуживает. Весь комплекс народной культуры, будь то совокупность хозяйственных навыков и элементов материальной культуры в узком смысле слова, будь то фольклорные мотивы, ритуал и обычаи — то, что очень часто называется духовной культурой, будь то, наконец, бытовые навыки, пронизан язык, на котором говорит общество, на языке и с помощью языка реализуется, и поэтому при

отсутствии или недостаточности языковой информации образует ту основу, опираясь на которую мы судим о родстве, сопоставляя народы. Здесь также нет количественных оценок или они очень несовершенны, но качественные способы сравнения хорошо разработаны и приводят к удовлетворительным результатам. Собственно этнографические реконструкции, как автор пытался показать в специальной статье (Алексеев, 1983), не име-

30

ют большой хронологической глубины из-за специфической структурной организованности, свойственной каждому культурному комплексу, но эта своеобразная черта этнографического материала преодолевается стыковкой его с археологическим в тех случаях, когда степень археологической изученности территории позволяет построить археологическую периодизацию исторического процесса, начиная с момента заселения данной территории человеком и кончая эпохой позднего средневековья, от которой уже непосредственно можно перейти к выводам из ретроспективной экстраполяции историко-этнографических наблюдений. Собственно говоря, позднее средневековье и представляет собою тот хронологический отрезок времени, в границах которого историческая этнография и поздняя археология переходят одна в другую. Рассматривая исторические вопросы реконструкции этногенетического процесса раньше, автор писал о том, что археологический материал освещает в основном ранние этногенезы, а этнографический — поздние (Алексеев, 1974). Этногенетическое значение археологических исследований ограничивается поэтому древнейшими периодами истории человечества, тогда как эффективность применения этнографических данных привязана к последним столетиям. Будучи правильным по существу, это высказывание носит тем не менее формальный характер и не учитывает хронологическую связь между обоими рядами фактов — этнографическим и археологическим. В случаях полноты самого эмпирического наблюдения они составляют непрерывный ряд, ведущий от современности ретроспективно в глубь времени вплоть до древнейших эпох в истории человечества.

Разумеется, этнографическая реконструкция полнее археологической, особенно в отношении тех сторон культуры, которые не находят выражения в материальных остатках. Нет и общей теории реконструкции социальных явлений и явлений духовной культуры на основе археологических данных. Но результаты такой реконструктивной работы на основе конкретных археологических материалов огромны и именно они и дают нам возможность восстановить духовный облик народов прошлого и уловить черты сходства в духовной культуре отдельных народов. Таким образом, и по отношению к древнейшему прошлому человечества, по отношению к древнейшим народам в нашем распоряжении культурно-исторические данные в целом, а не одни лишь остатки материальной

31

культуры. Конечно, это постоянно порождает дискуссии вокруг отдельных моментов реконструкции надстроечных явлений в культуре, но это же и создает известную полноту исторического знания при сравнении отдельных культурных комплексов, определении сходства между ними и установлении этногенетических пучков. Именно полнота совпадений в элементах культурных комплексов позволяет осуществлять логический переход к сходству в обслуживающих их языках и придавать этим совпадениям этногенетическое значение. Итак, в более расширенной трактовке мы приходим к старому предложению Н. Н. Чебоксарова видеть в народной культуре наиболее важный этнический определитель и к еще более старому предложению С. А. Токарева оценивать этнографию как наиболее важный источник этногенетической информации. На более поздних этапах человеческой истории этот источник учитывается наряду с лингвистическими характеристиками.

Все сказанное не исключает представления о том, что этногенетический процесс распадается на какие-то составляющие его процессы и что его целостная характеристика не может быть достигнута. Поэтому и само понятие об этногенезе в науке может носить не целостный, а составной характер и тогда пришлось бы его расчленять на составляющие его более элементарные понятия. Однако, по глубокому убеждению автора, этногенетический процесс представляет собой целостное историческое явление, и соответственно этому и научная характеристика его должна быть целостной и иметь целостную форму. Но вследствие неочевидности позитивного решения вопроса о целостности процесса этногенеза нужно посвятить ему несколько слов.

Этногенез — происхождение народов. Это означает, что речь в данном случае идет о сложении во времени того комплекса специфических элементов, который характерен именно для данного

народа и ни для какого другого больше. Многочисленные и разнообразные дискуссии, проходившие вокруг содержательных и терминологических характеристик процессов этнообразования и этнических процессов в более широком смысле слова, показали огромное многообразие конкретных исторических условий, в которых развиваются эти процессы. Выявили они в связи с этим и ограниченность обычно предлагаемых определений народности и нации — двух высших форм этнических общностей. Такие определения, примененные

32

в конкретных исторических ситуациях, оказываются недостаточными то в одном, то в другом отношении, оставляют за пределами рассмотрения иногда важные признаки той или иной нации, безразличные в других случаях. Но бесспорно, что комплекс, составленный общей культурой, самостоятельным языком и самосознанием, оказывается, как уже говорилось, в подавляющем большинстве случаев высоко специфичным для любого народа.

Таким образом, сложение языка, на котором говорит народ, формирование его культуры, образование характерных психологических стереотипов во всяком случае входят в число динамических процессов, охватываемых понятием этногенеза. Исходя из этого, можно было бы ответить на поставленный выше вопрос в том смысле, что этногенез — составное понятие, охватывающее разнообразные явления и процессы, причинно не связанные друг с другом, что, говоря о происхождении того или иного народа, мы можем рассматривать его как сумму независимых процессов сложения отдельных фундаментальных особенностей этого народа. Возможно, именно такой подход не позволяет до сих пор снять отдельные случаи острых противоречий в трактовке проблем этногенеза, когда, основываясь на одном каком-нибудь существенном признаке, например языковой принадлежности в современную эпоху, исследователи отрицают роль инородного субстрата или, наоборот, опираясь на данные о субстрате, преувеличивают его значение вопреки очевидным фактам языкового и культурного сходства в современную эпоху. Если же учесть, что в ряде случаев какая-то сумма физических признаков также является специфической для народа, иногда и некоторые другие особенности, например, черты бытового поведения, приобретают то же значение, что язык, культура и самосознание, то становится ясным, что, рассматривая этногенез как составной процесс, мы теоретически не получаем возможности ограничить абсолютизацию тех или иных этнических признаков и, принимая только их или преимущественно их во внимание, односторонне решаем этногенетические проблемы.

Что дает нам какие-то основания считать этногенез целостным процессом? Прежде всего, во-первых, специфика результата, то, что при всей условности этнических границ в ряде случаев любой народ в целом характеризуется многими только ему свойственными признаками и

П43—2

33

отличается от других неповторимым комплексом, в который входят и культурные черты, и язык, и определенный набор психических стереотипов, и специфика производственно-экономической сферы, и устойчивая этноисторическая традиция, и многие другие особенности. Неповторимость любой этнической общности как целого заставляет думать, что для процесса ее формирования также характерна определенная целостность, высокая степень интегративности. Второе, что также приводит к рассмотрению этногенетического процесса как целостного явления, — приуроченность его к определенным пространственно-временным интервалам, пространственная обусловленность и ограниченность достаточно узкими хронологическими рамками, о чем дальше будет сказано подробнее, но что должно быть здесь упомянуто как показатель целостности. Наконец, важно в этой связи и третье обстоятельство, заключающееся в том, что отдельные процессы формирования культурных элементов, глоттогенез, сложение антропологических особенностей связаны, очевидно, в этногенезе сильнее, чем при самостоятельном проявлении. Другими словами, глоттогенез идет и помимо этногенеза, формирование антропологических общностей происходило непрерывно в истории человечества и часто независимо от этногенеза, но в процессе этногенеза осуществляется территориальная и хронологическая связь между этими динамическими явлениями, однолинейные процессы образования культурных черт, антропологических особенностей, психических качеств, языковых признаков превращаются в многолинейный процесс возникновения новой этнической общности.

Итак, этногенез — не составной, а целостный процесс. Этногенетический процесс можно понять и следует трактовать только как целое. Вне этой целостности этногенез распадается на отдельные независимые динамические явления и перестает существовать как предмет научного анализа. Существующие разногласия по многим частным вопросам этногенеза отдельных народов как раз и

возникают из-за недооценки целостности этногенетического процесса и абсолютизации отдельных его сторон.

ГЛАВА 2

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПУЧКОВ ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В предшествующем изложении опущена тема использования информации о физических особенностях представителей разных народов для реконструкции этногенеза и этногенетических пучков, то есть освещение роли антропологического анализа в этногенетическом исследовании. Роль антропологии в реконструкции этногенетического процесса параллельно с рассмотрением роли археологии и этнографии была рассмотрена ранее (Алексеев, 1974). Автор пытался показать, что роль эта значима на всех хронологических срезах истории человечества, и исходил при этом не из пиететного отношения к своей собственной специальности, а из эмпирически очевидного хронологического преимущества антропологических характеристик, которые охватывают огромный период времени от самого начала антропогенеза до современности. В то же время очевидно и другое — роль эта для эпох бесписьменной истории, разумеется, больше, потому что информация об этих эпохах, извлеченная из других видов этногенетических источников, естественно, меньше или совсем сходит к нулю. Однако антропология полностью безразлична к культуре и языку, антропологические характеристики полностью независимы от культурно-исторических и лингвистических, поэтому использование данных о биологических особенностях человеческих популяций в реконструкции этногенетического процесса в целом и конкретных этногенезов требует отчетливого представления о всех встающих на этом пути трудностях, соблюдения определенных методических правил и исключительной осторожности в интерпретации результатов. В то же время в исторической антропологии, то есть в тех областях антропологии, которые непосредственно обслуживают историю и дают историческую информацию, накоплен богатый запас эмпирических фактов и теоретических разработок, важных для нашей основной темы. Этим оправдывается рассмотрение проблем историко-антропологической реконструкции применительно к задачам исторического исследования в отдельной главе и суммирование

34

35

представлений о возможностях и границах такой реконструкции, в том числе и в сфере этногенеза.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РУБЕЖИ

В первой главе «Исторической антропологии» (Алексеев, 1979) был представлен краткий очерк истории историко-антропологических исследований в разных странах, их начала, развития и современного состояния. Не повторяя всего там сказанного и отвлечаясь от первых эмпирических наблюдений в античной и средневековой науке, следует в то же время предварить изложение конкретного историко-антропологического материала напоминанием об основных исторических рубежах, через которые прошла историческая антропология, и перечислением творцов научного поиска, которых она выдвинула из своих рядов. Им, этим людям, работавшим в области, пограничной между биологией и историей, боровшимся часто поэтому с недопониманием и историков, и биологов, обязана историческая антропология своими достижениями, они же создавали своими исследованиями тот запас знаний, который необходим историкам, и этнографам, и археологам, и лингвистам, занимающимся проблемами этногенеза.

Начало исторической антропологии относится к 1844 г., когда швед А. Ретциус предложил делить людей и их черепа на долихо- и брахикефалов (длинноголовых и короткоголовых), а внутри каждой из этих групп выделять две подгруппы по степени выступания вперед лицевого скелета. Нельзя сказать, что никому в голову не приходило до А. Ретциуса пользоваться измерениями, но предлагавшиеся способы измерять не выявляли ничего, кроме различий индивидуальных, и поэтому не могли быть использованы для групповых характеристик. Открытие А. Ретциуса состояло в том, что, во-первых, он нашел способ количественно выразить групповые различия, а во-вторых, выдвинул, пользуясь господствовавшей в биологии линнеевской системой классификации, дихотомический принцип классификации и обозначения этих групповых различий. Интуитивно, неосознанно, без специальной формулировки при таком подходе предлагался тот самый принцип иерархического соподчинения категорий внутривидовой групповой изменчивости и неравноценности расовых

признаков, который почти на столетие позже сформулировал в наиболее отчетливой и осознанной фор-

36

ме А. И. Ярхо, хотя, нужно отметить, близкие формулировки, может быть, менее отчетливые, появлялись и раньше. Выделение в составе современного человечества морфологически различающихся и иерархически соподчиняющихся групп можно считать и началом исторической антропологии, так как оно создало объективную основу для сравнения антропологических особенностей народов и входящих в их состав этнографических групп. Практическая реализация исторической трактовки антропологических наблюдений достигла наибольшей глубины в творчестве современника А. Ретциуса К. М. Бэра, последние 40 лет жизни работавшего в России. Грандиозная по объему и достигнутым результатам его деятельность охватывала многие области знаний, среди которых антропология занимала место лишь в ряду других. Но и в ней им было сделано поразительно много — он занимался антропологией сибирских народов, народов Юго-Восточной Азии и Европы, заботился о пополнении точно документированных краниологических коллекций, увязывал результаты своих исследований с результатами исследований историко-этнологических, все его антропологические работы содержали материал, непосредственно относящийся к истории. Как никто до него, он понял значение унификации измерений и был одним из инициаторов созыва международного съезда антропологов в Геттингене в 1861 г., на котором пристально рассматривались вопросы унификации и создания единой международной системы измерений. Таким образом, 50-е годы прошлого века — это начало формирования исторической антропологии как науки, выразившееся как в формулировании первых методологических и методических принципов, так и в появлении конкретных исследований. Итак, историческая антропология насчитывает почти 150 лет существования и за это время проделала большой путь как в области накопления конкретных знаний о физических особенностях древних и современных народов, так и в теоретическом осмыслении возможностей историко-антропологического исследования и создании соответствующих методологических и методических подходов. Периодизация всей этой большой исследовательской работы связана с периодизацией антропологических исследований в целом, но имеет и свою специфику, отражающую степень освоения антропологом-историком исторического знания и соотнесения с ним результатов своих

37

исследований. Скажем, разработка классификации ископаемых гоминид на основе морфологических и других данных имеет самостоятельное биологическое значение, но сугубо исторический интерес она приобретает в связи с разработкой проблемы периодизации истории первобытного общества и в исторические периоды обостренного внимания к этой проблеме и переоценки конкретных схем периодизации. Окончательное обоснование периодизации исторической антропологии с учетом локальной специфики ее развития в отдельных странах будет возможно лишь после создания ряда исследований, посвященных тем или иным хронологическим периодам в ее истории, но предварительную схему такой периодизации можно предложить уже сейчас, опираясь на проделанную историографическую работу. Можно выделить, не стремясь пока к излишней дробности, три крупных периода в развитии исторической антропологии. Первый из них — период накопления конкретных знаний — начинается с деятельности упомянутых выше ученых и находит продолжение в организации специальных антропологических обществ в различных странах и пока спорадических исследованиях антропологического состава разных «экзотических» народов. На протяжении этого периода нет ясного осознания методических принципов, лежащих в основе историко-антропологического исследования, нет и полных знаний о панэй-куменной географии физических особенностей населения, локальная раса часто отождествляется с народом и языком, в литературе фигурируют славянские, тюркские, индоевропейские и другие расы, выделенные по языковому принципу. Эволюционная идея безоговорочно распространяется на расы современного человечества, и они подразделяются на примитивные, первобытные, «низшие» и более развитые, «высшие». «Высшие», естественно, представлены среди цивилизованных народов, «низшие» — среди народов, оставшихся на низких ступенях общественного развития. Расизм, не воинствующий, не оголтелый, но все же расизм, хотя и принявший академическую форму, характерен в целом для очень многих работ этого периода, что связано с постепенным распро-

странением в науке дарвиновских эволюционных принципов и практически полным отсутствием представлений о качественной специфике человека по сравнению с животными. Героическая работа Н. Н. Миклухо-Маклая среди папуасов противостоит этой форме расизма, но она, к

38

сожалению, стоит особняком. Все это постепенно развивающееся научное движение завершается на рубеже прошлого и нашего столетий.

Этот рубеж—начало нового периода, который можно назвать периодом оформления методологических основ исторической антропологии. Любопытно отметить, что более сознательное, чем на Западе, отношение к методологическим основам историко-антропологических исследований проявляется в России и СССР, что связано, во-первых, со стремлением избежать крайнего морфологизма и, во-вторых, с пониманием необходимости тесной кооперации собственно антропологической работы в узком смысле слова с результатами исторического анализа. После того как английские биометрики показали разный характер внутригрупповой и межгрупповой изменчивости, М. Е. Чепурковский сумел увидеть в нем проявление ра-сообразовательного процесса и наиболее фундаментальную его характеристику. А. И. Ярхо в самом начале 30-х годов сформулировал принцип таксономической неравноценности расовых признаков (подразумевалось и расовых комплексов), переведя в теоретическую сферу бессознательно проводимое в жизнь эмпирическое правило, ведущее начало, как мы уже говорили, с плодотворной работы А. Ретциуса. А в 1952 г. Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова указали на специфику антропологического материала в его пространственной сопряженности с культурными явлениями и языком, о чем уже упоминалось выше: резкое изменение антропологических особенностей древних популяций всегда есть свидетельство появления нового населения и брачных контактов с ним, тогда как культурные особенности и язык распространяются и диффузно, вследствие культурных и необходимости торговых контактов. Естественно, все это не исключало, а предполагало дальнейшее расширение фактической базы исторической антропологии и подробное исследование антропологического состава многих ранее не изученных районов земного шара.

Примерно на рубеже первой и второй половины нашего столетия в ходе региональных исследований была полностью осознана исключительная сложность антропологического состава отдельных народов (теоретическая формулировка тезиса о несовпадении границ этнических и расовых категорий относится к первой четверти века, но проиллюстрирована она могла быть лишь очень общими примерами), что и явилось параллельно с изучени-

39

ем географического распространения генетических маркеров толчком к разработке популяционного подхода в антропологии. Это начало третьего современного периода в истории исторической антропологии, периода изучения популяций и популяционной структуры антропологического покрова в его динамике. Оба момента, составляющие внутреннее содержание этого периода, — значительное расширение списка изучаемых признаков и популяционный подход к сбору и интерпретации антропологических данных — потребовали повторного и более глубокого исследования больших контингентов населения и охвата многих так называемых изолятов, чем и заняты антропологи большинства стран земного шара.

Намеченные периоды развития исторической антропологии охватывают лишь основные тенденции. Во многих странах можно отметить заметное локальное своеобразие в распространении тех или иных идей или в сроках перехода к новым методам исследования.

Поэтому уточнение местного своеобразия в развитии историко-антропологических исследований в отдельных странах и выделение внутри намеченных периодов более мелких этапов потребует, как уже говорилось, еще большей историографической работы по конкретизации наших знаний о деятельности тех или иных антропологических учреждений, как национальных, так и международных, и отдельных крупных исследователей в разных странах.

ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДАННЫХ

Фактические данные, которыми располагает историческая антропология, разнообразны.

Достаточно подробный разбор характера этих данных и способов их получения был дан в книге по исторической антропологии, и мы ограничимся здесь лишь несколькими общими замечаниями.

Прежде всего это самые разные морфологические характеристики, то есть характеристики, получаемые с помощью измерения и описания: измерение головы и тела, описание мягких тканей лица, измерение скелета. Число тех или иных признаков, которые можно измерять или описывать, практически неограниченно, но антропологический смысл признак приобретает лишь тогда, когда он обнаруживает групповые различия. Иными словами, варьирует признак индивидуально — он

может быть использован для разных целей, скажем, для усовершенство-

40

вания методики индивидуального портрета, используемой в криминалистике, но антропологического значения такой признак не имеет. Складываются индивидуальные сочетания в групповые, то есть различаются по вариациям этого признака различные группы людей — он может быть использован и используется в антропологических исследованиях, так как они нацелены на выявление и истолкование именно групповых различий. Этой нехитрой разницей между характером изменчивости признаков — индивидуальная изменчивость или групповая — ставится ограничение используемым в антропологии признакам, число их из теоретически безграничного сразу становится практически обозримым. Историко-антропологическое исследование пользуется всем арсеналом признаков, накопленным и применяемым в антропологии, так как все они позволяют извлекать историческую информацию из морфофизиологической динамики человеческого организма.

Не меньшее значение имеют и физиологические данные — генетические маркеры, обменные показатели, скорость психонервных реакций, которые также складываются в групповые характеристики. В настоящее время в физиологической антропологии все шире используются данные о групповых вариациях ферментов, что относится уже к сфере биохимии, но с точки зрения целей и задач самого антропологического исследования все эти признаки попадают в одну и ту же категорию, их нет надобности выделять и рассматривать самостоятельно. Но кроме морфофизиологических особенностей человеческого организма, анализируемых в их временной динамике, существует еще один информационный источник об изменениях физических особенностей отдельных человеческих групп в ходе времени — речь идет о богатейших результатах воспроизведения людьми самих себя в изобразительном искусстве, памятники которого дошли до нас, начиная с эпохи верхнего палеолита. Это очень трудный для интерпретации материал в историко-антропологическом отношении: стилистические традиции эпохи, психология творческого процесса, не до конца понятая и сейчас, но явно меняющаяся в разных культурах оценка своего собственного физического облика и облика соседей, наконец, уровень художественно-эстетического развития общественной среды, создавшей те или иные памятники искусства, накладываются на оригинальные образцы искусства, отражаются в них, меняя

натуру и за-

41

трудная для нас непосредственный подход к ней. И все же и этот материал приходит на помощь антропологу там, где в нашем распоряжении нет палеоантропологических коллекций, особенно в тех случаях, когда в нем отражается реалистическое художественное мировоззрение, а момент стилизации, присутствующий в любой форме художественного творчества, занимает минимальное место.

Все сказанное иллюстрирует большое разнообразие историко-антропологических данных, которые объединяются тем, что из них всех можно извлекать историческую информацию, но которые сами по себе в то же время разнокачественны и требуют к себе различного подхода и разных форм анализа. Поэтому именно историко-антропологические работы так различаются по характеру и форме, начиная с исследований, перегруженных графикой и табличными сводками, и кончая статьями, достаточно вольно описывающими антропологические особенности древней скульптуры. Однако разнообразием не исчерпывается специфика историко-антропологических источников. Она состоит еще и в том, что расовый тип любой группы, ее антропологическая специфика складывается из многих признаков, и поэтому ни один из признаков, как бы ни был он важен сам по себе, не может дать даже приблизительного представления о том, что складывается в комплекс и должно быть охарактеризовано комплексно, а именно об антропологических свойствах группы. Независимые признаки и даже независимые системы признаков дают нам в этом отношении лишь ограниченную информацию, дают нам представление лишь о части комплекса, а не об антропологическом комплексе в целом. Этот комплекс восстанавливается лишь на основе всей совокупности антропологических наблюдений, начиная с морфологии внешних покровов тела и кончая глубинными физиологическими реакциями. Поэтому чем более целостно историко-антропологическое исследование, тем более убедительно оно в отношении исторических выводов. Собственно говоря, требование комплексности подхода есть требование любой научной методологии — ведь чем шире круг источников, использованных в любом исследовании, тем оно полноценнее, но в исторической антропологии это особенно необходимо, так как вытекает из самого характера историко-антропологических материалов.

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Во многих дисциплинах и в первую очередь в языкознании давно осознано и сформулировано принципиальное различие между синхронным и диахронным планами сопоставления. В антропологии это различие интуитивно осознавалось и учитывалось, но ни разу не было сформулировано и рассмотрено как проблема большой теоретической важности. Ввиду ее неразработанности ограничусь лишь самыми предварительными замечаниями и только в связи с задачами историко-антропологического исследования.

Специфика диахронных сопоставлений в первую очередь заключается в самом характере данных. Редкие случаи продольного сечения ныне живущих популяций ограничиваются лишь изучением возрастной изменчивости. Обычно же диахронное сопоставление всегда опирается либо на сравнение скелетных серий, либо на сравнение краниологических и соматологических данных. Таким образом, момент диахронии, с одной стороны, вводит в антропологическое исследование возможность непосредственного анализа динамики антропологических признаков и расогенетических процессов, а с другой — ограничивает сферу морфологических сравнений лишь признаками скелета и черепа и создает дополнительную трудность сопоставления их с соматологическими наблюдениями.

Преодоление этой последней трудности предлагалось осуществить такими путями: а) учитываемым во всех или почти во всех соматологических программах требованием опираться при измерении на точки, строго определимые на скелете; б) разработкой методов перехода от вариаций черепа к строению мягких тканей лица, что особенно интенсивно производилось в связи с задачами реконструкции лица по черепу М. М. Герасимовым и его учениками; в) сравнением максимальной выраженности монголоидного и европеоидного комплексов в соматологических и краниологических данных и сопоставлением соответствующих шкал с оценкой степени монголоидности древних популяций по современному масштабу (Дебец, 1956). Все эти способы имеют свои недостатки: первый — невозможность полной идентификации соматометрических и краниометрических точек, второй — какую-то степень независимости в вариациях черепной основы и мягких тканей, третий — недоказанность тождества, морфологи-

43

ческой однозначности крайних вариантов монголоидно-европеоидной шкалы в соматологических и палеоантропологических данных и невозможность сравнения древних и современных групп по признакам, не входящим в дифференцирующий комплекс монголоидной и европеоидной рас.

Главное же заключается в изначальной неполноте палеоантропологических данных, наличии в них информации лишь об одной системе человеческого тела. Находки волос редки и, кроме того, волосы подвергаются в земле химическому воздействию и обесцвечиваются, чем и объясняется, по всей вероятности, обнаружение в древних погребениях мумий с белокурой волосами на территориях, сейчас заселенных темноволосым населением. Находки мягких тканей также редки, последние обнаруживаются в мумифицированном состоянии, и их исследование, хотя и необходимое, до сих пор представляет собою скорее научный раритет, чем действительно источник полноценной информации. На территории Советского Союза такие мумифицированные находки единичны. Одним словом, основным в палеоантропологии остается изучение скелета как такового с помощью макрометодов — измерения, подсчета вариантов с дискретной изменчивостью и тщательного морфологического описания. Что же касается восстановления внешнего облика и пигментации древних популяций, то тут относительную помощь могут оказать только сведения древних авторов. Эти сведения становятся многочисленными только применительно к эпохе раннего железа и пока еще не были систематизированы под интересующим нас углом зрения. Вторая специфически диахронная особенность историко-антропологического исследования состоит в том, что сравнение древних популяций в пределах одного хронологического периода, исключая даже специфику и ограниченный набор признаков, по которым они сопоставляются, качественно неравноценно полностью синхронному срезу, возможному при обследовании современного населения. Как бы ни была тщательно разработана датировка соответствующих памятников, как бы ни дробились по кратким отрезкам времени погребения внутри могильников, как бы внимательно ни производились анализы на предмет определения абсолютного возраста, археологическая одновременность

будет относительной. Самые точные методы датирования по аналогии так же, как и самые разработанные способы определения абсолютно-

44

го возраста, дают ошибку в 100—200 лет, а это несколько Сменивших друг друга поколений. Правда, внимание к топографии древних могильников дает возможность расчленить их хронологически и разделить кажущиеся одновременными группы на разновременные. Но и топография не спасает от указанной ошибки.

Общеизвестная динамика признаков во времени, неравномерная дифференциация популяций, теоретически возможный неодинаковый темп мутирования, наконец, смешение — все это накладывает диахронические ограничения на синхронный разрез палеоантропологического материала, делая якобы синхронное сопоставление диа-хронным. К. этому прибавляется еще неполнота палео-антропологических коллекций, при которой совместно рассматриваются заведомо неодновременные серии. Масштаб этой диахронии, естественно, различен, может быть в ряде случаев сведен до минимума, но сама диахрония пока неустранима полностью. При любой сколько-нибудь широкой сравнительно-географической оценке палеоантропологических материалов и даже при сравнении двух групп следует постоянно иметь в виду эту неустранимую диахронию и учитывать ее влияние на результаты географического и якобы синхронного сравнения.

Наконец, третий момент, непременно возникающий при диахронном сопоставлении, — деформированное представление о размерах и структуре древних популяций. Малое число могильников раскопано полностью, чаще всего палеоантрополог сталкивается с материалом, происходящим из могильников, либо лишь частично раскопанных, либо раскопанных более или менее полно, но без твердой все же гарантии, что раскопки памятника доведены до конца. Таким образом, самый способ сбора палеоантропологических коллекций делает палеоантропологические выборки неполными и усеченными. Однако даже в случае исчерпывающе полных раскопок того или иного могильника невозможно полагаться безоговорочно на полученную с помощью таких раскопок информацию, так как состав захороненных по самой сути своей далеко не всегда отражает демографические и социальные показатели популяции. Случайная гибель людей на стороне и в войнах служит наряду с неполными раскопками еще одним довольно мощным фактором усечения выборки. В том же направлении действуют многие этнографические обычаи. В качестве одного, но далеко не единственного примера укажу только на возможность отдельного захо-

45

ронения детей, что подтверждается этнографическими данными по народам Сибири и весьма вероятно для древнего населения Западной и Южной Сибири (Грязное, 1956).

Помимо факторов, нарушающих случайность выборки и отсекающих ее часть, действуют одновременно и другие факторы, деформирующие выборку скорее в противоположном направлении. Я имею в виду несомненный факт функционирования могильников на протяжении нескольких поколений и невозможность отчетливой дифференциации погребений по поколениям. Упомянутый выше топографический анализ могильника может в ряде случаев оказать какую-то помощь в этом отношении, но его разрешающая способность не безгранична. В любой палеоантропологической серии, следовательно, представлены не одно, а несколько поколений людей, и поэтому в случае даже полных раскопок того или иного могильника материал из него имеет лишь ограниченное значение для палеодемографических подсчетов.

Как деформируется при этом представление о размерах и структуре популяции? Она предстает перед нами как бы развернутой, продолженной во времени. Демографическая структура ее при этом восстанавливается, по-видимому, полностью, так как соотношение возрастов при прочих равных условиях остается постоянным. Но если в популяции на протяжении одного какого-нибудь поколения шел какой-либо интенсивный демографический процесс, например имела место высокая детская смертность, то его результат, распределяясь по нескольким поколениям, дает смягченное представление о его действительных масштабах. То же самое можно сказать и про генетические характеристики — если какой-нибудь признак с дискретной изменчивостью и монофакториальной наследственностью подвержен в ископаемой популяции дрейфу, то высокая или низкая

концентрация генной частоты в последнем поколении не обратит на себя внимания, будучи соотнесенной с соответствующими частотами в предшествующих поколениях: в итоге мы будем иметь какой-то средний и неспецифический результат по всему могильнику.

Все сказанное делает подсчеты численности ископаемых популяций результативными только при неременном учете археологических-данных, а специфику диах-ронного сопоставления заставляет считать одной из предпосылок историко-антропологического анализа.

46

ГРАНИЦЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

Вопрос о том, каковы возможности и границы морфологической реконструкции, относится к самым кардинальным вопросам морфологической науки и стоит в центре внимания морфологов с первых шагов их работы, но он одновременно исключительно важен и для исторической антропологии, т.ак как определяет глубину проникновения в историческое прошлое на основе морфологических данных. Аспекты получения генерализованных морфологических характеристик на базе первичных измерений и описаний очень многообразны, хотя разработка их неравномерна: в ряде случаев речь может идти о достаточно точных и объективных результатах, в некоторых случаях результаты дискуссионны и требуют дальнейшей проверки, наконец, по отношению к отдельным попыткам можно сказать, что они не вышли за рамки первого ориентировочного поиска. Что же реконструирует морфолог, пытаясь получить генерализованные характеристики? Проблема получения групповых данных на основании индивидуальных, представляющая собою частный случай более общей проблемы свертывания информации, является общей для всей биологии, процедура ее разработана достаточно хорошо, по отношению к современному населению это, пожалуй, единственная проблема морфологической реконструкции, имеющая самостоятельное значение в историко-антропологических исследованиях. Остальные проблемы либо тривиальны (например, получение арифметических значений отношений размеров — индексов для более полного описания формы), либо лежат за пределами интересов исторической антропологии (например, получение характеристик конституционального габитуса), и сама реконструкция не дает исторической информации. Но, изучая древнее население, мы постоянно прибегаем к операции получения генерализованной характеристики на основе первичного описания или измерения, и поэтому палеоантропологический материал (скелет, часто попадающий в наши руки в очень фрагментарном состоянии) заставляет нас четко осознавать границы возможностей морфологической реконструкции во многих случаях. Отвлекаясь от частных и технических деталей, можно назвать три генерализованные характеристики,

47

являющиеся результатом специального поиска, опирающегося на первичные данные, — восстановление мягких тканей лица по костной основе, реконструкция прижизненной длины тела по длине длинных костей конечностей и позвоночника, восстановление некоторых этнографических обычаев, бытовавших в том обществе, к которому относился индивидуум (подпиливание зубов, разные способы деформации головы). Была предложена методика определения прижизненного веса тела по толщине и массивности костей конечностей (Дебец, 1966; Дебец, Дурново, 1971), но она явно выходит за рамки разрешающих возможностей палеоантропологических данных (Алексеева, Коваленко, 1980). Правда, методика эта рассчитана на восстановление не индивидуального, а группового веса, но это не имеет решающего значения — все равно она исходит из идеи автоматической зависимости между общим весом тела и весом скелета, определяемым косвенно, по обхватам диафизов длинных костей; идея же эта ложна, на общий вес оказывает значительное влияние и вес жировой массы тела, и вес мускулатуры, варьирующие независимо. Поэтому фигурирующие в некоторых палеоантропологических работах цифры веса в высшей степени условны и ими, строго говоря, нельзя пользоваться.

Методика восстановления мягких тканей лица на основе вариаций лицевого скелета наиболее полно изложена в книгах М. М. Герасимова. Она широко известна, многократно обсуждалась и вызвала ряд критических замечаний со стороны как советских, так и зарубежных специалистов. Указывалось на отсутствие убедительного статистического обоснования отмеченных корреляций между костной основой и мягкими тканями и на известный

порочный круг, к которому должна приводить последовательная реализация основного, положенного в основу методики, принципа: если вариации мягких тканей целиком определяются вариациями костной основы, то они не несут никакой дополнительной информации, незачем, следовательно, их и реконструировать, если же они несут эту дополнительную информацию, то они, стало быть, формируются относительно независимо от костной основы и не могут быть восстановлены полностью адекватно ей. Последующие исследования подвели известное статистическое обоснование под отмеченные М. М. Герасимовым морфологические связи строения костнолицевого рельефа и мягких элементов лица (Лебединская, 48

1973), но они не сняли отмеченного противоречия между исходным постулатом методики и логическим суждением. В то же время контрольные криминалистические реконструкции и успех исторических портретов, начиная с облика наших предков и кончая портретами исторических лиц, показали, что в целом методика опирается на правильные основания и дает хорошие результаты. Из этого следует, что при создании индивидуальных портретов потеря информации за счет имеющего место в действительности неполного соответствия мягких тканей и костной основы невелика. Что же касается портретной галереи антропологических типов прошлых эпох, то при восстановлении антропологического облика реконструируются обобщенные черты и в процессе этого, видимо, погашается автономность вариаций мягких тканей по сравнению с вариациями лицевого скелета.

Попытки восстановить точную длину тела по величине костей скелета, в первую очередь по длине длинных костей конечностей, имели место не один раз в истории антропологии. Все они якобы рассчитаны на реконструкцию группового роста, как об этом неоднократно писалось в антропологических руководствах, но практически постоянно используются и в индивидуальных случаях. Последнее вряд ли правомерно, так как все без исключения формулы рассчитаны с помощью вычисления внутри-групповых корреляций внутри той или иной скелетной выборки, поэтому они и дают иногда в индивидуальных случаях не только маловероятные, но и просто нелепые результаты¹. Совершенно очевидно, что дальнейшее усовершенствование методики и исследовательский поиск в этом направлении совершенно необходимы. Но и сейчас групповая реконструкция может быть осуществлена достаточно удовлетворительно с помощью некоторых формул (из них в первую очередь следует назвать формулы К. Пирсона и В. В. Бунака), наиболее емко отражающих типичные вариации пропорций тела во многих популяциях земного шара.

Многие искусственные изменения внешнего облика, распространенные в отсталых обществах, например прокалывание ноздрей или оттягивание ушей, не оставляют следов в костной ткани, поэтому не фиксируются палео-антропологически и не могут стать достоянием историко-антропологического исследования. Недостаток сведений в этом отношении может восполнить лишь иконография из археологических раскопок. Но изменение формы зу-

49

бов, их подпиливание, изменение формы головы — разнообразные виды деформации, ампутация фаланг пальцев отмечены во многих случаях при изучении палеоантропологических коллекций разного хронологического возраста. Пожалуй, лучше всего из этих искусственных изменений изучены разнообразные деформации головы, о которых наглядное представление дают книги Э. Дин-гуэлла (1931) и статья Е. В. Жирова (1940). Судя по отдельным наблюдениям над ископаемыми черепами, простейшие формы деформации начали практиковаться еще в коллективах неандертальцев (Trinkaus, 1982). В общем сейчас уже можно считать бесспорным, что они никак не влияют на нормальное функционирование мозга (в противном случае вряд ли можно было бы встретить их действительно повсеместное распространение в отдельных группах людей на разных этапах истории) и представляют собою дань эстетическим традициям, бытующим в данном коллективе. Происхождение таких традиций неясно, но можно сказать, что во многих случаях они были стойким этнокультурным признаком. Так, например, тождественный тип лобно-затылочной деформации вместе с антропологическим сходством позволил дополнительно обосновать переселение группы людей с территории Киргизии в бассейн верхнего течения Оби на рубеже н. э. Таким образом, деформация представляет собою независимый от антропологического типа самостоятельный источник исторических сведений, извлекаемый из палеоантропологического материала.

Все сказанное относится к палеоантропологическим наблюдениям над костными остатками людей современного вида. Изучение костных остатков ископаемых гоминид — предков современного человека — имеет свою специфику, к рассмотрению которой мы и переходим. Реконструкция внешнего облика древних гоминид привлекала всегда значительно большее внимание, чем восстановление лиц представителей тех или иных народов древности, и в этой области кроме наиболее талантливых, с моей точки зрения, опытов М. М. Герасимова имели место многие другие попытки. Достоверность реконструкций, разумеется, меньше, чем при работе с черепами людей современного вида, и здесь предстоит еще морфологам приложить много усилий, чтобы добиться полной объективности. Пока все подобные реконструкции носят скорее иллюстративный характер.

., Не менее условно и использование формул определения длины тела, рассчитанных для современного человека для реконструкции этого параметра у древних гоминид. Соотношение длины ног, рук и корпуса было различным при разной локомоции и разных пропорциях тела, при фрагментарности дошедших до нас скелетов ископаемых гоминид невозможно чаще всего составить даже приблизительное представление о них, поэтому получающиеся по формулам величины имеют еще более условное значение, чем для современного человека. Условность эта становится еще больше оттого, что находки ископаемых гоминид не только фрагментарны, но и единичны, формулы применяются к индивидуальным объектам. Опыт применения разных формул ко всем без исключения известным находкам показал все же, что формулы К. Пирсона и В. В. Бунака и по отношению к ископаемому человеку дают наиболее правдоподобные результаты. Следы искусственной деформации единичны, подпиливание зубов не отмечено на черепах ископаемых гоминид. Но по отношению к морфологической реконструкции предков современного человека встает очень сложная и специфическая проблема функционального истолкования морфологических структур скелета, известных нам только в ископаемом состоянии. Скажем, массивные фаланги кисти презинджантропа (мне уже приходилось отмечать в разных местах, что укоренившееся для этой формы обозначение *Homo habilis* представляет собою таксономическую фикцию) истолковываются как свидетельство приспособленности кисти к мощному силовому зажиму. Так ли это и не лежит ли в основе возникновения подобной морфологии другая причина? Своеобразная форма сустава I пястной у киик-кобинца и некоторых других неандертальцев Г. А. Бонч-Осмоловский, а вслед за ним и многие другие авторы рассматривали как доказательство ограниченности противопоставления большого пальца. Дает ли морфология действительные основания для такого заключения и не было ли каких-либо компенсаторных образований, функционально восполнявших недостаточную подвижность сустава? Такие вопросы можно задавать десятками, представление о всех встающих в этой сфере трудностях и о специфике проблематики дает книга Е. Н. Хрисанфовой (1973).

В целом методик для реконструктивной работы много, и часть из них дает удовлетворительные результаты. Но

51

часть методик настоятельно требует дальнейшей разработки, и, используя их, постоянно нужно иметь в виду ориентировочный характер получающихся результатов. Подобное отношение к ним предохраняет от излишнего доверия ко всем итогам реконструктивной работы, а это, в свою очередь, оберегает от слишком острой полемики. В частности, глубокое убеждение автора состоит в том, что многие полемические обмены мнениями в области изучения ископаемых гоминид не имели бы места, если бы участники споров ясно осознавали фрагментарность находящихся в нашем распоряжении данных и теоретическую невозможность получать с помощью таких данных полностью объективные выводы на современном этапе развития антропологической науки-

ГРАНИЦЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

Реконструктивная работа при изучении физиологии современных популяций сводится к минимуму. При некоторых расчетах энергетического баланса на популяционном уровне фигурирует величина поверхности тела, которая не может быть измерена непосредственно и определяется по другим размерам с помощью несложной калькуляционной работы. Строго говоря, это такая же генерализованная характеристика, как вес, но она используется чаще всего именно в физиологии, а не в морфологии, почему и упоминается в этом разделе.

Повторяю, такие дополнительные вычисления при получении физиологических характеристик современного населения — редкость, и все необходимые данные получаются непосредственно. Не то — ископаемый материал. Из него физиологическая информация

извлекается как непосредственно (генетические маркеры, сведения о минерализации), так и с помощью косвенных операций, учитывающих в основе своей характер связей между разными системами признаков, выявленный исследователями современного населения. Например, установление прямой зависимости между брахикефалией и деминерализацией костяка позволяет экстраполировать эту зависимость в прошлое и предполагать, что очаги интенсивной брахикефализации связаны с процессами деминерализации, а отсюда, в свою очередь, кажется плодотворным переход к гипотезам о географических, пищевых или любых иных причинах

де-

52

минерализации. Аналогичная зависимость между массивностью костяка и недонасыщенностью его минеральными образованиями также дает возможность частично воссоздать палеофизиологическую ситуацию в разные эпохи и в различных районах при отсутствии прямых наблюдений над минерализацией костяка. То же можно сказать и про зафиксированную обратную зависимость между степенью массивности скелета и содержанием белковых фракций в кровяной сыворотке. Однако все это — косвенные возможности, и, как всякие косвенные возможности, они дают вероятные, но не бесспорные результаты, нужно только четко в каждом отдельном исследовании отдавать себе отчет о мере объективности для данного конкретного случая. Переходя к прямым методам реконструкции физиологического статуса древних популяций, следует подчеркнуть, что мы можем узнать сейчас еще мало по сравнению с огромным запасом информации о современном человечестве. О палеосерологии человека стали писать больше 20 лет тому назад, но первоначальные надежды на быстрое и легкое получение результатов оказались обманчивыми: требование к чистоте образцов и лабораторные трудности пока позволили из нескольких десятков генетических маркеров определять в ископаемых костях только системы ABO и MN, а более или менее разработанная методика и какое-то количество популяционных данных опубликованы лишь для первой из этих систем. Палеосерологию после получения и опубликования этих данных можно считать реально существующей научной дисциплиной, но она только начинает накапливать факты. Ясно, что в этих обстоятельствах любое их теоретическое освещение — лишь первоначальный набросок теории, первое приближение к действительности.

Рентгенофотометрия позволяет оценивать минерализацию костяка, небольшие пробы — выпилены костного вещества — дают надежный материал для микроэлементного анализа без разрушения самих костей, но здесь преграды ставит не метод, а время и условия пребывания скелетов в земле, то есть возникающие трудности имеют объективный характер: весьма вероятно, что их не удастся преодолеть ни при каких обстоятельствах. В процессе пребывания в земле кость кальцинируется, минеральные вещества вымываются почвенными растворами, видимо, могут адсорбироваться и микроэлементы из почвы. Такая кость, естественно, непригодна ни для какого палеофизи-

53

ологического анализа, причем непригодность эта в общем, за исключением особо благоприятных условий, прямо пропорциональна времени пребывания в земле. Чем древнее, следовательно, палеоантропологический материал и больше его историческая ценность сама по себе, тем менее эффективно, а чаще всего и просто бесперспективно его палеофизиологическое исследование. Говоря обо всем этом, нужно, конечно, иметь в виду, что изучение обменных процессов сейчас традиционно излагается в биохимических, а не в физиологических курсах, но рассматриваемая нами область знания еще малодифференцирована, и автор в соответствии с традицией предпочитает говорить в данном контексте о физиологической антропологии, или антропологической физиологии, не выделяя отдельно антропологии.

Как и в области морфологической реконструкции, иные проблемы встают при оценке физиологической реконструкции применительно к древним гоминидам. Ни исследование обменных процессов, ни определение генетических маркеров, как мы уже убедились, — невозможны из-за состояния костной ткани, пролежавшей в земле десятки и сотни тысяч лет. Да и если бы они были возможны (отдельные определения генетических маркеров опубликованы — не ясна только степень их точности), то их информативная ценность ввиду упомянутой единичности объектов была бы близка к нулевой. Но именно для ископаемых гоминид можно и нужно говорить не только о физиологической, но и психофизиологической реконструкции. Речь идет о

морфологической реконструкции макроструктуры мозга на основании изучения эндокранов гоминид и затем о функциональном истолковании этой макроструктуры, то есть о многоступенчатой реконструкции, которая опирается и на морфологические, и на физиологические наблюдения.

Методика морфологической реконструкции мозговой макроструктуры насчитывает много десятилетий, но исследования последних лет все больше показывают, что многое здесь остается неточным, развитие извилин коры большого мозга, места их начала и окончания воспроизводятся с большой долей неуверенности. Поэтому в подобной реконструкции любые очень детальные выводы вызывают, большие сомнения и нужно стремиться к тому, чтобы удержаться в рамках достаточно общих заключений. К функциональному психофизиологическому истолкованию особенностей эндокрана палеоневрологи (а

54

именно так именуют себя исследователи соответствующей области, назвавшие свою науку палеоневрологией) подошли в последние годы, и, как бы ни были здесь осторожны предварительные выводы, они пока не вышли за рамки дискуссий. Исследования эти несомненно перспективны, но объективные выводы из них пока делать трудно.

Итак, возможностей для физиологической реконструкции и разработанных методик немало, но эффект их применения до настоящего времени еще ограничен. В этой области нужно придерживаться правила: больше критического рассмотрения фактов и только те выводы, которые из них непосредственно вытекают. Это обедняет изложение, так как любая красивая гипотеза привлекательна и для ее творца, и для читателя, но зато избавляет их обоих от самообмана.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В какой мере необходимо собирать морфологические и физиологические данные, производить, опираясь на первичные наблюдения, морфологические и физиологические реконструкции, преодолевать связанные с этим трудности, чтобы решать историко-антропологические задачи, то есть пытаться извлечь историческую информацию из результатов антропологического анализа? Все это имеет смысл делать только в том случае, если у нас есть уверенность, что признаки, которыми мы оперируем, имеют генетическую природу, что антропологическая специфика тех или иных групп людей также имеет генетическую природу и передается, по наследству, а не складывается и исчезает в пределах длительности жизни одного или даже нескольких поколений людей. Генетическая интерпретация морфофизиологических данных вслед за морфологической и физиологической реконструкцией — в свою очередь огромная проблема, распадающаяся на ряд частных вопросов, которые мы сейчас более или менее последовательно и попытаемся рассмотреть.

Имеются ли доказательства генетической обусловленности и передачи по наследству морфологических особенностей человеческого организма, и если такие доказательства имеются, то опираются ли они на непосредственные наблюдения и эксперименты или носят косвенный характер? Сразу же нужно подчеркнуть, что прямых

55

данных, подтверждающих наследственную природу морфологических особенностей, нет, но косвенные соображения в пользу их генетической обусловленности довольно-весомы. Они опираются как на весь запас общебиологических фактов эволюции организмов, так и на непосредственно антропологические наблюдения. Передача по-наследству морфологической структуры, сходство родителей и детей, сходство индивидуумов, имеющих общее происхождение, образуют кардинальную основу наших взглядов на эволюционный процесс, подтвержденную тысячами наблюдений на всех уровнях живого. Групповые различия внутри человечества по морфологическим особенностям по своему характеру не выделяются из общей совокупности морфологических структур, образующих живой организм, нет теоретических оснований поэтому отказывать им в способности передаваться по наследству. Очевидно, их генетическая природа близка генетической природе многих внутривидовых наследственных различий, которые многочисленными исследованиями выявлены у животных и растений.

Антропологические доказательства в пользу наследственной обусловленности морфологических различий между отдельными группами человечества сводятся к двум категориям фактов — наблюдениям над стабильностью этих различий во времени и наблюдениям над их поведением при смешении. Палеоантропологический материал позволил выявить ряд областей, в пределах которых определенный антропологический тип или

комплекс антропологических признаков сохраняет свои стабильные характеристики на протяжении ряда тысячелетий. Фрагментарность палеоантропологической информации с территории Австралии или обеих Америк не дает возможности судить о процессах динамики или стабильности антропологических признаков во времени на этих материках, но и Африка, и Евразия снабжают нас прекрасными примерами стойкости антропологических особенностей населения, сохраняющихся тысячелетиями. В Африке — это Египет, где антропологическая преемственность сохраняется до современности, начиная с эпохи минимум IV тыс. до н. э., несмотря на исторически засвидетельствованную смену языка. В Европе — это многие районы Средиземноморья, в Азии —• центральный Кавказ и Закавказье, бассейн Хуанхэ. А во всех этих областях имели место и войны, и локальные переселения народов, и смены языков и культур!

56

Поведение признаков при смешении не менее красноречиво. Смешение представителей всех четко выраженных рас дает промежуточные формы, многие из которых имеют уже тысячелетнюю историю. Неоднократно производившееся изучение метисных популяций в сравнении с исходными показало, что вариации антропологических особенностей формируются у метисов пропорционально доле исходных рас, принявших участие в смешении. Это справедливо не только по отношению к европеоидам и негрооидам (население Северной Африки и многие группы в Центральной Америке), монголоидам и европеоидам (народы Западной Сибири), негрооидам и монголоидам (многие народы Юго-Восточной Азии), но и по отношению к более локальным типам человечества, скажем, по отношению к северным и южным европеоидам и всем формам смешения между ними. Если бы групповые морфологические вариации не были наследственными, все приведенные случаи не имели бы места и вариации антропологических признаков в метисных популяциях распределялись бы без какой-либо видимой закономерности.

Самый факт признания генетической детерминированности морфологических различий между группами людей полностью оправдывает и обращение к ним с целью получения исторической информации, и все этапы морфологической реконструкции, как бы многоступенчата она ни была. Но природа самой генетической детерминации остается неясной, и все попытки прояснения ее с помощью многочисленных статистических разработок в условиях эксперимента над животными, в том числе и домашними, не дали удовлетворительных результатов. Предложенная несколько десятилетий тому назад гипотеза многофакторной детерминации, то есть управления вариациями признака многими генами, и сейчас остается очень распространенной, но она явно недостаточна. А как передаются план строения, тип симметрии, форма? По-лифакториальная гипотеза оставляет этот вопрос без ответа. Предложенные до сих пор многочисленные надстройки над ней в виде дополнительных предположений вызывали и продолжают вызывать и дискуссии, и многие дополнительные вопросы. Поэтому нам остается лишь констатировать, что групповые морфологические вариации внутри человечества наследуемы, но как они наследуются — будем ждать ответа от будущего.

Физиологические характеристики отчетливо распадаются в генетическом отношении на две группы. Все осо-

57

бенности обменных процессов, надо думать, наследственно детерминированы, об этом говорят клинические наблюдения. Но подобные наблюдения не достигают необходимой точности лабораторных экспериментов, кроме того, заведомо известна большая роль среды, особенно питания, в фиксировании разной интенсивности процессов обмена. По отношению к этой части физиологических особенностей можно утверждать с высокой долей вероятности их значительную генетическую предопределенность, но генетическая компонента в их вариациях в ряде случаев перекрывается средовой, а самый тип наследования, как и характер наследования морфологических признаков, остается неясным и требует изучения в условиях генетического эксперимента, то есть сбора посемейных данных, близнецового анализа и т. д. Зато другая часть физиологических характеристик имеет четко изученную наследственность, подчиняющуюся простым правилам, и это позволяет перейти от рассмотрения групповых фенотипов к анализу генетического состава популяций. Именно это обстоятельство и оправдывает наименование этих признаков с простой наследственной структурой генетическими маркерами.

Выше уже говорилось, что к этой категории относятся группы крови, многие ферменты, аномальные гемоглобины. Разработанные формулы дают возможность легкого перехода от лабораторной фиксации того или иного фенотипа к генным частотам. Математическая генетика в последние десятилетия превратилась в очень разветвленную дисциплину, накопившую большое число формальных методов оперирования с генными частотами для выявления силы действия на них отбора, установления интенсивности динамики генного дрейфа, вычисления генетических расстояний между сопоставляемыми группами. Сложность конкретных условий жизни популяций пока плохо аппроксимируется уравнениями математической генетики, работающей чаще всего с упрощающими условиями. Но разнообразные методы вычисления генетических расстояний уже сыграли большую роль в таксономии и оценке уровня дифференциации популяций и надпопуляционных общностей, что позволило получить существенную историческую информацию, не доступную другим методам анализа. К сожалению, ископаемые популяции, как уже отмечалось, исследуемые палеоантропологически, не могут быть охарактеризованы в отношении генетических маркеров как современные, на костях

58

пока удовлетворительно определяются лишь фенотипы системы АВО и MN. Но методика в этом направлении совершенствуется, и это, наверное, даст возможность в будущем перейти к определению и других систем.

Здесь следует отметить те исследования, в которых изучаются групповые вариации альтернативно изменяющихся признаков и которые в работах Н. В. Тимофеева-Ресовского и А. В. Яблокова получили наименование фенетики (Яблоков, 1980). Антропологическая фенетика накопила большой опыт в изучении альтернативно изменяющихся или, как их чаще называют, дискретно варьирующих признаков на черепе и в скелете. Если считать, как это и делается довольно часто, что такие признаки имеют ту же наследственную природу, что и генетические маркеры, то есть детерминируются несколькими генами, то можно надеяться восполнить с помощью этих признаков недостаток генетической информации об ископаемых популяциях. Однако аналогия дискретно варьирующих признаков с генетическими маркерами грубо формальна, законы наследственной передачи для первых остаются невыясненными, и поэтому генетическая интерпретация их в той форме, в какой с ними работают, сугубо условна.

ГРАНИЦЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Наибольшее значение в реконструкции экологической ситуации имеют, конечно, археологические и палеогеографические данные, роль антропологических наблюдений не выходит за рамки вспомогательных источников реконструкции. Все же в некоторых элементарных случаях они могут приводить и к самостоятельным выводам. Скажем, обнаружение на ископаемых костях следов болезни Кашина-Бека позволяет констатировать в соответствующем районе биохимическую провинцию, недостаточную по кальцию и избыточную по стронцию. Но это почти автоматическая зависимость, с подобной зависимостью мы сталкиваемся редко. В подавляющем большинстве других случаев экологическая ситуация много сложнее, отражается в морфологических особенностях человеческого организма лишь частично, и поэтому конечные выводы не могут не быть приблизительными.

Г. Курт (1955, 1956) и Г. Ф. Дебец (1961) обратили внимание на приуроченность популяций грацильного сложения к земледельческому образу жизни. Г. Ф. Де-

59

бец рассматривал даже грацилизацию как следствие перехода к земледельческому хозяйству, хотя и отметил несколько случаев территориального и хронологического совмещения скотоводческого хозяйства и грацильности занимавшихся им людей. Казалось бы, можно судить по степени грацильности скелета о преимущественном направлении хозяйственной деятельности. Однако палео-антропологические наблюдения в целом не подтверждают стабильного характера связи, да и отмечалась она только для европеоидного ареала. Поэтому было бы опрометчиво, опираясь на данные о грацильном скелете в той или иной популяции, делать вывод о том, что она занималась земледелием, сталкиваясь с массивным скелетом, делать вывод, наоборот, о том, что она занималась скотоводством. Антропологический материал непригоден для таких ретроспективных выводов, и это обстоятельство следует иметь в виду, так как в литературе иногда фигурируют суждения о его преувеличенных возможностях в этом отношении.

Если исключить уже упомянутый специальный случай, связанный с микроэлементной недостаточностью разного рода, то какие-либо выводы о пищевом рационе также

малоэффективны с опорой на морфологические особенности скелета ископаемых популяций. Встречающиеся иногда попытки видеть в массивных и широколицых индивидуумах результат обильного питания опираются целиком на умозрительные соображения, как и, скажем, отнесение такой особенности, как массивная челюсть, за счет специфических видов пищи, например употребления сырой рыбы. Уменьшение длины тела и грацильности костяка также не могут быть истолкованы однозначно лишь как следствие недостатка питания.

Морфологические особенности популяций, занимающихся преимущественно охотой и, как всегда параллельно с охотой, собирательством, показывают, что у них нет каких-либо специфических отличий, которые могли бы объективно фиксироваться на палеоантропологическом материале. В итоге мы приходим к общему выводу, что палеоэкологические соображения, опирающиеся на антропологические наблюдения, как правило, лишены достаточной объективности и только в исключительных случаях (отчетливо проявляющаяся микроэлементная недостаточность) имеют право на существование.

В целях полноты изложения следует отметить еще один момент, хотя он и не добавляет ничего к только что

60

сделанному выводу. Речь идет об отмеченных в клинике морфологических изменениях (форма турецкого седла), якобы сопутствующих гемоглобинопатиям (см., например: Smith, 1970). Подобные изменения при условии фиксации их на палеоантропологическом материале могли бы также служить для прояснения палеоэкологической ситуации, так как аномальные гены в популяции возникают при условии отбора к малярийной инфекции, а она провоцируется определенным ландшафтом. Но беда в том, что пока не описано соответствующих изменений на палеоантропологическом материале, указанная возможность не выходит за пределы чисто теоретического предположения.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

По сути дела значительная часть следующей главы будет посвящена извлечению этногенетической информации из разных, в том числе и антропологических, данных, но здесь все же имеет смысл сформулировать несколько общих положений, отражающих границы использования антропологических наблюдений.

Авторы упоминавшейся выше статьи об антропологическом материале как историческом источнике (Де-бец, Левин, Трофимова, 1952) подчеркивали принципиальное различие между антропологическими и любыми другими данными в возможности отражения в них генетических контактов и постулировали, 'как уже упоминалось, что новые антропологические вариации в комплексе могут возникнуть лишь при реальной примеси людей другого антропологического облика. Позднейшие геногеографические исследования показали, что этот часто цитировавшийся вывод, строго говоря, неточен: они возникают не только как результат примеси, но и вследствие диффузного распространения соответствующих генов. О прямой примеси в этом случае говорить не приходится, как не приходится говорить и о непосредственном контакте с носителями того или иного вновь проявившегося фенотипа. Однако мы в этом разделе рассматриваем не столько общие вопросы исторической интерпретации антропологических наблюдений, о чем уже много говорилось, а лишь те специально этногенетические проблемы, которые могут быть решены с помощью антропологического материала. Уже приходилось неоднократно обращать

61

внимание на его пригодность для глубинной хронологической реконструкции, на возможность восстановления преемственности при его наличии до эпохи палеолита. Исключительное наряду с археологическими данными значение палеоантропологического материала в восстановлении событий дописьменной истории человечества поэтому очевидно. Ряд доисторических миграций также зафиксирован только с помощью палеоантропологических сопоставлений.

Как бы высоко ни оценивать возможности антропологического материала как источника этногенетической информации, нужно еще раз специально подчеркнуть, что в нем самом не заложено никаких этнических определителей. Без археологической основы, с помощью которой определяется хронологическая и культурная приуроченность палеоантропологических данных, они немы в этом отношении. А так как переход на другой язык и усвоение новой культуры причинно не связаны с изменениями антропологических особенностей, то морфологическая преемственность не дает нам прямых оснований для суждения об этнической преемственности.

Единственное, что в случае морфологической преемственности может быть восстановлено, — морфологические истоки формирования антропологических особенностей того или иного народа и указание на те же истоки у других в языковом отношении родственных или неродственных народов. Но уже одно это помогает прояснить вопрос об исходных предках, их локализации в пространстве и времени их существования.

Качественно более богатые данные по современным народам этнически вполне определены, они и собираются, как правило, в соответствии с ячейками этнической классификации и с опорой на нее. Изучение этногенеза ныне живущих народов занимает, бесспорно, основное место в этногенетической проблематике, поэтому антропологический материал, хотя и относящийся к современности, также очень значим в этногенетической реконструкции. Он составляет современную сетку данных, ретроспективный переход от которой к палеоантропологии позволяет увидеть истоки антропологических особенностей современных народов. Но и без палеоантропологических материалов прямое сравнение антропологических комплексов современных народов дает возможность судить об их генетическом родстве. Сравнение степени генетического родства со степенью культурной

62

близости и языкового сходства, а также сопоставление полученной информации со сведениями, извлекаемыми из анализа исторических документов, и образуют совокупность основных операций, из которых складывается многокомпонентное этногенетическое исследование. К этому следует еще добавить, что оценка сходства в антропологии в отличие от языкознания и сравнительного культуроведения опирается на количественные критерии и методы и поэтому характеризуется значительной точностью.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Если сравнить работы автора разных лет, то отчетливо видно, что основные проблемы исторической антропологии формулировались им совершенно по-разному. В первой (Алексеев, 1970) и затем более полной (Алексеев, 1979) формулировках проблем и контуров исторической антропологии речь шла о таких проблемах, как реконструкция древнейших очагов развития человечества, определение границ этой реконструкции под углом зрения соотношения антропологических и социальных общностей в истории человечества, выявление относительной роли миграций и автохтонного развития, установление генетического родства древних и современных народов. Все это — в широком смысле слова проблемы этногенетического круга вопросов, историко-этногенетический аспект исторической антропологии в узком смысле слова. При более позднем рассмотрении содержания исторической антропологии (Алексеев, 1982) наибольшее внимание было уделено другим проблемам — морфологической динамике и дифференциации человечества, его физиологической динамике и дифференциации, ведущим факторам динамики и дифференциации, характеру биологической адаптации в человеческих популяциях, наконец, популяционной и демографической динамике человечества. Легко понять, что все это — проблемы иного плана, не этногенетические и этноисторические, а микроэволюционные, они лежат в иной плоскости и решение их требует привлечения данных и материалов, характеризующих биологическую, а не социальную историю человеческого вида и его предков.

63

При кажущейся на первый взгляд несопоставимости этих двух рядов проблем они связаны, по мысли автора, глубоким внутренним единством. Второй ряд представляет собою более или менее полный перечень фундаментальных проблем исторической антропологии, охватывающих процесс перехода от макроэволюции — формирования и истории семейства гоминид к микроэволюции — формированию и истории современного человеческого вида в узком смысле слова. Здесь мы сталкиваемся с анализом глубинных свойств биологии человека и их динамики во времени, перестройкой морфологии и физиологии предков человека и современного человечества в ходе расселения по эйкумене, приспособления к различным экологическим нишам и формирования все новых и новых локальных расовых вариантов. Историческая антропология в данном случае выступает как историческая биология человечества на всем протяжении его истории, начиная с первых эволюционных шагов к предгоминидам и кончая современными народами.

Однако специфика человека как существа подлинно социального не позволяет ограничить рамки исторической антропологии рассмотрением только перечисленных микроэволюционных проблем. Биологические особенности отдельных человеческих

коллективов являются, как мы уже могли убедиться, мощным источником информации об их конкретной истории, а это означает, что историческая антропология включает в себя еще прикладные аспекты, то есть всю совокупность эмпирических наблюдений и теоретических разработок, позволяющих использовать результаты биологического исследования в исторических целях. В этом случае и в этой ипостаси историческая антропология служит истории и представляет собою . одну из вспомогательных дисциплин исторического цикла. Специфика этой книги в том, что она касается лишь этногенетических проблем исторической антропологии, да и то лишь в той мере, в какой антропологические данные необходимы в реконструкции этногенетического процесса. Рассмотрение только что перечисленных проблем исторической антропологии требует специального издания.

ГЛАВА 3

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПУЧКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ТИПОЛОГИЯ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПУЧКОВ

При первоначальной формулировке (Алексеев, 1979) этногенетический пучок понимался как нечто единое и дальше неделимое, сам термин использовался для обозначения тех форм этногенетически близких совокупностей народов, которые были выделены на территории СССР и пространственно локализованы в границах тех или иных территорий. Однако понятие родства по отношению к народам — очевидно, такое же иерархическое, как и всякое другое генеалогическое понятие. Нет ни исторических, ни теоретических оснований полагать, что группа родственных народов непременно должна быть объединена с другой группой родственных народов в какую-то супергруппу более высокого таксономического уровня. Процесс формирования народов очень сложен, и исторически народы не подразделяются по принципу дихотомии. Наступившее после появления работ К. Ле-ви-Стросса увлечение бинарными оппозициями в области ментальных структур, что выявляется в языке и в разных областях народной культуры, привело к тому, что логика бинарных или двоичных противопоставлений была распространена и на социальные отношения (сам К. Леви-Стросс начал это делать); дуальная организация племен дает, например, прекрасную возможность ипостазировать именно двоичное подразделение в качестве основного или одного из основных путей образования ранних этнических общностей.

Однако как сознание и культура не исчерпываются лишь двоичными противопоставлениями, так и дихотомический принцип не покрывает всего многообразия этногенетических процессов в их разных формах и проявлениях в зависимости от места и времени. Многообразие этногенезов зафиксировано исторически, и именно из-за своей сложности и запутанности этногенезы и поддаются анализу с таким большим трудом. Теоретически также очевидна бедность дихотомического принципа — философский разбор этого принципа, рассмотрение его значения в любой конкретной таксономии и в теории таксономического анализа в целом завели бы нас слишком далеко, но нужно все же сказать, что все попытки практического применения дихотомии в построении **так-**

65

сономических систем всегда приводили либо к прямым неудачам, либо к созданию схем, использовать которые можно было лишь с большими ограничениями.

Отказ от дихотомического подразделения и соподчинения не есть еще отказ от иерархии, которая просто может быть выражена в другой форме. В соответствии с той или иной формой иерархии, отражающей характер генезиса, может быть построена и типология этногенетических пучков. Этот последний термин целесообразно сохранить как собирательный, 'как родовое понятие для всего явления в целом наподобие того, как историко-этнографическая общность представляет собою собирательное родовое понятие для частных форм своего проявления — историко-этнографических провинций, областей и районов. Итак, этногенетический пучок — любая форма объединения народов, связанных между собой единством происхождения, это понятие в целом противопоставляется понятиям историко-этнографической общности и хозяйственно-культурного типа.

Какие конкретные формы этногенетических пучков можно выделить, говоря о народах, объединенных общностью происхождения? Вышеперечисленные трудности установления этногенетического родства, новизна самого понятия и малое пока еще использование его в практической работе дают нам возможность наметить лишь самые предварительные контуры этногенетической типологии, которая в дальнейшем может потребовать значительных

дополнений. На самом первом этапе фундаментальным представляется различие между двумя типами этногенетических общностей, которые имеют разный объем и по-разному были представлены в истории человечества, отличаются различной внутренней структурой и вообще отражают разный характер этногенетического процесса. Эти контрастирующие этногенетические общности можно назвать этногенетическими деревьями и этногенетическими кустами, причем разная степень внутренней структурной организованности будет, очевидно, наиболее фундаментальной характеристикой каждой из них. Как показывают сами названия, наличие внутренней структурной организованности (этногенетическое дерево) противопоставляется ее отсутствию (этногенетический куст). Этногенетическое дерево образуется народами, объединенными единством происхождения, но генетическое родство между ними внутри общего целого неодинаково, одни народы ближе друг другу, чем другие, внутри такой эт-

66

ногенетической общности могут быть, в свою очередь, выделены разные этажи сходства и построена иерархическая лестница генетической близости. Этногенетические кусты, напротив, представляют собою бесструктурное целое, не совокупности, а, если можно так выразиться, арифметические суммы народов, связанных общим происхождением, но внутри не расчленяющихся на более близкие и далекие подгруппы.

Подобное противопоставление куста дереву не является новым для таксономии — таксономическая классификация любых явлений, начиная от классификационных схем неживых объектов и кончая классификациями органического мира, всегда сталкивается с проблемой разнесения по различным рубрикам классификации объектов с четко выраженными признаками, место которых в определенной ячейке классификации можно установить достаточно определенно, и объектов с недостаточно броскими характеристиками, не занимающих ясных классификационных рубрик и вообще заставляющих сомневаться в полной применимости и надежности классификации. Поэтому в любой таксономической работе, хотя многие кардинальные вопросы таксономии и можно считать хорошо разработанными, велика роль исследовательской интуиции при разнесении классифицируемых объектов по классификационным рубрикам, поэтому же остается и много спорных вопросов, неразрешимых на современном уровне знания. Типологическая классификация этногенетических общностей не составляет исключения и, чтобы быть достаточно гибкой, может быть намечена лишь в общих чертах, в главных своих контурах, образованных, с одной стороны, этногенетическими деревьями, с другой — этногенетическими кустами.

Следует сразу же подчеркнуть, что противопоставление двух этих понятий не носит абсолютного характера, отражая гамму переходов между скрывающимися за ними этногенетическими явлениями в реальной действительности. Легко представить себе, что в ряде случаев такое противопоставление является не проекцией реальной действительности, а результатом недостаточности наших знаний. Ярким примером тому может служить проблема происхождения коренного населения Австралии. Традиционная культура австралийских аборигенов неоднократно служила предметом монографического рассмотрения. На русском языке наиболее полное описание, пожалуй, содержится в томе «Народы Австралии и

з*

67

Океании» 18-томной серии «Народы мира», изданной в 1956 г. Книга В. Р. Кабо (1969) и переводная книга Р. и К. Берндтов (1981) служат хорошим дополнением к этому описанию. Судя по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, различные племена австралийцев до прихода европейцев находились более или менее на одном довольно низком уровне хозяйственного, или культурного, развития, что и приводило к не очень оправданному теоретически, но практически частому стадильному отождествлению их с верхнепалеолитическим или мезолитическим населением Европы. Эндогамия племен и экзогамия более мелких социальных групп, проживающих, однако, в ряде случаев самостоятельно, не противопоставлялись резко контрастно друг другу, почему и брачные круги не были очерчены абсолютно определенно, а контакты между племенами были не очень развиты, но практически постоянны. Возможно, именно это обстоятельство привело к известной нивелировке культурных различий внутри всего материка в целом.

Тщательно составленный очерк С. А. Токарева о языках коренного населения Австралии в томе «Народы Австралии и Океании» дает достаточно ясное представление о значительном сходстве всех или почти всех австралийских языков или диалектов и трудностях их разграничения и классификации. В существующих попытках классификации отчетливо видно явное

преобладание географического принципа группировки в ущерб чисто лингвистическому подходу, что свидетельствует об ориентировочном характере такой группировки. Р. и К. Берндты пишут о переходности многих диалектов или языков племен, то есть о существовании того явления, которое В. Шмидт называл «языковыми волнами», а С. П. Толстое — «первобытной лингвистической непрерывностью». При такой ситуации соседние диалекты взаимопонимаемы, но носители диалектов крайних или даже далеких членов ряда не понимают друг друга. Отличие языка от диалекта в этих условиях теряет свою отчетливость, что постепенно приводит в лингвистической литературе к уменьшению числа насчитываемых австралийских языков. Но практически все лингвисты, трактовавшие вопросы генеалогии австралийских языков, сходятся в признании их изначального единства. В общем, как и в культурном отношении, коренное население Австралии лингвистически выглядело довольно однородным, но карты размещения отдельных племен до европейской колонизации,

68

опубликованные С. А. Токаревым и Р. и К. ВерНАfaMН (а каждое племя было носителем своего языка или диалекта), показывают, что весь этот в целом единый австралийский мир был расчленен на многочисленные племенные, а значит, обладавшие самоназванием и самосознанием этнические локусы.

Антропологические данные в общем приводят к тому же выводу. Нельзя сказать, что все без исключения популяции австралийцев близко сходны или даже тождественны между собой. Некоторые исследователи выделяли даже на территории Австралии отдельные локальные типы, различающиеся морфологически и имеющие якобы разное происхождение — тасманийский, или тасманоидный, муррейский, имеющий сходство с айнским, и карпентарийский, или собственно австралоидный, наиболее распространенный. Однако все различия между локальными группами австралийцев не подтверждаются массовыми данными, они видны только между отдельно взятыми популяциями и поэтому имеют лишь локальное значение. И краниологически, и морфологически, подразумевая под этим строение лица и тела, и, наконец, генетически население отдельных районов Австралии обнаруживает большую близость, такую степень близости, которая несомненно свидетельствует о единстве происхождения. Внутри этого огромного единого массива однородных вариаций все мелкие различия между популяциями не складываются в обширные ареальные комбинации, а остаются уникальными и представленными в той или иной группе или максимум в нескольких группах. И по антропологическим признакам коренное население Австралии, следовательно, не распадается на крупные стволы, а представляет собою скорее огромную совокупность мелких территориальных групп, своим общим происхождением связанных воедино.

Все эти данные в какой-то мере свидетельствуют о том, что интерпретация любой этногенетической ситуации зависит от ее фактической изученности. Какие выводы должен сделать исследователь этногенеза, имея в своем распоряжении все приведенные выше факты? Естественно, в первую очередь напрашивается вывод, что перед нами на территории Австралии этногенетический куст, что кустовой путь этногенеза был там преобладающим, а может быть, и единственным с момента заселения и что, будучи достаточно обособленными в силу тысячелетней изоляции, аборигены Австралии не создали на

69

протяжении истории обособленных очагов развития. Такой и только такой вывод может быть оправдан в целом по отношению к австралийскому этногенезу на современном уровне изученности проблемы, но он ни в коей мере не может считаться окончательным. Как ни подробно описана в этнографической литературе культура австралийских аборигенов, мы лишены возможности восстановить все ее богатство, утерянное при контактах с европейцами и разрушительном влиянии европейской культуры. Классификация австралийских языков, как мы убедились, далека от совершенства, но никак невозможно предполагать, что дальнейшая ее разработка не выявит объективно существующих семей внутри всех австралийских языков. Антропологические данные по современному коренному населению Австралии выборочны и сейчас едва ли могут быть серьезно расширены, а это значит — вопрос о существовании в его составе локальных типов, решенный отрицательно, не будет пересмотрен. Но решение само, надо помнить, опирается на недостаточно полную информацию. Вот и имеем мы вывод, в справедли-

ности которого остаются серьезные сомнения.

Все же можно думать, что противопоставление этно-генетических деревьев и этногенетических кустов внутри этногенетических пучков — не только плод нашего незнания, и оно находит обоснование в реальной действительности, в течении, характере и формах этногенетических процессов и тех результатах, в которых они реализуются, — типах этногенетических общностей. Совершенно очевидно, что этногенетический куст не поддается дальнейшему расчленению и должен рассматриваться как целое, внутри него не прослеживается удовлетворительным образом никаких следов иерархического соподчинения или, если они иногда и прослеживаются, выражены чрезвычайно слабо и неотчетливо. Уже при выделении общего понятия этногенетических пучков в 1979 г. отмечалось ограничение популяционного пути этногенеза, хотя это и не нашло отражения в типологической классификации. Отмеченная выше у австралийцев неотчетливость популяционной структуры, проницаемость генетических барьеров между популяциями и наличие в каком-то проценте случаев генетических контактов и поэтому имеющий место постоянный фон смешения между представителями разных групп, то есть слабая, но повторяющаяся от поколения к поколению панмиксия, наконец, отсутствие строгой культурной и языковой изоляции и позволяют, с од-

ной стороны, рассматривать этногенетические кусты как самостоятельное типологическое явление, один из двух основных типов этногенетических общностей, с другой — не искать внутри них четко выраженной внутренней структуры, иерархия которой отражала бы иерархию образовавших их этногенетических процессов. Процессы эти в данном случае лишены иерархичности, не имеют ее и их следствия — этногенетические кусты.

Не то в случае выражения родственных отношений народов в виде иерархического дерева. Народы, объединяемые в какую-то группу единством происхождения, могли иметь в глубокой древности генетические связи с другой или другими группами народов, и в этом случае мы имеем как бы два уровня родства: народы объединяются в родственные группы — это один уровень, группы народов объединяются в одну родственную группу или в несколько родственных групп — это другой уровень родства, хронологически более глубокий. Следует сказать, что теоретически можно представить многоярусную композицию иерархического подчинения, распадающуюся не на два, а на несколько ярусов, но состояние изученности конкретных этногенезов в древнейшие эпохи истории человечества таково, что практически исследовательский поиск не уходит глубже второго яруса от современности, да и то этот второй ярус реконструируется, как очертания подводных рифов, только скрытые от нас не водой, а временем. Продолжая принятую нами терминологическую традицию, родство первого яруса, то есть группы народов, связанных единством происхождения, можно назвать этногенетическими ветвями. По сути дела то, что ранее рассматривалось вследствие неразработанности терминологии как этногенетические пучки (Алексеев, 1979) и представляет собою отчетливо выраженные этно-генетические ветви. Каждая из таких ветвей имеет, естественно, свой ареал, чаще всего сплошной, но иногда и разорванный, образованный миграцией какого-нибудь народа за географические границы исходного ареала. В том случае, когда этногенетические ветви объединяются в более обширные этногенетические общности, имеющие более глубокий хронологический возраст, представляется возможным обозначать подобные общности как этногенетические стволы. Выше уже упоминалось, а дальше мы убедимся в этом фактически, что реконструкция этногенетических стволов пока очень гипотетична, это еще только самое начало реконструктивной работы.

70

71

Нетрудно подвести краткий итог всему предшествующему изложению. Этногенетические пучки в зависимости от генетического родства составляющих их народов делятся на этногенетические деревья и этногенетические кусты. В последнем случае перед нами аморфное бесструктурное целое, не имеющее внутри себя иерархически соподчиняющихся элементов и не допускающее поэтому дальнейшего расчленения. Этногенетические деревья распадаются на две типологические группы, одна из которых является таксономически более общей по отношению к другой — этногенетические ветви и этногенетические стволы. Этногенетическая ветвь — группа народов, связанных общностью происхождения. Многие ветви, по-видимому, независимы и их родство с другими восстанавливается с трудом. Но в случае возможности реконструкции такого родства родственные этногенетические ветви образуют этногенетический ствол.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ВЕТВИ

При рассмотрении территориального распространения этногенетических ветвей не последнее место занимает порядок изложения. Территориальные разрывы в любом случае неизбежны, но,

конечно, следует стремиться к тому, чтобы число их было минимально, а переходы от территории к территории носили по возможности плавный характер. Выбранный нами порядок изложения предполагает передвижение от Нового Света к Старому, а в пределах Нового Света с юга на север. Перейдя на азиатское побережье Тихого океана, мы рассмотрим часть Северной, Центральную частично, Восточную и Юго-Восточную Азию, частично Океанию, затем двинемся в Южную, Переднюю и Среднюю Азию, Закавказье и Северный Кавказ, Западную Сибирь. Дальше последуют часть Восточной Европы, центральные районы Европы и Западная Европа. Дальнейшее продвижение из Европы на юг позволит закончить наш путь в южных районах Африки.

Огнеземельская ветвь. Исключительное антропологическое и культурное своеобразие огнеземельцев обратило на себя внимание еще Ч. Дарвина во время его знаменитого кругосветного плавания на корабле «Бигль». При достаточно низком уровне культурного развития предкам огнеземельцев удалось обжить такую негдде.-

72

приимную и суровую для человека Территорию, как Огненная Земля, окружающие ее мелкие острова и побережье Магелланова пролива. Очевидное противоречие между экстремальностью природной среды и очень слабой технической оснащённостью огнеземельской культуры неоднократно рассматривалось в литературе как доказательство более высокого культурного уровня предков огнеземельцев и известной их деградации в условиях суровой природы и островной изоляции. Но не последнюю роль могла сыграть и биологическая адаптация, отчетливо видная в антропологическом типе огнеземельцев. Многие авторы писали о палеоамериканском комплексе антропологических признаков, прослеживаемом территориально в отдельных районах обеих Америк, но особенно отчетливо заметном якобы у огнеземельцев и частично эскимосов, то есть на противоположных окраинах американского континента. В книге (1979) автором аргументирована гипотеза, согласно которой наблюдаемое между огнеземельцами и эскимосами морфологическое сходство является следствием биологического приспособления предков тех и других ко многим похожим условиям существования, и обе группы могут рассматриваться как биполярные расы.

Выделенные исследователями конца прошлого века и в более ранних исторических источниках три группы огнеземельцев — алакалуфы, яганы и она — говорили на самостоятельных языках, распадавшихся на диалекты. Если алакалуфский и яганский языки не обнаруживают отчетливых родственных связей с другими языками (мнение П. Риве об их родстве с австралийскими языками стоит особняком; неясны и взаимоотношения между ними), то язык она рядом лингвистов сближается с распространенным на севере языком техуэльчей. Однако антропологическое сходство, свидетельствующее о единых физических предках, и единый культурный комплекс (сбори́тельство и охота) позволяют рассматривать всех огнеземельцев как представителей единой этногенетической ветви. Весьма вероятно, что она сравнительно недавно перешли на язык, родственн́ый языку техуэльчей, испытывая на северном побережье Магелланова пролива постоянное влияние их более высокой культуры. Слабая изученность южноамериканских языков, в частности, и огнеземельских, мешает, к сожалению, привлечь данные о субстратных явлениях в языке для решения этого и других подобных вопросов.

73

Иатагонская ветвь. Антропологическое своеобразие патагонцев, в частности их высокий рост, также бросилось в глаза уже первым путешественникам и позже нашло подтверждение в антропологических исследованиях. По мере того как изучались языки коренного населения Патагонии, все больше осознавалось сравнительно обособленное положение пуэльчского языка и в то же время лексическое и грамматическое его родство с техуэльчским. На этом основании многие исследователи языков коренного населения Южной Америки объединяли эти два языка с их многими диалектами в самостоятельную семью, которая сохраняется и в современных детальн́ых классификациях южноамериканских языков. Культурный комплекс — преимущественно охота, но с использованием лошади, которая стала помощником человека очень рано, во время первых контактов с европейцами. До освоения лошади средством передвижения служило пешее передвижение, а по воде — лодка. Таким образом, и антропологические особенности, и языковые данные, и культурные черты позволяют объединить племена Патагонии в единую этногенетическую ветвь, соседнюю с огнеземельской.

До недавнего времени в лингвистических классификациях фигурировала группа чоно,

объединявшая огне-земельские языки, какие-то изолированные диалекты чилийского побережья и техуэльчский язык. Некоторые исследователи относили к этой семье и арауканские диалекты. Но в позднейших работах существование этой семьи не получило подтверждения и от нее нужно отказаться. Во избежание путаницы следует отметить и еще одно обстоятельство: часто, в том числе и в русской этнографической литературе, название языковой семьи чоно путается с употребительным названием техуэльчско-го языка чон, что следует иметь в виду при использовании литературы.

Южноандийская ветвь. Это чилийско-аргентинские Анды, которые были заселены арауканскими племенами. Сейчас хозяйственный уклад отдельных групп арауканов нивелировался под влиянием европейской культуры, но раньше он характеризовался большим разнообразием. В отличие от уже рассмотренных этнических групп они перешли на севере своего ареала к производящему хозяйству — занимались земледелием и разводили ламу, тогда как южные племена были пешими и конными охотниками и даже занимались рыболовством.

Та-

74

кое разнообразие хозяйственной деятельности обусловило и многообразие культурных традиций, которые в целом не свидетельствуют о культурном единстве арауканского ареала. Данные антропологии хотя и не противоречат предположению о едином антропологическом типе всех арауканских племен, но слишком выборочны, чтобы быть пригодными для окончательного суждения. Поэтому, строго говоря, единственным и достаточно полноценным аргументом в пользу единства происхождения в рассматриваемом случае является генетическое родство арауканских языков. Их по-разному классифицировали, даже в виде иерархической системы объединения в подгруппы и группы, но ни одна из этих классификаций не была основана целиком на объективных данных. Однако общее происхождение и генетическое родство всех арауканских языков сейчас не вызывает сомнений, а с ним отпадают сомнения и в генетическом единстве арауканских племен и оправданности объединения их, несмотря на культурное разнообразие, в единую этногенетическую ветвь.

Южнобразильская ветвь. К этой ветви относятся индейцы, говорящие на языках тупи-гуарани или языках, для которых можно предполагать с большой вероятностью значительную близость к этой языковой семье. Строго говоря, ареал обитания этих индейцев выходил за пределы Южной Бразилии и охватывал частично даже нижнее течение Амазонки, но истоки их формирования можно предполагать преимущественно в южных районах. Подавляющее большинство индейских племен этой ветви охотятся в саваннах и редкостойных тропических лесах этого района (речь идет и здесь, и во всех других случаях, разумеется, лишь о традиционных хозяйственных и культурных занятиях), находясь на очень низком уровне развития производительных сил. Антропологически они изучены плохо, но имеющаяся информация говорит о том, что для них характерна комбинация признаков, более или менее распространенная среди южноамериканских индейцев вообще. Многие племена бесследно исчезли, истребленные колонизаторами, и это обстоятельство следует постоянно иметь в виду при установлении этой этногенетической ветви.

Языки тупи-гуарани очень многочисленны и неоднократно классифицировались. Как и во многих предыдущих случаях, я опираюсь на обзор Э. Мэсона (1963), суммировавшего результаты предшествующей работы и

75

дополнившего ее собственными наблюдениями. Он предложил трехэтажную классификацию, разбив семью на две подсемьи — тупи и гуарани и затем каждую из них на последующие группы. В соответствии с такой классификацией можно было бы обсудить вопрос о дальнейшем расчленении южнобразильской этногенетической ветви. Однако сам Э. Мэсон пишет о предложенной им классификации: «Она никак не удовлетворяет призывам к точности и окончательности и несомненно будет в значительной степени изменена будущими исследователями» (с. 237).

Центральноандийская ветвь. С огромным и высокоразвитым государством инков столкнулись испанцы в этом районе. Современные индейцы чибча, более многочисленные в прошлом индейцы аймара, оттесненные в высокогорные районы, — это, по общему мнению, потомки населения древнего инкского государства. Они и сейчас сохранили искусные навыки и в земледелии, и в лаководстве, демонстрируя богатые культурные традиции в использовании продуктов сельского

хозяйства. Именно из этого района происходит единственный с территории Южной Америки полноценный палеоантропологический материал, позволяющий аргументировать генетическую преемственность населения со II тысячелетия до н. э. (Newman, 1947). Про антропологические особенности современного населения можно повторить то же, что было сказано выше об индейцах тупи-гуарани, хотя имеются и какие-то черты локального своеобразия.

Есть много оснований полагать, что широкое распространение языка кечуа обязано тому обстоятельству, что инки, говорившие на этом языке, были господствующей политической силой в древнем государстве. Сходство языка кечуа с аймарским языком ясно видно в фонологии и морфологии, тогда как лишь четверть корней обнаруживают близкое строение. Все же поскольку именно лексика представляет собою наиболее подвижный слой языка, в то время как фонетика и морфология образуют стабильные структуры, постольку глубинное родство языков кечуа и аймара представляется весьма вероятным. Вполне имеет поэтому право на существование и термин «кечумаран», предложенный Э. Мэсо-ном: термин этот непривычен, так как он не использовался в русской литературе, но он отражает исходное единство происхождения двух языков вместе с их диалектами, а границы его на языковом материале пол-

76

ностью совпадают с границами выделенной центрально-андийской этногенетической ветви. *Североамазонская ветвь.* Историческими данными засвидетельствовано и более южное по отношению к верховьям Амазонки распространение носителей аравакских языков, но основной центр их расселения располагался на севере Амазонки. Аравакская языковая семья, в понимании разных лингвистов, объединяла большое число языков как заведомо аравакских, так и имеющих к ней лишь вероятное или предположительное отношение. Не перечисляя их все, можно лишь сказать, что в целом аравакские языки отличает определенное единство структуры и в меньшей степени лексики, что и позволяет говорить об их генетическом единстве. Лингвистическая классификация аравакских языков многоступенчатая, как и в случае классификации языков тупи-гуарани, но эта многоступенчатость не очень обоснована фактически, почему и следует ее пока оставить без внимания.

Араваки — носители того же комплекса признаков, что и карибы, которых мы будем рассматривать дальше, что и племена тупи-гуарани. Этот комплекс признаков вообще типичный для подавляющего большинства индейцев Южной Америки, в разных районах отличается каким-то локальным своеобразием. Этот комплекс признаков и был выделен И. Е. Деникером в конце века в качестве южноамериканской расы — достижение, вошедшее потом во все антропологические классификации. К сожалению, своеобразие локальных комплексов внутри южноамериканской расы, теоретически очевидное, остается фактически слабо аргументированным, почему мы и лишены возможности конкретно охарактеризовать население выделяемых нами этногенетических ветвей в антропологическом отношении. В культурном отношении араваки — это в подавляющей своей массе охотники тропического леса, что придает им известное культурное единство, хотя сочетание, свойственных им культурно-хозяйственных черт и не присуще только им одним.

Гвианская ветвь. Она представлена многочисленными племенами, говорящими на карибских языках, семья которых по числу входящих в нее языков и диалектов еще более многочисленна, чем аравакская. К ней также относится много языков, положение которых не очень ясно и которые включаются в нее не всеми специалистами. Но в родстве языков, составляющих ядро карибской

77

семьи, не приходится сомневаться. Их носители, подобно аравакам, достаточно едины по хозяйственно-культурным традициям — охотники и рыболовы в тропическом лесу на Гвианском нагорье. Совершенно очевидно, что эти традиции носят адаптивный характер и свидетельствуют о разносторонней хозяйственной деятельности, направленной на наиболее полное использование соответствующей природной среды. Антропологические данные, как и в предыдущих случаях, фрагментарны и заставляют экстраполировать на все карибские племена результаты, полученные в отдельных группах. В общем опять в пользу единства происхождения и возможности выделить самостоятельную этногенетическую ветвь свидетельствуют в первую очередь лингвистические данные.

Североандийская ветвь. Ареал этой ветви, представленной народами, говорящими на языках чибча, заходит в южные районы Центральной Америки. Современные чибчаязычные народы являются потомками носителей высокой цивилизации, разрушенной испанскими конкистадорами, и обладают огромными культурными традициями. Н. И. Вавилов в последней

редакции своей системы географических очагов окультуривания растений, опубликованной в 1940 г., выделил в пределах андийского центра три самостоятельных очага возникновения земледелия — собственно андийский (Перу, Боливия и Эквадор), чилоанский (арауканский, расположенный в южном Чили и на примыкающем острове Чилоэ) и баготанский (восточная Колумбия). В последнем из них, по его мнению, были введены в культуру некоторые виды картофеля и корнеплод аракача. Исторические взаимоотношения между муисками — предшественниками современных чибча и инками — предшественниками кечуа и аймара нуждаются еще в дальнейших археологических и историко-этнологических исследованиях, но этногенетическое родство между чибча и кечуа опровергается лингвистически: языковая семья чибча занимает самостоятельное место среди южноамериканских языков. Она распадается на значительное число языковых групп, взаимоотношения между которыми остаются не полностью ясными. Культурное сходство между отдельными племенами, говорящими на языках и диалектах чибча, пожалуй, больше, чем внутри нескольких уже рассмотренных семей. Антропологические наблюдения как всегда выборочны, но не свидетельст-

78

вуют о значительных локальных различиях. В целом этногенетическое единство этой ветви не вызывает сомнений.

После обзора южноамериканских этногенетических ветвей нельзя не коснуться вопроса, который не освещался на предыдущих страницах, но незримо присутствовал, какую бы этногенетическую ветвь мы ни рассматривали. Речь идет о времени формирования этих этногенетических ветвей и этапов дифференциации их в ходе времени. Сколько бы ни писалось о скудости этнической информации, извлекаемой из археологических данных, они остаются единственным источником исторических сведений для времени до испанской колонизации и появления письменных испаноязычных памятников. Древнейшие памятники, отстоящие от рубежа н. э. на 5—15 тысяч лет, а таких к настоящему времени открыто немало, не очень выразительны и не обнаруживают ясных аналогий с близкими к современности традиционными культурными комплексами Южной Америки. Для более поздних тысячелетий в нашем распоряжении практически почти нет памятников, которые допускали бы этническую интерпретацию. Поэтому время формирования большинства ветвей остается абсолютно неясным. Исключение составляют две этногенетические ветви — центральноандийская и североандийская, занимающие районы развития сравнительно высоких цивилизаций. В этих двух случаях археологические материалы довольно богаты и красноречивы. Можно полагать, что в первом случае, то есть по отношению к центральноандийской ветви, основы формирования этой этногенетической общности падают на II тысячелетие до н. э. (обзор см.: Башилов, 1972; Стингл, 1983). Североандийская этногенетическая ветвь — много позднее и, по-видимому, не уходит глубже последних веков до н. э. и рубежа н. э. (обзор см.: Созина, 1969). Правда, буквально в последние годы стали появляться данные, свидетельствующие о том, что происхождение и этой ветви уходит в более глубокую древность.

Центральноамериканская ветвь. Островная часть центральной Америки была заселена племенами, говорившими на карибских языках и принадлежавшими к Гвианской ветви.

Материковая часть характеризовалась сложным чересполосным расселением довольно многочисленных народов, говоривших на языках разных языковых семей или на языках, занимавших изолированное

79

положение. К сожалению, историко-генетическая информация о них чрезвычайно скудна, и она не позволяет делать сколько-нибудь определенных выводов. Поэтому понятие центральноамериканской этногенетической общности ограничивается на этих страницах народами, объединяемыми языковой семьей майя, или майя-соке. Это наследники могучей древней цивилизации, всемирно известной и оставившей многочисленные монументальные памятники. Современный ареал характеризуется потерей многих культурных традиций, но все равно дает достаточно высокоразвитую земледельческую культуру. Единство языков несомненно, несомненно и антропологическое единство. Несколько семей индейцев майя, которые автор видел в 1972 г. на Кубе, оставили впечатление, подтверждающее литературные данные: для них типичен комплекс признаков, выделенный И. Е. Дени-кером в качестве центральноамериканской расы, принятой во всех последующих классификациях. Поэтому можно сказать, что в рассматриваемом нами случае и антропологические, и культурно-исторические, и, самое главное, лингвистические данные согласно свидетельствуют о единстве происхождения центральноамериканской ветви и генетическом родстве всех

входящих в нее народов языковой группы майя-соке.

Особый вопрос — древность образования центральноамериканской ветви. Возникновение известного государства майя падает на рубеж н. э., культурная и хозяйственная преемственность прослеживается до II тысячелетия до н. э. Но истоки примитивного земледелия, в частности разведения кукурузы, уходят в V тысячелетие до н. э. (см.: Гуляев, 1972). Если сравнение сортов культурных растений при детальном исследовании подтвердит генетическую преемственность современного и древнего земледелия, то это будет, наверно, древнейшая этногенетическая ветвь в пределах Америки. Но и без такого подтверждения ее древность сейчас можно определить в четыре тысячи лет, начиная со II тысячелетия до н. э. *Мексиканская ветвь.* Строго говоря, представители этой ветви населяли не только Мексику, но и южные штаты США. Это многочисленные племена, говорившие на юта-ацтекских языках. В настоящее время ареал их очень сильно редуцирован, но до европейской колонизации он был сплошным и охватывал огромную территорию в северных районах Мексики, Береговых равнинах и

80

южной части Централных и Великих равнин Северной Америки. Юта-ацтекская языковая семья по обширности своего ареала уступает лишь алгонкинской и атапаскской и имеет сложную внутреннюю структуру, распадаясь на три достаточно обособленные группы: шошонскую (прежде она рассматривалась как самостоятельная), пима-сонора и науатльскую (собственно ацтекские языки). Ацтеки, как известно, создали мощное государство, развившееся на рубеже I и II тысячелетий н. э. и павшее под ударами испанских завоевателей, остальные расположенные от них к северу племена образовывали до недавнего времени кочевые общества, промышлявшие конной охотой на бизонов. Однако специальные исследования выявляют картину очень позднего сложения этих кочевых обществ, перешедших к использованию лошади после прихода европейцев. До этого многие из них занимались пешей охотой, многие — земледелием, некоторые племена имели комплексное хозяйство, практикуя и земледелие, и охотничьи промыслы. Таким образом, культурно-хозяйственного единства у юта-ацтекских племен нет, не было его и изначально, может быть, исключая лишь самые ранние периоды их истории. Об этом достаточно полное представление дает книга Ю. П. Аверкиевой (1970). Довольно значительны между ними и антропологические различия: отдельные племена демонстрируют всю гамму переходов от центральноамериканской расы к североамериканской, причем центральноамериканские особенности преобладают у ацтеков и родственных племен, североамериканские — у разных групп шошонов, в частности у команчей. Общее единство мексиканской ветви устанавливается, следовательно, опять по языку, хотя физические предки юта-ацтекских народов могли и не иметь единого происхождения.

Калифорнийская ветвь. Побережье Мексиканского залива, полуостров Флорида, юг Калифорнии были заняты огромным числом племен, часть из которых не сохранилась, как и их языки, о которых ничего не известно. Многие из них были, по-видимому, изолированными, их генетические взаимоотношения и положение в системе, североамериканских языков остаются неясными. Но в центральных и северных районах Калифорнии, а также на севере от нее проживали племена языковой семьи хока, которые мы и рассматриваем как образующие калифорнийскую ветвь. Существует мнение, нашедшее отражение и в советской литературе, что языки хока не об-

81

разуют самостоятельной лингвистической семьи, а составляют лишь территориальную группу, входящую в огромную суперсемью, объединяющую еще языки сиу, ирокезские, мускогские и кэддо. Однако в пользу этого мнения не было приведено убедительных лингвистических соображений, и поэтому все они на этих страницах рассматриваются как независимые. Земледелие в культуре индейцев Калифорнии играет подчиненную роль, основное место в хозяйстве занимают рыболовство и собирание моллюсков в прибрежной части с элементами охоты во внутренних районах полуострова. Из разных районов полуострова происходит значительный палеоантропологический материал, хотя и плохо датированный, но охватывающий период времени от X—V тысячелетий до н. э. до эпохи европейской колонизации (сводка данных:

Angel, 1966). Он должен быть здесь упомянут, так как свидетельствует о том, что полуостров неоднократно заселялся людьми разного физического облика и его население не обнаруживает генетической преемственности в ходе времени. И современный облик калифорнийских индейцев достаточно полиморфен, что свидетельствует о происхождении их от разных физических предков и о сравнительно поздней языковой и культурной консолидации.

Тихоокеанская ветвь. Племена, занимавшие прерывистый ареал вдоль побережья, перемежались с носителями алгонкино-вахашских языков. Основные занятия — рыболовство и морской зверобойный промысел, частично охота. В антропологическом отношении они являются достаточно типичными представителями тихоокеанской группы антропологических типов, объединяясь в этом отношении со многими племенами на-дене, которые будут рассмотрены позже. Таким образом, антропологически и в языковом отношении представители этой ветви характеризуются значительным единством. Что же касается хозяйственно-культурной характеристики их ареала, то следует помнить, что многие племена, населяя центральные области Кордильер с огромными лесистыми участками и резко пересеченным рельефом, занимались охотой, и, следовательно, племена, входящие в тихоокеанскую этногенетическую ветвь, отличаются довольно значительной культурной мозаикой.

Ветвь Береговых равнин. Стараясь придерживаться географической терминологии в наименовании этногенетических ветвей, автор вынужден использовать названия

82

единиц географического районирования, хотя и сознает, что получающаяся терминология иногда бывает вследствие этого громоздка. Это название, как и несколько последующих, как раз и являются тому примером. Оправданием служит лишь последовательное соблюдение географического принципа.

В ветвь Береговых равнин включаются племена мус-когской языковой семьи. Детальное обсуждение языковых взаимоотношений внутри этой семьи, как и вообще подробную картину генетических связей диалектов и языков Северной Америки на фоне культурно-исторической дифференциации говорящих на них народов, дает книга А. Кробера (1939). Климат и ландшафт Береговых равнин позволяли широко заниматься мотыжным земледелием, не оставляя в то же время собирательства и охоты. По-видимому, известный избыток прибавочного продукта способствовал развитию довольно высоких форм социальной организации. Крупное объединение одной из многочисленных групп мускогских племен — криков, так называемая Конфедерация криков, имела историю, изобиловавшую драматическими событиями, и доставила много хлопот европейским колонизаторам.

Будучи едиными в культурном и языковом отношении, мускогские племена достаточно гомогенны и антропологически. Для них более или менее характерны все те физиономические особенности, которые являются общими для всех индейцев тихоокеанского побережья и известны любому с детства из романов Майн-Рида и Фенимора Купера.

Ветвь Центральных равнин. Она составлена племенами, говорившими на языках языковой семьи сиу. В некоторых языковых классификациях эта семья рассматривается не как самостоятельная, а как группа родственных языков, что по существу одно и то же. Как и индейцы-шошоны юта-ацтекской языковой группы, представители этногенетической ветви Центральных равнин занимались ранее пешей охотой на бизона, а после контактов с европейцами и овладения лошадью перешли к конной охоте на бизона. Это создало своеобразный комплекс культуры, впрочем не типичный только для них, но охватывающий, как мы уже убедились на примере рассмотрения части народов юта-ацтекской языковой семьи, все народы равнин со сходным ландшафтом и близкими климатическими условиями. Антропологически они также близки, но их морфологическая близость не специфична только

83

для них и распространяется частично и на Другие народы, говорящие на неродственных языках. Решающим этногенетическим маркером является в данном случае, как и во многих других, языковая принадлежность.

Ветвь юга Великих равнин. Это племена, говорящие на языках кэддо. Практически про них можно повторить все то, что только что было сказано о племенах этногенетической ветви Центральных равнин. Конная охота и полукочевой образ жизни составляли основу хозяйственной деятельности и быта. Имущественное расслоение у них, как и у сиу, не достигло высокой степени. Здесь уместно сказать, что до контактов с европейцами и перехода к конной охоте традиционные формы хозяйственно-культурной деятельности, по-видимому,

различались у предков современных индейцев сиу и кэддо, существовала и какая-то пограничная линия между ними, иначе трудно объяснить формирование языков разных систем. Это как раз, по всей вероятности, тот случай, когда единое направление развития хозяйственной деятельности в позднейшие эпохи нивелирует исходные культурные различия, в то же время находят отражение различные пути этногенеза в языке.

Аппалачская ветвь. Многочисленные и в прошлом могущественные ирокезские племена образуют эту ветвь. Иногда ирокезские языки делят на южную и северную группы, что остается спорным с лингвистической точки зрения и не принимается многими лингвистами. В общем деление на южную и северную группы отражает, по-видимому, только географический подход к лингвистической классификации. Знакомство с культурой ирокезов началось в европейской науке с появлением известной книги Л. Моргана «Лига ирокезов», которая, как известно, была плодотворно использована К. Марксом и Ф. Энгельсом при разработке периодизации первобытного общества. О современном состоянии изучения ирокезских племен, их хозяйства, культуры, социальной организации и истории дает представление книга Ю. П. Аверкиевой (1974).

В связи с тем, что область так называемой Новой Англии, а также область Великих озер хорошо изучены археологически, многие истоки культуры ирокезов, вопреки многим старым миграционистским взглядам, могут быть прослежены до III—II тысячелетий до н. э. К их числу относятся все элементы земледелия. Комплексное хозяйство на земледельческой основе, включающее ак-

84

тивную охоту, рыболовство и интенсивное собирательство, способствовало, очевидно, развитию социальных отношений и имущественному расслоению, а также высокому приросту населения и образованию воинственных военных союзов между отдельными племенами. Именно поэтому борьба европейских колонизаторов с ирокезами длилась многие десятилетия и шла с переменным успехом. Антропологически ирокезы так же едины, как лингвистически и в культурном отношении, — это тот самый классический тип североамериканского индейца, о котором часто писали американские писатели. Таким образом, единство аппалачской этногенетической ветви прослеживается во всех рассматриваемых нами параметрах и, кроме того, оно достаточно древнее: в отличие от многих предыдущих случаев время сложения этой ветви поддается определению и может быть отнесено от современности приблизительно на пять тысяч лет.

Восточно-североамериканская ветвь. Она образована носителями огромной внутренне очень разветвленной семьи вакашко-алгонкинских языков. Сами языки подразделяются на несколько групп, но тоже по географическому принципу и с малой опорой на чисто лингвистические признаки. В связи с огромным ареалом этой этногенетической ветви и его ландшафтным разнообразием культурно-хозяйственные традиции были разнообразны в разных частях ареала: на побережье Великих озер развивалось рыболовство, в таежных районах восточной Канады преимущественным занятием была охота на разных животных и лишь в качестве сопровождающих промыслов практиковались рыболовство и собирательство, в лесотундровых и тундровых областях северо-восточной Канады объектом охоты являлся олень-карибу. Все это формировало разные навыки охоты и рыболовства, формировало пантеон почитаемых животных, то есть находило отражение и в духовной сфере. Культурного единства в географических границах этого громадного ареала к приходу европейцев не было, хотя изначально, при формировании языковой общности в какой-то части этого ареала оно могло и существовать. Археологические данные, известные к настоящему времени, пока не дают определенного ответа на этот вопрос ввиду очевидных трудностей их этнической интерпретации.

Антропологически разные племена алгонкинов изучены, пожалуй, лучше, чем все другие, рассмотренные до сих пор группы североамериканских индейцев, обшир-

85

ные антропометрические материалы среди них собрал А. Хрдличка, многие племена были охвачены популяционно-генетическим исследованием, описаны многочисленные краниологические материалы. Морфофизиологические особенности разных алгонкинских племен в целом отличаются известным единством, что подтверждает общие истоки их

происхождения и с генетической стороны. *Западно-североамериканская ветвь*. Народы, говорящие на языках на-дене, не менее широко расселены, чем алгонкины. Подавляющее большинство из них составляют атапаскские племена. По тихоокеанскому побережью, на стыке границ Канады и Аляски, живут изолированные народы, занимающиеся преимущественно рыболовством, но их языковое родство с другими североамериканскими племенами остается неясным, и поэтому они исключены из нашего обзора. В языковом отношении все племена на-дене, хотя и сильно различающиеся между собой, несомненно образуют единую по происхождению языковую семью, что неоднократно подчеркивалось многими лингвистами. Что касается их культурных особенностей, то про них можно сказать то же, что и про алгонкинов: они живут среди разнообразных ландшафтных условий, практически в трех ландшафтных зонах, среди них есть и охотники, и речные рыболовы, и прибрежные рыболовы, разнообразие культурных традиций очень велико. Носит ли оно вторичный характер или является изначальным — пока трудно сказать, так как в археологических знаниях обо всем ареале пока много лакун.

Антропологическое единство всех племен на-дене может быть доказано с неменьшей вероятностью, чем алгонкинских, но происхождение этого единства требует особого рассмотрения и вообще представляет собою вопрос, кардинальный для проблем заселения Америки человеком, характера этого заселения и происхождения американского человека в целом. Характер находящихся в нашем распоряжении антропологических материалов таков, что он исключает возможность прямого сравнения населения Старого и Нового Света по антропологическим особенностям. Исключения составляют краниологические данные, хорошо описанные и достаточно многочисленные. Многие морфологические черты, сильно развитые у азиатских и особенно у сибирских монголоидов, как-будто довольно слабо выражены у американских индейцев, хотя прямые доказательства этому утверждению немногочисленны и нуждаются в серьез-

86

ном пополнении. На черепе сильно выраженная монго-лоидность проявляется в уплощенности лицевого скелета и слабом выступании носовых костей, но оба эти признака не описывались американскими исследователями, и до недавнего времени их вариации оставались неизвестными. За последние годы автору удалось собрать в краниологических хранилищах разных музеев США довольно большую информацию. Оказалось, что все североамериканские индейцы (отрывочные данные свидетельствуют о том, что и южноамериканские индейцы не отличаются от них в этом отношении) действительно имеют менее плоское лицо и более выступающий нос, чем азиатские монголоиды, и сближаются в вариациях этих признаков со смешанными европеоидно-монголоидными группами Западной Сибири и Поволжья. Единственным исключением среди североамериканских индейцев являются индейцы на-дене, которые и сильной уплощенностью лица, и малым выступанием носа напоминают сибирских монголоидов.

Как истолковать это антропологическое наблюдение? Почти три десятилетия тому назад известный создатель лексикостатистики как определенного направления в современной лингвистике М. Сводеш выступил с аргументацией гипотезы родства языков на-дене с урало-алтайскими языками Северной Азии. До него вслед за Н. Я. Марром с гипотезами родства азиатских языков с американскими и европейскими выступали Н. Ф. Яковлев и Г. М. Василевич, все подобные гипотезы после отказа от глобальных, но малообоснованных построений Н. Я. Марра стали восприниматься как фантастические. В отношении гипотезы М. Сводеша можно сказать, что подавляющее большинство современных лингвистов в высшей степени критически относятся к возможности постулировать урало-алтайское единство, многие негативно расценивали даже возможность говорить об отдаленном родстве, связывающем монгольские, тюркские и финно-угорские языки. Все это, безусловно, аргумент против гипотезы М. Сводеша, и все же нельзя не отметить, что усиление монголоидности фиксируется как раз в той обширной группе североамериканских индейцев, в языках которой он отметил связи с сибирскими. Так или иначе, можно предполагать, опираясь на антропологический материал, что отдаленные предки индейцев на-дене переселились на американский материк из Азии позже предков остальной массы индейских племен, ког-

87

да монголоидные признаки у населения Северной и В.ос- | точной Азии были уже четко выражены (ряд исследователей без достаточных, правда, на то фактических оснований полагают, что древнейшие популяции Северной, Восточной и Центральной Азии характеризовались ослабленной монголоидностью).

Алеутская ветвь. Алеутский язык традиционно объединяется с эскимосским в одну семью эскоалеутских языков. При этом он, как и эскимосский, распадается на развитые диалекты, и поэтому традиционное название выглядит недостаточным: целесообразнее говорить о группах алеутских и эскимосских языков, тем более что в последнем случае понимание невозможно и между географически близкими языками. Только что упоминавшийся М. Сводеш на основе лексико-статистических расчетов отнес время расхождения алеутских и эскимосских языков на 3000 лет от современности, но исходная общая основа для них не отрицается никем из лингвистов. Логика предшествующего изложения, казалось бы, должна была привести нас к учету родства эскоалеутских языков в этногенетических построениях и выделению общей этногенетической ветви, объединяющей эскимосов и алеутов. Однако серьезные факты культурно-исторического и антропологического порядка мешают в этом случае безоговорочно следовать за лингвистическими данными.

Своеобразие антропологического типа алеутов и его отличие от эскимосского было научно установлено еще А. Хрдличкой и с тех пор активно обсуждалось в антропологической литературе. Наиболее четко оформились две точки зрения, противостоявшие друг другу. Ввиду морфологического сходства алеутов с внутриконтинентальными азиатскими народами они объединялись с ними в одну группу и генетически рассматривались как народ материкового происхождения, попавший на острова Алеутской гряды сравнительно поздно, — это одна точка зрения. Альтернативная ей гипотеза аргументировалась тем предполагаемым обстоятельством, что физические особенности алеутов претерпели значительные изменения в ходе времени и их древние предки больше походили на предков эскимосов, чем походят друг на друга современные эскимосы и алеуты. Эти две альтернативы противостояли друг другу до соматологического обследования алеутов Командорских островов в 1972 г. В дополнение к уже отмеченному морфологическому своеобразию алеутов оно показало, что в их составе отчетливо прослеживается примесь каких-то антропологических элементов заведомо южного происхождения, которых нет в составе эскимосов и которые могли иметь свое происхождение в Восточной или Юго-Восточной Азии. Таким образом, достаточно глубокие генетические отличия алеутов от эскимосов получили дополнительное подтверждение.

Другая важная для нашей темы информация доставляется археологическими раскопками на островах Алеутской гряды. Открытые там стоянки Анангула (VIII тысячелетие до н. э.) и Чалука (более поздний период) демонстрируют этапы развития физически древнейшего населения. Результаты первых исследований американских археологов на этих стоянках освещены в книге Р. С. Васильевского (1973), последующие работы на Анангуле с участием советских специалистов — в книге А. П. Окладникова и Р. С. Васильевского (1976). Эти исследования вскрыли два обстоятельства первостепенной важности — культурную связь современных алеутов и древнейшего населения, оставившего перечисленные стоянки, и материковые связи культурного комплекса. Эти полученные при раскопках данные позволяют по-иному взглянуть и на путь заселения Алеутских островов человеком и в противовес наиболее распространенной точке зрения аргументировать гипотезу их заселения с запада на восток через Командорские острова. Таким образом, очаг алеутского этногенеза был, можно думать, на протяжении тысячелетий самостоятельным и независимым от эскимосского, а переход на эскоалеутскую речь осуществился на каком-то незначительном этапе истории предков алеутов. С этой точки зрения дальнейшее изучение алеутских языков должно выявить в них инородные субстратные явления.

Беринго-гренландская ветвь. Огромный ареал, занимаемый эскимосами, при значительном культурном и языковом разнообразии лишь по традиции позволяет использовать это этническое наименование для обозначения совокупности по сути своей разных народов, говорящих на языках, образующих самостоятельную внутренне разветвленную семью. По сути дела общий термин «эскимосы» возник лишь как отражение недостаточности наших знаний об этих народах в результате их удаленности от центров мировой цивилизации и обитания Р крайне экстремальных географических условиях.

Культурное своеобразие породило много гипотез формирования эскимосской культуры и динамики смены разных ее форм во времени, вплоть до представления о сложении ее истоков

в Гренландии. Однако сейчас археологических наблюдений уж столько, что они не оставляют сомнений в формировании эскимосов в районах Берингоморья, на азиатском побережье и на Аляске, где прослеживаются археологически и исходные памятники протоэскимосской культуры. Археологически восстанавливаемые этапы хозяйственной эволюции предков эскимосов позволяют в качестве исходной основы их хозяйственной деятельности реконструировать охоту на морского зверя, которая только и помогла им выжить в суровых условиях Арктики, а все другие хозяйственные занятия рассматривать как вторичные. К этому следует добавить значительное морфологическое единообразие эскимосов, образовавшееся в процессе адаптации к тем же экстремальным по суровости географическим условиям и не находящее аналогий в других расовых типах земного шара, за исключением упоминавшихся выше огнеземельцев, живущих в аналогичных суровых условиях.

Чукотско-камчатско-сахалинская ветвь. При обзоре этногенетических пучков на территории СССР (Алексеев, 1979) эскимосы и алеуты были включены в эту ветвь, но выше были приведены как будто достаточные доказательства их самостоятельного этногенетического развития. Чукотско-камчатские языки образуют самостоятельную родственную семью языков, достаточно обособленную от других языковых семей сибирских и дальневосточных народов. Антропологически разные группы чукчей, коряков и ительменов также близки между собой. Но в культурном отношении между ними наблюдаются значительные различия, причем различия эти глубоко обусловлены исторически и имеют, похоже, древние истоки. Чукчи и коряки в тундре занимались оленеводством и вели кочевой образ жизни, на побережье были оседлыми и практиковали морской зверобойный промысел. Весьма вероятно, что чукчи перешли к нему под влиянием эскимосов, а у коряков он не был сильно развит. Ительмены в отличие от коряков интенсивно занимались рыболовством, которое играло основную роль, и частично охотой. Таким образом, антропологическое и языковое единство противостоит в данном случае культурному разнообразию.

90

Однако сложный состав чукотско-камчатско-сахалинской этногенетической ветви выявится еще определеннее, если мы включим в нее нивхов — также рыболовов и охотников, антропологически сходных с перечисленными народами, но говорящих на самостоятельном, не входящем в чукотско-камчатскую семью языке, занимающем обособленное положение. Тщательное рассмотрение традиционной культуры нивхов выявляет значительное число параллелей с этнографическим миром северо-востока Азии, чему была посвящена специальная статья (Арутюнов, Сергеев, Таксами, 1972). Антропологическое своеобразие нивхов нашло даже отражение в выделении их расового типа в качестве особой единицы расовой систематики, но происхождение этого типа вероятно за счет смешения арктических, свойственных эскимосам, и каких-то южных элементов. Наконец, изолированное положение нивхского языка, как будто не обнаружившего до сих пор никаких схождений с языками других семей, можно объяснить относительно изолированным развитием в пределах Сахалина, заселенного, как свидетельствуют археологические данные, минимум с неолита. Следовательно, основным для выделения рассматриваемой ветви является изначальное антропологическое родство, в пределах которого, по-видимому, уже позже развилось языковое и культурное разнообразие.

Сибирско-маньчжурская ветвь. Эта ветвь объединяет тунгусо-маньчжурские народы, занимающие огромный ареал, начиная с бассейна Енисея на западе и кончая нижним течением Амура, Приморьем и Маньчжурией на востоке. Ареал этот обнаруживает не только языковое, но и вполне определенное антропологическое единство, сопровождающееся, однако, культурным разнообразием. Если тунгусские народы Сибири и Дальнего Востока занимались охотой, создав особый тип охотничьего промысла, то в Маньчжурии преобладающим занятием населения было земледелие. Однако этот контраст исторически имеет позднее происхождение: археологические исследования показывают широчайшее распространение земледельческой культуры по среднему течению Амура и в советском Приморье, начиная с эпохи неолита, что позволило даже выделить здесь самостоятельный очаг древнейшего земледелия (Окладников, Бродянский, 1969). Существование этой обширной зоны древнего земледелия по-новому ставит проблему прародин тунгусо-маньчжурских народов по сравнению с

тем, как она рассматривалась в эГМогенетической ратуре тридцатилетней давности. Тогда господствовало мнение, некритически повторяемое иногда и сейчас, что тунгусские народы сформировались в таежной зоне Сибири и затем расселились с севера на юг в Приамурье и Приморье. Между тем достаточно скудное охотничье хозяйство в Сибири не могло дать никакого толчка избыточному расселению, что делает трудно объяснимым предполагаемое переселение предков тунгусских народов на юг. Археологический материал из Приамурья и советского Приморья демонстрирует большое число впечатляющих аналогий современному культурному комплексу тунгусов, уходящих до эпохи неолита. По-видимому, на тунгусо-маньчжурских языках говорили и жители древних государств на этой территории. Все это на новом этапе наших знаний заставляет вернуться к старой точке зрения С. М. Широкогорова о южной прародине тунгусских народов. Их переход в ходе избыточного расселения к охотничьему промыслу связан, по всей вероятности, с освоением на севере бескрайних лесных территорий.

Корейско-японская ветвь. Выделение этой ветви с лингвистической точки зрения выглядит очень спорным. И корейский, и японский языки занимают изолированное положение в языковой системе и не обнаруживают сходства друг с другом. Правда, ряд лингвистов и в настоящее время защищает гипотезу реального существования урало-алтайских языков и включает в них японский и корейский языки, но эта традиционная точка зрения подвергается сейчас серьезнейшим сомнениям. Критически оцениваются большинством лингвистов и языковые реалии, на которые опираются сторонники сближения корейского и японского с урало-алтайскими языками. Однако в пользу этногенетического единства в данном случае говорят такие факты, как бесспорное материковое происхождение части предков японцев, сходство антропологических особенностей (при наличии и различий: у японцев — примесь субстратных айских компонентов, у корейцев — большая выраженность внутриматериковых компонентов) и сходство культурных особенностей опять, разумеется, при существовании локальных своеобразных черт. Таким образом, мы сталкиваемся в данном случае с той необычной ситуацией, когда внутри ареала этногенетической ветви могут быть выделены два очага, развивавшихся независимо на протяжении дли-

92

тельного периода времени, но Восходящих к исходному этногенетическому единству, предположение о котором вероятно в высокой степени.

Байкальско-монгольская ветвь. Ранее Прибайкалье, Забайкалье, Якутия и южные районы Алтае-Саянского нагорья рассматривались как периферия центрально-азиатской ветви (Алексеев, 1979). Строго говоря, это название не вполне точно, так как в географическое понятие Центральной Азии входит не только Монголия. Сейчас эта неточность исправлена, но тоже не окончательно так как новое наименование не охватывает Алтае-Саяны и бассейн реки Лены. Так или иначе, речь идет о тюркских и монгольских народах, языки которых относятся к разным языковым семьям, но семьи эти многими объединяются в алтайскую суперсемью. Вне зависимости от окончательного решения этого вопроса между алтайскими и монгольскими языками наблюдается много корреспонденции, отражающих давние, а, может быть, и исконные контакты. Антропологически все народы этого ареала также отличаются значительным единством, несмотря на то, что европеоидная примесь принимала участие в их формировании в разной степени: у бурят проявляется некоторое влияние антропологических особенностей, типичных для сибирских эвенков, а у якутов — влияние другого морфологического комплекса, пока нам плохо известного и свойственного, надо думать, какому-то древнему населению внутренних районов Сибири. Что же касается хозяйственно-культурных традиций, то они различны, но различия эти, как достаточно точно исторически документировано, имеют сравнительно позднее происхождение. Исходным хозяйственным типом было, очевидно, сочетание земледелия с отгонным скотоводством и охотой, на базе этого типа затем развилось кочевое скотоводство.

Тибетская ветвь. Наиболее многочисленные народы этой ветви — собственно тибетцы, ицзу и бирманцы. Но кроме них в нее входят по самым крупным подсчетам еще более 20 народов, говорящих на разных тибетских языках. Культурные различия между всеми этими народами значительны, как различия и их хозяйственных занятий, но последние сводятся в основном к

земледелию (набор культивируемых растений и приемы агротехники, естественно, разные, скажем, в высокогорном Тибете и в Бирме) и примитивному скотоводству отгонного типа. Кочевое скотоводство встречалось кое-где в Тибете, но

93

оно никогда не достигало больших масштабов. Помимо языковой общности, этногенетическое единство тибетской ветви ярко демонстрируется антропологическими данными. Они далеки от полноты, но все же, комбинируя все то, что нам сейчас известно, можно утверждать, что подавляющей массе тибетоязычных племен свойственна определенная комбинация физических признаков, отличающаяся от других комбинаций в составе азиатских монголоидов и имеющая особое происхождение. У отдельных народов она модифицирована позднейшими примесями, например, у бирманцев в западных районах их расселения смешением с европеоидными индийцами, но такие явления, легко понять, не затрагивают этногенетической стороны дела. Хотя сейчас появилась тенденция объединять тибетские языки с китайскими в так называемую сино-тибетскую суперсемью, однако выделение специально тибетской ветви продолжает выглядеть оправданным, так как, во-первых, родство всех тибетских и китайских языков еще нельзя считать доказанным, во-вторых, все тибетоязычные народы, за немногими исключениями, •—• обитатели своеобразной экологической ниши — крайнего высокогорья и частично расселились оттуда в сравнительно позднее время и, в-третьих, наконец, несут определенные черты и культурной, и антропологической уникальности.

Индонезийская ветвь. Восточная Азия в связи с кустовым характером этногенеза будет рассмотрена позже, сейчас же мы прямо переходим к территории Юго-Восточной Азии. Огромная и по своему ареалу, и по числу входящих в нее языков малайско-полинезийская, или, как теперь чаще ее называют, австронезийская, языковая семья представляет и по сей день, когда интенсивной переоценке подвергаются генетические связи между отдельными языковыми семьями, общность, опираясь на которую можно было бы выделить громадную соответствующую ей этногенетическую ветвь или даже этногенетический ствол. Однако отдаленное языковое родство в пределах этой макросемьи покрывает такое культурное и антропологическое разнообразие, что для целей конкретной работы целесообразнее опираться на внутренние подразделения этой макросемьи, носящие и ареально, и по числу языков более узкий характер.

Лингвисты часто пишут теперь, что традиционное деление австронезийских языков на четыре группы — индонезийскую, меланезийскую, полинезийскую и микроне-

94

зийскую, фигурирующее в работах по исторической этнологии и сравнительному культуроведению, не полностью соответствует лингвистической реальности, но не приводят никакой другой классификации. Таким образом, нам ничего не остается, как опираться на это деление. Индонезийское языковое родство, охватывающее материковые народы, население Зондского архипелага, Тайваня и Филиппинских островов, при островной изоляции естественным образом сопровождается сильной культурно-хозяйственной гетерогенностью. Наиболее распространенные занятия — тропическое земледелие, морское и речное рыболовство, но в глубинных частях ряда островов среди тропического леса сохранились и примитивные племена охотников. Антропологические особенности населения всей этой огромной области также не единообразны, демонстрируют всю гамму переходов от австралоидов к монголоидам, но на высоком таксономическом уровне антропологической классификации генерализуются все же в особый островной вариант южномонголоидной расы. Таким образом, специфическое единство популяций, говорящих на индонезийских языках, внутри австронезийской макросемьи выглядит вполне вероятным, чем и оправдано специальное выделение индонезийской этногенетической ветви.

Меланезийская ветвь. Как показывает само название, ее составляют народы, населяющие различные острова Меланезии. Внутри Океании они образуют особый культурный тип с чертами материальной, бытовой и духовной культуры, свойственными только им и не встречающимися в Океании нигде за пределами Меланезии. Сходна на разных островах и хозяйственная деятельность меланезийцев. Антропологическое своеобразие, сближающее их с папуасами, о которых будет сказано дальше, но резко противопоставляющее другим народам

Океании, дополняет это лингвистическое и культурное сходство. Как и во всех последующих случаях трактовки проблем этногенеза народов Океании, время заселения отдельных островов Меланезии человеком не очень ясно, невозможно, следовательно, датировать и время формирования меланезийской этногенетической ветви.

Полинезийско-микронезийская ветвь. Казалось бы, самостоятельное выделение полинезийских и микронезийских языков должно было подвинуть нас на выделение соответствующих им отдельных этногенетических ветвей, однако в этом случае это было бы механическим следова-

95

нием за лингвистической классификацией. Если лингвисты сомневаются в справедливости реального существования именно четырех групп в составе австронезийских языков и пишут о неотчетливости границ между ними, то в наибольшей мере эта неотчетливость проявляется как раз в данном случае. В ландшафтно-географическом отношении острова Микронезии и Полинезии практически тождественны: основной вид хозяйственной деятельности здесь — возделывание культуры кокосовой пальмы. Отсюда и значительное единообразие на отдельных островах, сравнительно примитивные формы материальной культуры при развитом фольклоре, особенно генеалогических преданиях, музыке и искусных танцах. Существующие данные об антропологических особенностях отдельных островных популяций полинезийцев выборочны, по микронезийским популяциям совсем отрывочны. Но краниологический материал по своей полноте с успехом заменяет результаты изучения антропологии современного населения. При построении черепа микронезийцы не выделяются никакими особыми чертами при сравнении с полинезийцами, а это означает, что их можно отнести к одному и тому же расовому типу, что и было неоднократно аргументировано. Если даже различие между микронезийскими и полинезийскими языками в целом получит подтверждение, тогда можно будет предполагать, что оно возникло уже после того, как архипелаги Полинезийских и Микронезийских островов были заселены генетически единым населением, обладавшим сходными культурно-хозяйственными навыками и развивавшим их в почти тождественных ландшафтно-географических условиях по параллельным конвергентным направлениям. И в этом случае полинезийско-микронезийская этногенетическая ветвь сохранит свое право на существование. Время ее формирования также неясно, как и предшествующей меланезийской ветви.

Новогвинейская ветвь. Проскальзывающие иногда лингвистической литературе сомнения в подлинном родстве всех папуасских языков не альтернативны представлениям о родстве какого-то их ядра, что и представляет; наибольший интерес для нашей темы. Внутренние районы Новой Гвинеи до сих пор остаются чуть ли не единственными районами, которые плохо известны европейской науке. Но отдельные сведения о населении этих горных районов не сообщают ничего нового о его хозяйственной деятельности и культурных особенностях, по сравнению с прибрежными. Это то же сочетание охоты с примитивным земледелием и скотоводством. Антропологический тип населения Новой Гвинеи достаточно однороден, поэтому можно утверждать, что все группы папуасов произошли от одних и тех же физических предков. Единство культуры и физического типа даже при спорности вопроса о генетическом родстве всех папуасских языков представляют достаточные основания для выделения новогвинейской этногенетической ветви. Это тем более оправдано, что на Новой Гвинее зафиксировано то явление, которое В. Шмидт называл языковыми волнами, а С. П. Толстов — первобытной лингвистической непрерывностью: различия между языками или диалектами растут параллельно увеличению расстояния между их ареалами, тогда как между территориально близкими диалектами они совсем незаметны или малозаметны. Практически можно было бы отнести этногенез папуасов к кустовому пути этногенеза и рассматривать его дальше, но сама территория Новой Гвинеи недостаточно велика, чтобы можно было это сделать с уверенностью. Древнейшие следы человеческой деятельности на Новой Гвинее, как это установлено с помощью радиоуглеродного анализа, имеют возраст 26 тыс. лет. К сожалению, эта дата остается единственной и не подтверждается серией более поздних дат. Поэтому ее невозможно использовать для датировки этногенетических процессов. Ясно, что Новая Гвинея, связанная с материком мостами суши, была заселена очень рано, но этого недостаточно, чтобы датировать формирование новогвинейской ветви этим же временем: могли иметь место и более поздние волны заселения.

Индийская ветвь. Ее составляют дравидийские народы, ареал расселения которых был

значительно шире в прошлом, чем он есть в настоящее время. В пользу этого свидетельствует сближение древнеэламского языка с дравидийскими, защищаемое сейчас многими лингвистами, расшифровка печатей Мохенджо-Даро и Хараппы на основе дравидийских языков, осуществленная Ю. В. Кнорозовым и его сотрудниками, наконец, местоположение расселения брагуев. На основании этих фактов можно говорить о расселении дравидоязычных народов в древности по всему Деканскому полуострову и о возможности включения в их ареал части восточных районов Передней Азии. Эта мысль подтверждается и наличием дравидийского субстрата в индоарийских языках (Во-4—1143

97

робьев-Десятковский, 1956). Совершенно естественно, что на такой громадной территории хозяйственная основа дравидийской культуры не могла быть единой, и она образовывала хозяйственно-культурный конгломерат. Па-леоантропологическое исследование остатков скелетов из Хараппы и Мохенджо-Даро продемонстрировало гораздо большую выраженность европеоидного компонента, чем сейчас на юге Индии. Таким образом, не только культурная, но и расовая изначальная гетерогенность населения, говорившего на дравидийских языках, очевидна. Она стала меньше в связи с территориальной редуцией ареала дравидоязычных народов под давлением ариев. Таким образом, языковое родство покрывает в данном случае происхождение от разных физических предков вместе с различной культурной ориентацией и является единственным аргументом для выделения индийской этногенетической ветви. Ее формирование наверняка произошло за несколько тысячелетий до н. э., но этническая привязка тех или иных открытых в Индии археологических памятников именно к дравидоязычному населению требует уточнений.

Восточноиндийская ветвь. Речь идет о народах, говорящих на языках мунда. В. Шмидт считал эти язык» одним из ответвлений австронезийской языковой семьи* но его мнение стоит особняком. Общепринятый взгляд на языки мунда сводится к тому, что они, будучи распространенными в двух штатах Бахар и Орисса на востоке Индии, не обнаруживают никаких аналогий с языками других семей. Низкий уровень общественного развития, на котором находились народы мунда до недавнего времени, и в какой-то мере находятся и сейчас, приводил к культурной монотонности — примитивное земледелие с использованием небольшого количества скота и довольно искусные способы охоты на животных и птиц в джунглях. В целом все народы мунда имеют более или менее единый культурный комплекс.

Их физические особенности неоднозначно оценивались в антропологической литературе. Первые исследователи народов мунда писали о наличии у них монголоидных особенностей, и суждение это оказалось чрезвычайно живучим: оно вошло в историко-этнологическую литературу и упорно повторяется до сих пор. Но уже в работах английских исследователей первой четверти века гипотеза монголоидной примеси у мунда получила скептическую оценку. Автор имел возможность работать среди санта-98

лов — наиболее многочисленного из народов мунда — в 1975 г. Полученные данные позволяют утверждать, что они представляют собою более или менее типичных австралоидов и не несут никаких черт монголоидной примеси. Время формирования этого комплекса признаков, как и время сложения языков мунда и культуры народов мунда, остается неясным. Некоторые лингвисты писали о глубокой древности языков мунда, о том, что они древнее дравидийских, но не имели для этого достаточных фактических оснований.

Среднеазиатско-иранская ветвь. При первоначальном обзоре этногенетических пучков на территории СССР, на который мы уже ссылались, был выделен южный среднеазиатский пучок. Это выделение было вызвано исключительно территориальными границами, в рамках которых и производилось рассмотрение. На самом деле следует говорить о гораздо более широкой этногенетической общности, охватывающей все ираноязычные народы Передней и Средней Азии, а также восточного Закавказья. Родство самих иранских языков не вызывает сомнений, система таксономической классификации иранских языков многоступенчата и сложна (Оранский, 1979), многие древние периоды их исторической дифференциации освещаются письменными памятниками. Но в культурно-хозяйственном отношении все иранские народы исключительно разнообразны: одни занимаются интенсивным земледелием, возделывая большой набор культур, другие — примитивным кочевым скотоводством, особенно в горных районах.

Достаточно разнообразны они и в антропологическом отношении, хотя здесь можно увидеть общие антропологические черты, до какой-то степени объединяющие население разных районов. В общем, как из кусочков смальты складывается мозаичное панно, производящее цельное впечатление, так иранские языки объединяют культурно, а в какой-то мере и физически

достаточно разнородный мир, придавая ему определенное единство. Время формирования этого единства должно, очевидно, соотноситься со временем отделения иранских языков от индоарийских, а это событие, как легко понять, потребовавшее длительного периода времени, датируется лингвистами концом III — началом II тысячелетия до н. э. Надо полагать, что примерно этим временем должно датироваться и сложение среднеазиатско-иранской этногенетической ветви.

99

Малоазиатская ветвь. Рассматривая эту ветвь, мы сталкиваемся с редкой возможностью установить более или менее точную дату этногенетического процесса, который привел к ее формированию. XI—XIII вв. н. э. — отуречивание грекоязычного населения Малой Азии,, установление господства династии Сельджуков и формирование новой этнической общности, дошедшей до современности под названием турок. В это же время происходит смена местных языков на тюркский и на территории нынешнего Азербайджана. Тщательное историко-этнографическое исследование выявляет значительный дотюркский субстрат в культуре турецкого народа (Еремеев, 1971), есть этот субстрат и в турецком языке (Еремеев, 1967). То же самое можно повторить и про азербайджанцев. В культурном и языковом отношении оба эти народа достаточно близки, близки они и в антропологическом отношении. Антропологическая близость в данном случае объясняется не только единством антропологического типа пришлых кочевников, принесших тюркскую речь, но и значительным сходством расовых черт местных народов Малой Азии и восточного Закавказья, подвергшихся тюркизации. Пожалуй, это первый из рассмотренных нами случаев этногенеза, падающего на столь позднюю эпоху, отстоящую от современности меньше, чем на тысячелетие.

Закавказская ветвь. Речь идет о грузинах и армянах. Антропологическое родство их неоспоримо и демонстрируется всеми видами палеоантропологических, краниологических, соматологических и генетических материалов. В то же время языки их не только не сходны, но относятся к разным языковым семьям. Однако положение армянского языка долго вызывало споры, он был отнесен к индоевропейской семье, но и сейчас занимает в ней изолированное положение. Это связано с тем обстоятельством, что в нем проявляется обширный пласт субстратных явлений кавказского происхождения (Капанцян, 1956), который и заставлял многих исследователей на протяжении долгих лет сближать армянский с кавказскими языками. Богатая культура армянского и грузинского народов во многом различна, но обнаруживает в то же время и ряд общих элементов древнего происхождения. Данные языка, этногенетические и генеалогические предания и некоторые упоминания в письменных источниках позволяют предполагать для отдельных горных этнографических групп грузинского народа, например, сванов, 100 переселение с юга. Об этом в свое время писал убедительно и красноречиво еще Н. Я. Марр. С юга — это значит откуда-то из Передней Азии, северные районы которой были основным ареалом и для предков армян. Таким образом, происхождение от общих физических предков и какие-то древние общие культурно-исторические традиции заставили не принимать в расчет разную языковую принадлежность в современную эпоху и выделить эту этногенетическую ветвь вопреки языковому принципу.

Датировка формирования этой ветви — это датировка образования исходной антропологической общности. В нашем распоряжении нет бесспорных данных, но с большой долей уверенности можно говорить об эпохе неолита или ранней бронзы.

Северокавказская ветвь. Языковое разнообразие северокавказской ветви еще больше, чем закавказской, и внутри нее, помимо носителей кавказских языков — абхазо-адыгских народов, вейнахских и дагестанских, представлены индоевропейцы иранской принадлежности — осетины и народы, говорящие на тюркских языках, — балкарцы, карачаевцы и кумыки. Однако при всем этом разнообразии сохранились общие культурные элементы древнего происхождения и антропологическая близость, свидетельствующая о происхождении от общих предков. Антропологические наблюдения однозначно демонстрируют непрерывную последовательность поколений от местных популяций древности, говоривших, бесспорно, на каких-то кавказских языках, к современным тюрко-язычным народам Северного Кавказа и осетинам. Для карачаевцев, балкарцев и особенно осетин мощный субстратный слой местного кавказского происхождения выявлен и в языке, и в культуре (Абаев, 1949). Переход их предков на тюркскую и иранскую речь имел место не раньше чем в эпоху позднего средневековья, то есть представляет собою заведомо позднее явление. Происхождение от общих физических предков и сохранение от древнейших эпох какой-то общей этнокультурной основы опять, следовательно,

образуют основу для выделения этногенетической ветви.

Ее формирование сопровождали прогрессивные шаги на пути перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Переход к производящему хозяйству в Дагестане, например, в эпоху неолита был недавно подробно рассмотрен В. Г. Котовичем (1982), выявившим его пред-
101

посылки с помощью тонкого анализа археологического инвентаря. Окончательные доказательства были получены Х. А. Амирхановым (1982, 1983), раскопки которого позволяют датировать этот переход VI тысячелетием до н. э. Весьма вероятно, что сложение северокавказской ветви падает примерно на то же или близкое время, и, следовательно, она не менее древняя, чем закавказская. *Среднеазиатско-казахстанская ветвь*. Это наименование предлагается здесь вместо прежнего наименования «северная среднеазиатская». Основанием для этого является перенаименование южной среднеазиатской ветви, включенной в более обширный ареал, а также большее соответствие нового названия реальной географии входящих в эту ветвь народов. Сейчас мне нечего добавить к тому, что было написано в 1979 г. Никаких особенных археологических открытий на этой территории, интересных для нашей темы, не было сделано. Пожалуй, специально следует лишь подчеркнуть, что процесс формирования ветви был здесь очень длительным — две-две с половиной тысячи лет, что в теоретическом отношении представляет большой интерес, так как в рассмотренных ранее ситуациях мы не сталкивались с хорошо документированным фактом подобной длительности этногенетического становления.

Западно-сибирская ветвь. Надо сказать, что никаких новых данных, относящихся к этой ветви, не получено (см.: Алексеев, 1979).

Поволжская ветвь. Основой формирования этой ветви являлись народы, говорившие на восточнофинских языках и лишь в эпоху средневековья частично перешедшие на тюркскую речь. Поэтому их объединяет и культурное, и антропологическое родство. Рассматривая эту ветвь (Алексеев, 1979), я не отметил отростка или ответвления этой ветви в западном направлении. Речь идет об угорском компоненте в Венгрии. Если говорить о языковой стороне дела, то при движении с востока на запад носители протовенгерского языка, несомненно, сталкивались с народами поволжской ветви. Антропологически венгры более всего походят на отдельные группы населения Среднего Поволжья. Имеются и культурные параллели. Все это образует ту конкретно-историческую ситуацию, которая эмпирически наталкивается на мысль о дальнейшем членении ветвей. Мы оставляли этот вопрос без специального рассмотрения во всех предыдущих случаях, но в данном случае он провоцирует позитивное реше-102

ние проблемы дальнейшей дифференциации отдельных ветвей. По отношению к поволжской ветви возможность такой дифференциации совершенно очевидна. Время отделения дунайского отростка в широких хронологических границах соответствует, по-видимому, времени формирования самой ветви.

Восточнобалтийская ветвь. Она объединяет народы, говорящие на западнофинских языках. Помимо языкового родства их объединяет вполне четко выраженное сходство антропологических признаков и близкие культурные традиции. Ландшафтное единообразие занимаемого этими народами ареала предопределило и единообразие их хозяйственной деятельности. Эта небольшая и по числу входящих в нее народов, и по демографическому объему этногенетическая ветвь является одной из наиболее гомогенных, если иметь в виду основные наиболее многочисленные народы этой ветви — эстонцев и финнов. Богатая археологическая информация с территории Эстонской ССР, и из прилегающих районов Ленинградской области, и с территории Финляндии, и из Карелии позволяет проследить культурное развитие в пределах этой ветви от современности до эпохи позднего неолита. Это, видимо, и есть время формирования данной этногенетической общности.

Любая классификация, тем более предварительная, не дает возможности во всех случаях точно определить место классифицируемых объектов. Классификация этногенетических ветвей не составляет исключения. Чрезвычайно трудно отнести к той или иной этногенетической ветви саамов — коренное население Кольского полуострова и прилегающих областей Финляндии, Норвегии и Швеции. По языку саамы должны быть включены в этногенетическую ветвь, которую мы разбираем, но в нем, выделен мощный самодийский субстрат, уводящий происхождение этого языка на восток. Любопытно отметить, что, несмотря на относительную малочисленность саамов, их язык оказал влияние на северные диалекты шведского и восточные диалекты норвежского, и именно саамскому языку они обязаны метафонией — уподоблением первого гласного в слове

второму гласному (Кузь-менко, 1983). Хозяйство и культурные традиции у них резко своеобразны, видимо, за счет длительного проживания в тундровой зоне. Фпзиономически они не похожи ни на один из народов Европы и Северной Азии, но имеют некоторые монголоидные признаки. В то же время по

103

вариациям генетических маркеров саамы мало отлича- ются от других народов Европейского Севера. При такой ситуации было бы насилием над фактами пытаться поместить саамов в ту или иную классификационную рубрику, выбрать, например, восточнобалтпйскую или западносибирскую ветвь. Разумнее оставить вопрос открытым, ожидая дополнительной информации, которую доставят дальнейшие исследования.

Скандинавская ветвь. В языковом отношении народы Скандинавии близки к другим германоязычным народам Западной Европы, но они в силу изоляции и длительных контактов с морем обнаруживают значительное культурное своеобразие, уходящее, если судить по археологическим данным, минимум в эпоху бронзы. Исключительна роль физического типа норвежцев, шведов, датчан и исландцев в демонстрации глубокой древности этой этно-генетической ветви. Палеоантропологический материал с территории Скандинавии, естественно, имеет лакуны, но в целом он достаточно многочислен и обширен, чтобы реконструировать изменения физического типа населения в ходе времени. Этот материал дает возможность углубить время сложения антропологического родства этой ветви до раннего неолита. Многие авторы пишут даже об эпохе верхнего палеолита как о периоде формирования отличительных антропологических признаков северных народов, не имея, правда, на то прямых фактических оснований.

Центральноевропейская ветвь. Название это нельзя считать особенно удачным, так как речь идет о центральных районах Западной Европы, а не о Центральной Европе в целом. Эта ветвь объединяет германоязычные народы материковой Западной Европы и Британских островов. В культурно-историческом отношении они довольно разнообразны, если говорить, конечно, не об их современном состоянии, нивелированном городской культурой, а о традиционных хозяйственных и бытовых навыках, привычках и обычаях. Но это разнообразие имеет все же довольно узкие рамки, проявляясь не в разных направлениях хозяйственной деятельности и принципиально различных культурных традициях, а в каких-то местных модификациях земледельческого хозяйства со стойловым содержанием скота, дополнявшегося иногда охотой. Антропологически все эти народы представляют собою разные формы переходов от светлопигментированных европеоидов севера Европы к темнопигмен-

тированным южным представителям европеоидной расы. Формы этих переходов достаточно разнообразны, но локальные вариации сводятся в основном к цвету волос и глаз. Так как народы рассматриваемой ветви с трудом поддаются антропологической классификации, то было предложено объединить их все в особую локальную расу, промежуточную между северной и южной ветвями европеоидов. Палеоантропологически документированная история антропологического состава этих народов, пожалуй, восстанавливается с большей подробностью, чем антропологическая динамика в пределах других территорий. Контакты с предками народов, входящих в другие этногенетические ветви, прослеживаются достаточно определенно на окраинах ареала, по они не затрагивали внутренних районов этого ареала.

Пиренейско-апеннинская ветвь. Ее составляют рома-ноязычные народы юго-западной Европы и прилегающих островов Средиземного моря. Спорен вопрос о возможности отнесения к этой этногенетической ветви некоторых высокогорных групп швейцарцев, но швейцарцы в целом также должны быть включены в нее. Языковое родство сопровождается вполне определенным сходством культурных традиций, тем более, что весь этот ареал испытал в той или иной форме исключительное влияние древнего Рима. Антропологически это все народы южной темно-пигментированной ветви европеоидной расы, имеющие, следовательно, единое происхождение и с антропологической точки зрения. Правда, примесь инородных антропологических элементов проявляется по-разному в разных частях ареала. В южных районах Испании ощущается влияние негроидной примеси за счет растворения в местной среде мавров в эпоху средневековья. В северных районах Франции и Италии чувствуется примесь центральноевропейских или даже северных элементов, выражающаяся в посветлении волос и глаз. Однако масштаб таких инородных влияний в целом невелик и не нарушает целостности всей ветви.

Особо должна быть рассмотрена проблема басков. Антропологически они мало отличаются от окружающего их испаноязычного и французоязычного населения, вернее сказать, различия с

испанцами и французами есть, но они не носят принципиального характера. В то же время язык резко своеобразен, своеобразна и обусловленная им культурная традиция. Это языковое и частично культурное своеобразие послужило поводом для многих лингвистических и этногенетических спекуляций. Писалось о родстве баскского языка с грузинским языком, писалось даже о родстве его с кетским. Резко выраженная языковая обособленность басков является достаточным основанием, чтобы, как и в случае с саамами, не включать их в состав этногенетической семьи, в ареале которой они проживают, но перечисленные сближения пока остаются недостаточно доказанными.

Балканская ветвь. Эта ветвь объединяет народы, говорящие на разных языках. Если языки народов нынешней Югославии входят в славянскую группу индоевропейской языковой семьи, то албанский и греческий — языки изолированные среди индоевропейских. Для греческого к тому же существуют бесспорные доказательства воздействия на него древнего субстрата, частично и не индоевропейского. Совершенно естественно, что языковые различия сопровождаются значительным своеобразием историко-культурных традиций, хотя многие из этих традиций уходят в глубокую древность, во всяком случае в I тысячелетие до н. э., и связаны с древнегреческим миром. Изданная в 1983 г. книга «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев» дает тому много примеров. Антропологическое сходство всех перечисленных народов Балканского полуострова бесспорно, и оно таково, что позволяет противопоставить их до известной степени другим народам, в том числе и славянским. Как уже приходилось отмечать ранее, так называемая динарская раса, преобладающая на Балканах, близка антропологически типам центрального Кавказа и сходство это имеет не синхронно-типологическое, а диахронно-генетическое значение, указывая в обоих случаях на происхождение от одного и того же пласта древнейшего населения, предположительно верхнепалеолитического времени. Следы этого древнего типа в ряде мест выражены особенно сильно, например в Сванетии или же в Черногории, но и в других районах Балкан они прослеживаются достаточно отчетливо. Эта древнейшая общность происхождения от одних и тех же физических предков и кладется нами в основу при выделении самостоятельного этногенетического очага на Балканах, дальнейшая языковая и культурная дифференциация представляет собою вторичное явление на фоне изначального единства.

Дунайско-днепровская ветвь. Словаки, чехи, болгары, румыны, украинцы — пожалуй, только словаки и чехи, а также румыны и молдаване рассматриваются традиционно как народы, имеющие общее происхождение. Чехи, словаки, украинцы и болгары говорят на славянских языках, но языки эти относятся к разным славянским ветвям. Соответственно и историко-культурные комплексы, характерные для этих народов, заметно различаются, хотя и имеют мощное общеславянское ядро. У болгар дополнительная культурная модификация вызвана поздним и длительным контактом с малоазийским ареалом. Этнографы выявили огромное число культурных сходжений румын и молдаван с романоязычными народами юго-западной Азии, хотя для последних достаточно типичен и славянский субстрат. Основу суждения о сходстве образуют в данном случае опять антропологические наблюдения, в равной мере отражающие как результаты изучения современного населения, так и опирающиеся на палеоантропологический материал. В современном населении это специфический темнопигментированный компонент, объединяющий все эти народы и, похоже, морфологически и генетически отличающийся от других локальных комплексов темнопигментированной средиземноморской ветви европеоидов, палеоантропологические доказательства его автохтонного происхождения не окончательны, но весомы. Антропологическим данным, вскрывающим древний этап этногенеза, опять отдается здесь предпочтение по сравнению с заведомо поздним языковым и культурным разнообразием.

Аравийско-африканская ветвь. В нее входят арабы и берберийские народы Северной Африки. Раньше признавалось генетическое родство семито-хамитских языков и они делились на три ветви — семитскую, кушитскую и хамитскую. В настоящее время родство это опровергается новейшей критикой и семитские языки рассматриваются в качестве самостоятельной ветви, которая входит в более общую афразийскую семью. Распространение арабских диалектов по Северной Африке с территории Аравийского полуострова — исторически засвидетельствованный факт. Археологические, историко-этнологические и палеоантропологические данные свидетельствуют о том, что эта широкая экспансия нового языка имела место без широкого миграционного движения жителей Аравийского полуострова в западном направлении, но в среде, культурно-исторически родственной древнейшим популяциям Аравии. Таким образом, хотя смена языка

произошла в Северной Африке в эпоху средневековья, Северная Африка и Аравия были еще до этого события огромным рифугиумом обмена культурных ценностей и генов. Таким образом, ареал аравийско-африканской ветви образовался в языковом отношении поздно, но этому предшествовало образовавшееся еще в древности культурное сходство и значительное единство физических особенностей, сформировавшееся еще в неолите. Опираясь на те же палеоантропологические материалы, можно утверждать, что мезолитическое население иберо-мавр-ской и капсийской культур, распространенных в западных и центральных районах Северной Африки, либо совсем не приняло участия в формировании народов арабо-африканской ветви, либо участвовало в этом процессе лишь в слабой степени.

Сомалийская ветвь. Эта ветвь охватывает как семитские народы и племена Эфиопии, так и кушитские народы и племена более южных районов Сомалийского полуострова. Кушитские языки представляют собою одну из групп афразийских языков и поэтому родственны семитским, хотя и противопоставляются семитским внутри всей семьи в целом. Культурные традиции всех этих народов близки, хотя на территории Эфиопии преобладает земледелие, а кушитские народы, из которых основными являются галла и сомали, занимаются преимущественно скотоводством. Вопрос о древности эфиопского земледелия остается открытым до сих пор, несмотря на длительную дискуссию вокруг него, в которой приняли участие ботаники и археологи. Н. И. Вавилов, обнаружив исключительное разнообразие эндемических сортов в Эфиопии, рассматривал ее как первичный генцентр, небольшой по площади по сравнению с другими генцентрами, но обладавший исключительно мощной земледельческой культурой. Археологические раскопки пока не открыли в Эфиопии древних земледельческих поселений. Некоторые археологи поспешили оспорить представление о древности эфиопского земледелия, не предложив удовлетворительного объяснения разнообразию эндемиков в культивируемой флоре. Между тем масштаб проведенных археологических работ в Эфиопии пока невелик, и в этой области возможны любые неожиданности.

Антропологические данные подтверждают глубокое генетическое родство народов Сомалийского полуострова и прилегающих районов. Как и наблюдения над физическим типом всех народов Африки южнее Сахары, они суммированы в книге Ж. йерно (1968); к информации, 19»

заключенной в этой книге, мы еще будем обращаться в дальнейшем. Таким образом, сомалийская этногенетическая ветвь демонстрирует единство своего происхождения и лингвистически, и антропологически, и культурно, хотя есть известные культурные различия внутри нее, имеющие, по-видимому, более позднее происхождение.

Западноафриканская ветвь. Огромная аналитическая работа, проведенная за последние 25 лет в области африканского языкознания, заставляет существенно переоценить старые историко-этнологические концепции и по-новому взглянуть на родство народов Судана и Западной Африки. Выделяемая сейчас лингвистами на этой громадной территории группа языков, именуемых чадскими, характеризуется реальным родством и наряду с кушитскими и семитскими языками входит в афразийскую семью (Порхомовский, 1982). Исследователи-лингвисты отмечают большое разнообразие чадских языков, их сложные и многоступенчатые генетические отношения, глубокий хронологический уровень прачадской реконструкции. В свете этих лингвистических наблюдений становится понятным и огромное культурное многообразие народов Судана и Западной Африки, которое всегда поражало исследователей-этнографов и путешественников. В то же время антропологически они относительно едины, и свойственная им комбинация признаков часто •фигурировала под разными наименованиями в расовых классификациях в качестве самостоятельной таксономической единицы. Налицо, следовательно, глубокое и древнее антропологическое и лингвистическое единство, на которое наслоилося позже культурно-хозяйственное раз-«ообразие.

Центральноафриканская ветвь. Ареал народов этой ветви наиболее обширен на территории Африки, а в лингвистическом плане он наименее изучен в отношении генетических связей между отдельными языками, их группировки и генеалогического соподчинения. Это языки банту, классификация которых была всегда очень спорна, остается она таковой и в настоящее время. Известное представление о современном состоянии группировки этих языков дает статья Н. В. Охотиной (1982). Однако для наших целей не столько важна та или иная группировка языков банту, сколько факт их генетического родства в целом. В хозяйственно-культурном отношении они как раз представляют тот классический тип африканской культуры, который является наиболее распространенным

ным, — сочетание примитивного земледелия и скотоводства с разнообразными приемами охоты. Антропологически они также довольно однородны, и поэтому всю ветвь в целом можно считать достаточно гомогенной.

Две проблемы встают в связи с вопросом о целостности центральноафриканской этногенетической ветви. Одна из них — генезис центральноафриканских пигмеев, другая — генезис населения Мадагаскара. Некоторые исследователи считали пигмеев исходной формой современного вида человека и рассматривали их как реликт чрезвычайно ранней стадии формообразования. Однако сейчас эта точка зрения оставлена, так как и малорослые племена Юго-Восточной Азии, и пигмеи Африки тесно связаны в языковом отношении с окружающими их народами. Близки они к соседям и по вариациям генетических маркеров. Что касается резко отличной морфологии, та она, очевидно, объясняется экономией структурного материала и физиологической устойчивостью малорослых форм в условиях тропического леса. Таким образом, принадлежность пигмеев к центральноафриканской этногенетической ветви сейчас не вызывает сомнений. То же самое можно сказать и про мальгашей — население Мадагаскара. Язык их относится к индонезийским, и на этом основании не раз говорилось об их восточном происхождении и наличии в их физическом типе монголоидной примеси. Последнее утверждение не опирается на антропологические факты, население Мадагаскара — типичные представители негроидной расы в ее центрально-африканском варианте, и люди, принесшие индонезийский язык, составляли, можно думать, ничтожную часть по сравнению с численностью коренного населения. Поэтому переход на индонезийскую речь не сопровождался перерывом в генетической преемственности поколений от аборигенных физических предков и до современности.

Южноафриканская ветвь. Бушмены и готтентоты — представители этой ветви — давно обратили на себя внимание своеобразием морфологических признаков и выделяются в особую расу практически всеми антропологами, писавшими об антропологии Африки. Свообразны они и культурно — искусные охотники, владеющие различными приемами и навыками, а также скотоводы. Скотоводством занимались готтентоты, охотой — бушмены, есть сведения, что отдельные племена готтентотов еще в конце прошлого века практиковали морской зверобойный промысел. В культурном отношении эта ветвь, следова-

Щ

тельно, не едина, но она достаточно гомогенна антропологически и лингвистически. Время ее формирования, как и время формирования других ветвей на территории Африки, определить трудно, но из многочисленных и разнообразных наблюдений над разными этногенетическими материалами можно сделать вывод о более широком расселении предков койсанских (это наименование, языковой семьи, на языках которой говорят бушмены и готтентоты) народов в древности, чем ко времени прихода -европейцев. По всей вероятности этот ареал сузился в ходе контактов с племенами банту.

Описанием южноафриканской ветви заканчивается ятоэйкуменный обзор этногенетических ветвей. Их ареалы вместе с ареалами этногенетических кустов, которые будут описаны, показаны на карте (см- с. 161). Прежде чем перейти к рассмотрению этногенетических кустов и тем закончить общий территориальный обзор конкретных этногенезов, следует уделить -внимание проблеме этногенетических стволов, то есть более крупных группировок этногенетических ветвей. Выделенные выше как конструктивные элементы принятой нами таксономической системы, они должны быть охарактеризованы и с помощью конкретных материалов, хотя подобная характеристика носит заведомо гипотетический характер, так как восстанавливаются генетические связи большой хронологической глубины.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СТВОЛЫ

Проявляющаяся сейчас в лингвистике исследовательская линия на выявление глубоких, хронологически древ-этих сходжений между языками далеких семей, основанных на фонологических реконструкциях, имеет самое непосредственное отношение к нашей теме. Родство языков предполагает родство народов, которые говорят на этих языках, и, следовательно, подобные лингвистические штудии способны как будто приоткрыть завесу над древнейшим характером родства, связывавшим предков современных народов в отдаленные эпохи, и дать нам возможность заглянуть в такие этногенетические глубины, которые никак не поддаются реконструкции и анализу. Собственно говоря, тенденция эта не новая, и она периодически возникала в истории лингвистики даже тогда, когда средства для ее реализации были ограничены или совсем отсутствовали. Вспомним глобальные построения

SIM

Н. Я. Марра о родстве, охватывающем все языки мира и восстанавливаемом с помощью четырехэлементного анализа. Попытка эта оказалась во многом фантастичной, на лежащая в ее основе идея составляет пафос лингвистических исследований и наших дней. Можно вспомнить близкую по внутренним идейным, установкам попытку С. П. Толстова (1946) показать наличие двух громадных ареалов на лингвистической карте первобытной зйкумены. Первый из этих ареалов — языки префиксирующего типа, второй из них — языки суффиксирующего типа. Индоевропейские языки, по его мысли, возникли в зоне контактов между этими двумя ареалами и представляют собою более позднюю формацию. Гипотеза С. П. Толстова была доведена до большой языковой конкретности, иллюстрировалась картами распространения языков разных культурных типов и путей древнейшего расселения человечества, но тем не менее не получила дальнейшего развития, видимо, опережая своими реконструкциями праязыковых состояний конкретные возможности лингвистических данных того времени. Из идей Н. Я. Марра, на которые опирался и С. П. Толстов, исходили упоминавшиеся выше Н. Ф. Яковлев и Г. М. Василевич. Н. Ф. Яковлев (1947) привел ряд структурных и фонологических соответствий в языках Северного Кавказа, чукотско-камчатских и ряда языков индейцев Северной Америки, указав, что схождения между первым и третьим звеньями этого ряда даже значительнее, чем между северокавказскими и чукотским. Автор специально отметил, что все выявленные им схождения носят типологический характер, но все же их обилие заставило его высказаться в пользу хронологически глубокого и дальнего родства сопоставляемых языков. Это дальнейшее развитие на конкретном материале точки зрения Н. Я. Марра (1926) о родстве некоторых американских и яфетических языков. Г. М. Василевич (1947) рассмотрела ряд этнонимов, общих для эвенкийского, тюрко-монгольских, индоевропейских и кавказских языков и объяснила их наличие как наследие древнейшей стадии языкового состояния, от которого остался языковой субстрат, одинаково характерный для всех перечисленных языков и имеющий общее пока недостаточно ясное происхождение. К этому же кругу лингвистических сопоставлений относится и гипотеза М. Сводеша (1965, 1971), воспитанно-

П2

го на других лингвистических традициях и в иной профессиональной среде, но тем не менее также постоянно искавшего изначальные связи между языками далеких семей. Об этой гипотезе мы уже упоминали при рассмотрении этногенетических ветвей на территории Северной Америки. Речь идет о предполагаемом родстве языков на-дене и, в частности, атапаскских с самодийскими и вообще о родстве этой огромной языковой семьи индейцев Северной Америки с языками Северной Азии. М. Сводеш, подобно Н. Ф. Яковлеву, истолковал многие типологические языковые явления как генетически обусловленные, но, как мы помним, его гипотеза нашла неожиданную поддержку со стороны историко-антропологических наблюдений, а именно в рассмотренных нами данных о строении лица у индейцев на-дене и сибирских монголоидов. Наконец, нельзя не упомянуть о сближении кетско-го языка в среднем и нижнем течении Енисея с баскским¹ в испанских и французских Пиренеях, аргументированном в последнем обобщающем труде о кетском языке А. П. Дульзона (1968).

Итак, мы убеждаемся, что тезис, с которого начинается этот раздел, не беспочвенный — не только современная лингвистика нацелена на древнейшие генетические реконструкции, но и на протяжении последних десятилетий интерес к подобным реконструкциям никогда не умирал. В настоящее время наибольшее внимание привлекают два построения глобального характера, охватывающие многие языковые семьи, — ностратическая гипотеза, о которой мы упоминали выше, и гипотеза, которая пока не получила краткого наименования, но которая отражает результаты разработки идеи родства, охватывающего восточно- и североазиатские языки, кетский и баскский. И в том, и в другом случае реконструируемые прасостояния уходят в эпоху верхнего палеолита и, следовательно, непосредственно затрагивают тему этногенетических стволов и крайне важны в оценке возможностей их исторического восстановления и взаимных связей. Ностратическая гипотеза рассматривается как одно-из самых замечательных достижений современного языкознания (см., например: Кондратов, Шеворошкин, 1970). Между тем такая оценка имеет расширительное значение — ведь гипотеза была впервые сформулирована в 1903 г. и если говорить о ее выдающейся роли в современном языкознании, то следует специально подчеркнуть, что речь идет о современном этапе в ее развитии. Пред-

на

ложил ее Г. Педерсен (1903), указавший на связь семитских, кавказских, некоторых

североазиатских и индоев-* ропейских языков. При этом, как и теперь это делается,-! сопоставлялись не прямые ныне зафиксированные звучания корней, а восстанавливались звуковые переходы с целью выявления дополнительных корневых соответствий уже на уровне реконструкции. Такое сближение не привлекло тогда внимания лингвистов и в целом осталось незамеченным, но отдельные корреспонденции между входящими в постулируемую общность языками выявлялись и другими специалистами: примером этому может служить известная статья Н. Я. Марра (1908) о родстве грузинского языка с семитическими. Повторное рождение яостратической гипотезы падает на 60-е годы, когда В. М. Иллич-Свнтыч сначала в ряде предварительных работ (1964, 1966, 1968), а затем и в обобщающем исследовании (1971) подвел итоги своим наблюдениям в области ностратических реконструкций. Параллельно с «ким над разработкой этой же проблематики трудился А. Б. Долгопольский (1964, 1965, 1970). Какова конкретная форма ностратической гипотезы, в которой она разрабатывается и фигурирует в литературе е настоящее время (Лингвистическая реконструкция..., 1984)? В рамках этой гипотезы постулируется древнейшее языковое родство, объединяющее семито-хамитские, картвельские, индоевропейские, дравидийские и урало-алтайские, то есть фкнно-угорские, самодийские, тюркские (критическую оценку возможности включения тюркских языков в ностратическую макросемью см.: Щербак, 1984) и монгольские языки. Совершенно естественно, что подобное родство может относиться лишь к глубокой древности и возводиться к верхнепалеолитической эпохе, -к позднему ее периоду в рамках примерно 10—15 тыс. лет. Такая датировка не то чтобы уязвима с той или иной точки зрения — она абсолютно бездоказательна и гипотетична, так как основания для нее не содержатся в самих языковых материалах, а опираются на интуитивную оценку скорости фонетических изменений во времени и более или менее правдоподобное соответствие такой -оценки представлениям о характере исторического процесса в первобытности. Но с исторической точки зрения может, а в связи с интересующей нас проблемой реального существования этногенетических стволов и должна -быть оценена реальная возможность, так сказать, историческая осуществимость генетической близости между носителями тех или иных перечисленных выше языковых семей.

Семито-хамитская семья или, как сейчас больше принято писать, семитская ветвь афразийских или афро-азиатских языков распространена в Северной Африке и на Аравийском полуострове. В. М. Иллич-Свнтыч сопроводил свое обобщающее исследование картографической иллюстрацией, на которой условно показал прародины* языковых семей примерно там, где и сейчас распространены соответствующие языковые семьи, ориентируясь на приблизительные центры их ареалов. Следуя этой логике, где можно представить себе ностратическую прародину? Примерно в центральной части ареалов ностратических языков, где эти ареалы ближе всего подходят друг к другу, то есть в южнорусских и зауральских степях, на Кавказе, в Средней и где-то в Передней Азии. Ареал семитских языков недалек от этой территории, поэтому их исход из этой территории не кажется невероятным. Как бы разнозначно ни решалась проблема прародины индоевропейцев, размещение ее в южнорусских степях или в Малой Азии, в сущности говоря, безразлично для нашей? темы: обе области попадают в географические границы-гипотетической прародины ностратических языков, и поэтому включение индоевропейских языков в их состав, может быть принято с географической точки зрения. Аналогичным образом дело обстоит с дравидийскими языками: отнесение эламского языка к дравидийским, расшифровка надписей на печатях Мохенджо-Даро с помощью дравидийского языка неопровержимо свидетельствуют о гораздо более северном и западном распространении дравидийских языков в древности и тесном соприкосновении их древнего ареала с предполагаемой исходной зоной формирования ностратических языков. Картвельские языки целиком входят в эту зону. Но... остаются уральские и алтайские языки, а также палеоазиатские, а частности юкагирский, который также рассматривается в-рамках этой суперсемьи. Географическое местоположение их ареалов и ландшафтные особенности зон их формирования требуют особого рассмотрения. Русские источники XVII—XVIII вв., а также наблюдения М. Кастрена показывают, что носители самодийских языков проживали в лесных районах Алтае-Саян-ского нагорья и что на самодийских языках какие-то группы говорили еще в XIX в. Многие археологи и историки

разделяют гипотезу финской и угорской прародины в степях Алтае-Саянского нагорья. Уверенность в этой гипотезе автоматически должна сочетаться с рядом дополнительных гипотез, которые пока не предложены, в первую очередь с попыткой объяснить, почему из угорских народов только предки венгров сохранили приверженность к степному ландшафту и почему все без исключения финноязычные народы занимают сейчас лесную полосу Европы. Что касается носителей самодийских языков, то их приуроченность и в древние эпохи, и сейчас к таежной зоне Сибири не вызывает никаких сомнений, подтверждаясь всей совокупностью находящихся в нашем распоряжении культурно-исторических данных. Это и далеко от предлагаемой прародины ностратических языков, и в ландшафтном отношении совершенно своеобразно. Необходимо предположить полную смену традиционного культурно-хозяйственного комплекса при смене аридного и полуаридного пустынно-степного и горного ландшафта на ландшафт и климатические условия континентальной тайги. Как ни изменчивы культурные элементы, как ни подвижна вся система адаптивных связей общества со средой, но предполагать полную и кардинальную их перестройку в ходе времени у нас нет оснований, никакие историко-этнологические наблюдения таких перестроек не подтверждают. Не вскрываются такие перестройки и историческим изучением традиционной культуры самодийских народов. Значительная часть ареала тюркских народов падает на Среднюю Азию, но появились они там сравнительно поздно, в эпоху средневековья. В Сибири их ареал охватывает преимущественно южные районы, где они освоили, правда, и тайгу, прародина их, как и монгольских народов, с которыми они часто объединяются в алтайскую суперсемью, находится, по общему мнению, в Центральной Азии, а конкретнее, где-то в пределах территории современной Монголии. В ландшафтном отношении эта территория сходна с переднеазиатской, но гораздо более сурова по климату и отделена от нее громадными горными поднятиями Внутренней Азии. Конкретная история народов Средней, Передней и Центральной Азии показывает, что эти поднятия проходимы для человека, но они на протяжении тысячелетий препятствовали массовым контактам, способствуя созданию своеобразных культурных зон на северо-востоке и юго-западе азиатского материка. Поэтому и в данном случае глубинные связи с предполагаемой ностратической прародиной хо-

119

тя и не могут быть исключены полностью, но маловероятны. Про тунгусо-маньчжурские народы можно сказать то же, что и про самодийские, но их прародина, будь она в таежных областях Сибири или на юге, в бассейне Амура, находилась еще дальше от границ ностратической прародины, гипотетически очерченных выше. И совсем уж невероятной кажется возможность увязать с ней предков юкагиров, полностью привязанных культурно к таежно-тундровому северо-востоку Азии, даже если допускать, как это делают сейчас очень многие исследователи, их гораздо более широкое расселение в древности, чем в современную эпоху.

Все сказанное, разумеется, — не лингвистические, а экстралингвистические соображения, но они оправданы этногенетической направленностью нашей работы, тогда как лингвистическая оценка ностратической гипотезы — сугубо лингвистическая проблема. В то же время сама гипотеза выходит далеко за рамки лингвистики, предполагая определенную реконструкцию древнейшей истории человечества, начиная с верхнепалеолитического времени. Рассмотрение ее с ареальной точки зрения показало, что принятие гипотезы ностратической общности сталкивает нас с рядом трудностей, которые не смущают ее сторонников, но которые кажутся либо совсем неразрешимыми в рамках этой гипотезы, либо разрешимыми лишь с большими натяжками и с помощью дополнительных гипотез, которые, в свою очередь, сами требуют доказательств. Рассмотрение ностратической гипотезы с антропологической точки зрения также не приводит к обнадеживающим результатам и ставит нас перед вопросами, на которые трудно найти логически удовлетворительные и фактически обоснованные ответы.

Семитские народы антропологически представляют собою типичных европеоидов в южном средиземноморском оформлении, то есть отличаются типично европеоидной комбинацией признаков, но сопровождаемой абсолютно темной пигментацией волос и глаз и довольно темной кожей. Антропологические комплексы, исследованные среди индоевропейцев, образуют все гаммы переходов между средиземноморской и северной ветвями европеоидной

расы. Носители картвельских языков — также в целом скорее южные европеоиды, но отличающиеся некоторой депигментацией, которую часть исследователей объясняет примесью северных элементов, а часть — местным стохастическим процессом, имевшим

- U7

место вследствие изоляции. Среди дравидов сильна при-| месь европеоидных средиземноморских элементов, но ос! нову их физической характеристики составляет негроид! ный, если понимать под негроидами всю темнопигментШ рованную расу, или австралоидный, если иметь в виду)! его конкретное происхождение, компонент. Часть тюрк-f ских народов — типичные европеоиды-средиземномор^ цы, но дальше мы вступаем в область МОНГОЛОИДОБ. Кир4 гизы и казахи, тюркские народы Алтая, Хакасии к Тувы^ монгольские народы, самодийские народы и юкагиры — все это носители монголоидного комплекса при-* знаков, представленного в разных территориальных ва-| риантах, но образующих классический монголоидны?' ареал в Азии, резко отличный от европеоидного.

Каково значение этих антропологических фактов ш генетическом отношении? Каждая из перечисленных вы-| ше комбинаций признаков имеет разное время формирования: в ряде случаев это может быть проиллюстрировано палеоантропологическими материалами, в других ситуациях устанавливается с помощью косвенных данных *it* соображений. Но так или иначе, на основании всей сово-? купности наших знаний, опирающихся на разнообразный! антропологический материал, можно сделать вывод, что! все перечисленные локальные сочетания признаков в пре-| делах и европеоидов, и монголоидов не только морфоло-f гически специфичны, но и генетически обусловлены: *ониц* имеют независимое происхождение, как правило, оформи-? ровались на той же территории, где мы обнаруживаем их| в настоящее время. Если они и связаны генетически друг;| с другом, то только в пределах европеоидного и монголе-! идного ареалов. Что же касается различий между евро-; пеоидами и монголоидами, то их истоки уходят в глубо-} кую древность, возможно, в нижний палеолит, и, чтобы! предполагать генетическое родство, географическую близость и контакты между предками юкагиров и, скажем,,-' дравидов, нужно полностью закрыть глаза не только наг указанные выше разные культурные особенности и зо-; нальные различия з обжитой территории, но и на антропологические различия. Правда, среди антропологов одно время бытовало мнение о формировании всех рас; после образования человека современного вида в Средиземноморье и Передней Азии, но теперь оно все больше и-: больше переходит в область истории.

В дополнение ко всем этим экстралингвистическим соображениям укажу еще на дискуссии вокруг всех фоно-

118 .

логических реконструкций даже в пределах отдельных замкнутых языковых семей, постоянно возникающие среди самих лингвистов, на тем большую спорность реконструкций прасостояний для совокупности семей, на никем не доказанную одинаковую динамику фонологических изменений на протяжении всей истории человечества. Все это вместе взятое демонстрирует высокую спорность ностратической гипотезы: нет, не может она быть надежной основой для реконструкции соответствующего этногенетического ствола и его проецирования в верхне-палеолитическую эпоху.

Однако ностратическая гипотеза не является сейчас •единственной гипотезой широкого и древнего генетического родства разных далеких одна от другой языковых •семей. С. А. Старостин (1982), рассматривая генеалогические связи кетского языка и его место в языковой системе, предложил гипотезу, которая не уступает ностратической ни в ареальном охвате, ни в числе сближаемых далеких языков. Автор гипотезы перечислил значительное число своих предшественников, взгляды которых отличаются, однако, рядом модификаций и которые называют выделяемую им суперсемью палеоевразийской. Старостин оставляет в стороне вопрос о возможном родстве лалеоевразийских языков с ностратическими, что также находит своих сторонников, и перечисляет вместе с кет-«ским северо-кавказские языки (объединяемые в генетически единую семью), сино-тибетские языки, бурушаски и баскский язык. Некоторые исследователи включают сюда отдельные так называемые палеоазиатские языки, в частности юкагирский, что указывает на таком хронологически глубоком уровне реконструкции на неотчетливость языковых критериев отделения ностратических языков от палеоевразийских. Но это мелочь, как и неспецифическое название самой суперсемьи: ведь ностратическая семья сама с известным основанием могла бы считаться и называться «палеоевразийской».

Нет нужды повторять все, в общем сказанное выше, о ностратической гипотезе и ее малой

разрешающей способности в этногенетическом исследовании и переносить это на гипотезу палеоевразийскую. Но использование этой гипотезы также осложняется рядом географических, исторических и антропологических особенностей при попытке использовать ее в качестве основы для реконструкции соответствующего этногенетического ствола. С учетом всего сказанного о ностратической общности рас-

• **<№**

смотрение этих особенностей может быть произведено с меньшей подробностью.

Баски и северокавказские народы — жители гор, как и буришки. Кеты населяют приенисейскую тайгу, побережье самого Енисея в его среднем и нижнем течении и его притоков. Громадный ареал народов, говорящих на сино-тибетских языках, не образует ландшафтно-географического единства. В пределах этого ареала сосредоточены огромные горные страны Тибета и Гималаев и обширные плоскости лессовой равнины Северного Китая. По отношению ко всему этому разнообразию трудно постулировать какую-либо исходную область, пусть с достаточно большой площадью, которая бы и топографически, и ландшафтно занимала срединное положение и могла рассматриваться в качестве исходной прародины для палеоевразийских народов и языков. Адаптация к столь значительно выраженному географическому разнообразию породила и обширный спектр хозяйственно-культурных укладов, сопровождающихся несходными бытовыми традициями. Переход от одного уклада к другому и от одной традиции к другой невероятен даже в единичном случае, так они различаются, а признание изначального этногенетического единства, скрывающегося за языковым, требует восстановления каких-то исходных промежуточных форм хозяйства и культуры, которые нигде не фиксируются археологически. Постулируемое лингвистами родство в данном случае, как бы далеко мы ни отодвигали его от современности, выглядит, следовательно, маловероятным с географической и исторической точек зрения. Не лучше оно выглядит и с антропологической точки зрения. Результаты антропологического обследования кетов, полученные бригадой антропологов под руководством И. И. Гохмана и опубликованные в том же сборнике, что и разбираемая статья С. А. Старостина, недвусмысленно свидетельствуют о родстве кетов не с китайцами или тибетцами, а с соседями кетов — окружающими их народами, говорящими на самодийских языках. Различия малозаметны и во всяком случае не настолько масштабны, чтобы их можно было считать имеющими какое-то генетическое значение. Все же речь идет в данном случае о двух локальных образованиях внутри азиатских монголоидов. Но все остальные народы, которые, казалось бы, могут рассматриваться в качестве палеоевразийских, относятся уже к европеоидам, также представляя внутри них генетически достаточно независимые локальные ва-

120 •

• рианты. Чтобы принять палеоевразийскую гипотезу, нужно^f но опять предполагать переход части говорящих на этих 1-языках народов на инородную речь на каком-то отрезке их истории, нужно искать и найти субстратные явления, — одним словом, необходимы и в этом случае дополнительные данные, без которых сама гипотеза остается недоста-[точной в своих интерпретационных возможностях. Палео-евразийский этногенетический ствол пока не может быть : выделен на основании этой гипотезы, как реально когда-то существовавший.

Два разных примера показывают, что лингвистиче-[чжие данные недостаточно надежны, чтобы на основании [их выделять этногенетические стволы. К сожалению, это •следует повторить и про историко-этнологический материал. Неоднократно отмеченное выше культурное разнообразие, быстрое изменение культурных элементов во времени, очень значительная адаптивно-природная компонента в каждой культуре, отсутствие хронологически достаточно длинных культурных рядов, то есть культурной преемственности, которую можно было бы проследить не по отдельным элементам, а по их совокупности, по культурному комплексу в целом, — все это сильно [ограничивает значение этнографического материала как этнографического источника при попытках реконструк-; ции глубинных генеалогических связей, стертых тысяче-'летиями. По отношению к археологическому материалу •остается справедливым все то, что только что было сказано о материале этнографическом. В общем историко-культурная информация, по-видимому, может быть использована лишь в единичных случаях.

Какова разрешающая сила антропологических материалов в этом конкретном случае?

Рассмотренная выше степень их генетической детерминации и возможность перейти от антропологического исследования к палеоантро-: пологическому делают их во многом уникальными. В тех [случаях, когда палеоантропологических материалов не хватает для полноценных суждений, сама морфологиче-гская и генетическая близость и оценка ее степени

дает основание для перехода от синхронии к диахронии, от сходства к генеалогии. Чем таксономически важнее тарное сходство, то есть чем более глубокий хронологический уровень формирования оно отражает, тем более занный этап образования этногенетической близости может быть с помощью этого сходства реконструирован. Отсюда очевиден путь к восстановлению этногенетических

121

стволов, тем более что на самых ранних стадиях исторического развития человечества зависимость его от среды, от обживаемой территории была значительно больше, чем теперь, а численность коллективов по сравнению с современной исчезающе малой. Вызванная этими двумя факторами приуроченность к территории обуславливала локальную сопряженность языковой, культурной и антропологической дифференциации, которая была в дальнейшем утеряна в силу неодинаковых темпов изменений языковых явлений, культурных характеристик и антропологических особенностей (Алексеев, 1982 а). В следующей главе эта проблема будет рассмотрена подробно.

Вопрос о единстве основных обычно выделяемых расовых стволов человечества — монголоидов, европеоидов и негроидов не решается однозначно. Он породил большую дискуссию, особенно в части, касающейся проблемы генезиса антропологических типов тропической зоны (обзор: Schwidetzky, 1974). Так или иначе, если даже основные стволы едины по своему происхождению (а некоторые антропологи, в том числе и автор, объединяют их еще в разных комбинациях между собой), то происхождение это отодвигается в такую далекую древность, что о возможностях прежнего существования соответствующих им этногенетических общностей такого хронологического уровня и такого ареального и таксономического объема можно, вероятно, даже нужно постоянно помнить, но реконструкция их в сколько-нибудь объективной форме — дело абсолютно невозможное. Мы только что убедились в том, какое количество вопросов, неизбежных с исторической точки зрения, вызывают вес попытку восстановить древнейшие языки, на которых говорили люди верхнепалеолитической эпохи, не говоря уже о более древних. Не лучше обстоит дело и с их культурной характеристикой — остатки материальной культуры палеолитического времени как будто обнаруживают какую-то специфику по материкам, но и вокруг нее, кажущаяся она или действительная, ведутся горячие споры, которым не видно конца. Поэтому, если говорить о реконструкциях древнейших этногенетических стволов с помощью антропологических данных, то нужно опираться на более локальные расовые общности, по отношению к которым заведомо высока вероятность их генетического единства. В советской антропологической литературе такие общности долго называли малыми расами, иногда называют

122

так и сейчас, американские антропологи называют их географическими расами.

Если при описании этногенетических стволов использовать географическую карту, то следует начать с американского материка. Некоторые авторы выделяют на территории обеих Америк три расовые общности — южноамериканскую, среднеамериканскую и североамериканскую, но большинство согласны в том, что две первые имеют значительное число общих морфологических черт, противопоставляются третьей и должны быть поэтому объединены в одну центрально-южноамериканскую. В соответствии с этим в Америке могут быть выделены два этногенетических ствола — североамериканский и южноамериканский, охватывающий народы Центральной Америки и Мексики. Прежняя граница между ними проходила где-то по территории нынешней Мексики.

В одной из статей Н. Н. Чебоксарова (1949) в тезисной форме без какой-либо аргументации была высказана мысль о древнем распаде азиатских прамонголоидов на две ветви — континентальных монголоидов и тихоокеанских. Эта красивая идея очень понравилась, и многие известные антропологи неоднократно высказывались в ее поддержку, по-прежнему, однако, не приводя в ее пользу каких-либо аргументов. Не составляет исключения и последняя книга Чебоксарова (1982), в которой идея преподносится уже в канонизированной форме и фактический материал организован таким образом, как если бы выделение тихоокеанской и континентальной ветвей было строго доказанным историко-антропологическим фактом. Между тем предполагаемых носителей тихоокеанского и континентального комплексов признаков связывает цепочка переходных форм, географические границы между ними весьма условны, палеоантропологически это древнейшее дихотомическое деление азиатских монголоидов никак не зафиксировано. Более очевидны морфологические и географические основания в пользу объединения популяций Северной и Центральной Азии и выделения ветви северных монголоидов, которая довольно рано начала дифференцироваться, но которая тем не менее сохраняет морфологические и генетические

следы былого единства входящих в нее компонентов. Большая историко-этнологическая информация подтверждает это бывшее единство. Поэтому наличие североазиатского ствола локального этногенеза представляется в высокой степени вероятным, а истоки

123

его хронологически уходят за рамки неолита, в мезолитическое и верхнепалеолитическое время. Оставляя в стороне Восточную Азию для специального рассмотрения в следующем разделе, нельзя не отметить подобного единства антропологического состава для Юго-Восточной-Азии, островов Индонезии, Филиппинских островов, Микронезии и Полинезии. Здесь тоже вскрываемое антропологическим исследованием морфологическое сходство современного населения в географических пределах громадной территории и, очевидно, общий его генезис находит дополнительные аргументы и в археологических, и в этнографических данных о путях заселения островов, направлении и характере древних миграций. Этот этногенетический ствол можно назвать азиатско-океанийским. Наконец, морфологическое сходство папуасов и меланезийцев настолько выделяет их из всех остальных популяций Тихоокеанского бассейна в его южной части, что их общий генезис, а следовательно, и существование особого этногенетического ствола здесь, который можно назвать островным океанийским, представляется несомненным.

Южные районы Средней Азии и Кавказ, Передняя и Малая Азия, южные районы Европы, Аравийский полуостров и Северная Африка заселены популяциями, которые, демонстрируя значительные территориальные вариации в своих антропологических особенностях, объединяются по традиции в южную, или средиземноморскую, ветвь европеоидной расы. Традиция эта вполне оправдана не только морфологически, но и генетически, находит подтверждение в результатах палеоантропологических исследований и отражает объективную расовую реальность.

Происхождение населения этой обширной зоны от общих предков без перерыва в последовательности поколений дает возможность выявить еще один этногенетический ствол и назвать его средиземноморским. Ему противостоит в Европе ствол, который включает все народы, относящиеся к балтийской, или северной, ветви европеоидной расы. Его можно назвать северным, или балтийским. М. Г. Абдушелишвили (1969) высказал вполне справедливую мысль, что средиземноморская ветвь европеоидов должна представлять собою древнейшую формуацию европеоидной расы. С этой точки зрения северный, ствол этногенеза является дочерним по отношению к средиземноморскому. Однако подобные соображения об иерархии стволов уводят нас в такую глубокую древность

124

• этногенеза, для полноценного суждения о которой в нашем распоряжении практически нет данных. Наконец, все население Африки южнее Сахары также обнаруживает определенное расовое единство, что позволяет считать реальностью африканский этногенетический ствол. Открываемые антропологическим анализом крупные расовые общности, имеющие единое происхождение и в ряде случаев документированные палеоантропологически, позволяют восстанавливать древнейшие очаги этногенеза и породившие их этногенетические стволы. Но нужно помнить об условности этой реконструкции. Все сказанное ранее о специфике этногенеза и восстановлении его этапов с помощью разных данных показывает известную уникальность антропологических материалов при попытке заглянуть в самые глубины этногенетических ситуаций в предшествующие эпохи. Эта уникальность предопределяется наличием палеоантропологических данных, их неограниченно древним хронологическим возрастом, уходящим ко времени формирования семейства гоминид, и возможностью с их помощью сравнивать древнее и современное население по физическим признакам. Но налицо и ограниченность, происходящая из-за того, что сложный процесс этногенеза, как мы пытались, аргументировать, многокомпонентен, и происхождение от определенного ряда поколений физических предков составляет лишь одну из компонент этого процесса. Поэтому по мере расширения возможностей реконструкции древнейших периодов этногенеза с помощью диахронного анализа историко-этнологических материалов и уточнения способов реконструкции языковых состояний не только границы и объем выделенных нами этногенетических стволов могут уточняться, но и число стволов может измениться. Поэтому все сказанное о них носит характер самого предварительного поиска.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ КУСТЫ

Выше при рассмотрении проблемы типологии этногенетических пучков были приведены имеющиеся данные о характере этногенетического процесса на территории Австралии. Именно эти данные и послужили иллюстрацией к тому типу этногенеза, который мы назвали кустообразным и противопоставили его вышеописанной форме этногенеза, развивавшегося по типу

иерархической структуры и имевшего своим результатом образование этноге-нетических общностей, организованных по типу родослов-

125

«ого древа. Основное об австралийском этногенетическом «пучке уже было сказано, здесь нет надобности повторяться или приводить дополнительную характеристику, австралийский куст нужно считать таким же самостоятельным и реально существующим, как и все остальные, перечисленные ниже. Он не включен в нижеследующий обзор только потому, что нет нужды повторять уже приведенные факты и соображения.

Ла-Платско-андийский куст. В ландшафтно-географическом отношении этот регион неоднороден, имея на западе высокогорные цепи Анд, а на востоке образуя сухое плато с выходами коренных базальтовых пород. В соответствии с этим и его исходное хозяйственное лицо многолико — мелкие очаги земледелия и скотоводства, охота с использованием лошади. Отрывочные антропологические данные о населении этого района не дают возможности составить его сколько-нибудь полную антропологическую характеристику. Представители отдельных племен были похожи как-будто на жителей Патагонии. Но основную специфику этому кусту придает характер языковой ситуации, она же оправдывает в первую очередь и его выделение. Здесь зафиксировано несколько десятков языков и языковых групп, не обнаруживающих какого-либо сходства друг с другом. Многие из этих языков известны плохо, но некоторые описаны достаточно полно, и они все равно остаются изолированными. Внди-эдо, в ареале этого куста на протяжении длительного времени действовало значительное число барьеров социального характера (никаких особо значительных географических рубежей эта область не имеет по сравнению с другими в Южной Америке), они и привели к фундаментальной языковой дифференциации и образованию изолированных языков, не обнаруживающих видимых корреспонденции друг с другом. Кустовой тип этногенеза при этом очевиден.

Восточноамазонский куст. До недавнего времени течение Амазонки представляло собою почти недоступный район с густым тропическим лесом. По течению самой Амазонки и ее притоков проживали многие племена, занимавшиеся примитивным земледелием и охотой. Антропологически они близки и образуют какой-то местный! вариант в составе южноамериканской, или центрально-южноамериканской, расы. Но, будучи близкими антропологически, они заметно различаются в языковом отношении, говорят на изолированных языках и не понимают,

126

друга. Многие из этих племен довольно полно описаны в этнографическом и лингвистическом отношении, но и эти описания не помогают составить их удовлетворительную классификацию и выявить определенные генеалогические взаимоотношения между ними. Весьма вероятно, что племенная эндогамия на протяжении многих поколений могла иметь своим результатом такую дифференциацию кустового характера, особенно, если она сопровождалась линейным расселением вдоль речных русел. Совершенно естественно, что мы при отсутствии археологических данных, как и в предыдущем случае, не располагаем никакой информацией о времени формирования этого куста, да и вообще о древности заселения занимаемой им территории человеком.

Восточноазиатский куст. Громадный ареал китайского народа и вообще народов, говорящих на языках сино-тибетской семьи, по площади близок к ареалу русского-народа и имеет во многом близкие с ним этногенетические характеристики. Это тоже типичный пример кустового этногенеза, при котором этногенетический процесс был территориально разобщен на независимые локусы, связь между которыми целиком была функцией расстояния между ними. Антропологические вариации, не группирующиеся в отдельные типологические общности, территориально организованные, позволили Н. Н. Чебоксарову (1970) высказать мысль о проявлении, как он писал, антропологической непрерывности на территории Восточной Азии еще при формировании ее антропологического-состава и о сохранении следов этого явления в современном населении. Это явление было названо мною модусом локальной изменчивости и в качестве наиболее яркого-примера его я приводил антропологический состав Восточной Европы (Алексеев, 1967). Но и Восточная Азия может служить не менее ярким примером. Наличие диалектов внутри китайского языка общеизвестно, число их огромно, различия между ними велики и понимание между их носителями затруднено. Хотя диалекты подразделяются многими лингвистами на северные и южные, но законченной их классификации не существует, ситуация первобытной лингвистической непрерывности более чем вероятна. Культурные различия велики между населением отдельных районов, но не противопоставляют запад востоку или юг

северу в целом и в достаточно отчетливой форме. В общем кажется весьма похожим, что этническая общность в данном случае сформировалась

127'

•на базе огромного локального своеобразия, следы которого параллельно сохранялись на протяжении истории и сохранились до наших дней.

Североиндийский куст. Выше уже упоминалось о дравидийском субстрате, выявленном лингвистическими исследованиями в составе индоарийских языков. Бесспорные исторические свидетельства о сравнительно позднем распространении арийцев в Индии в сопоставлении с этими лингвистическими наблюдениями позволяли бы найти общее в этой поздней волне заселения Северной Индии с какой-нибудь из европейских ветвей, но этому препятствуют самостоятельность индоарийских языков и сам характер этногенетического процесса, хотя и восстанавливаемый не без труда, но все же достаточно своеобразный. Однако дифференциация языков внутри семьи невелика, граничные участки не имеют отчетливых очертаний, в составе каждого из языков выделяется много локальных диалектов. В культурном отношении этот грандиозный индоарийский мир отличается определенным единством, но внутри этого единства заключено и значительное разнообразие. Многочисленные народы демонстрируют свойственную им культурную специфику, •естественно, в географических рамках довольно обширных ареалов, но очень большое число племен, этнокастовых групп и мелких народов не менее специфичны в культурном отношении. Все это создает сложную мозаику культурных элементов без определенно выраженной территориальной типологии, близкой к диффузии лингвистических ареалов. То же можно повторить и про вариации антропологических признаков, хотя они отчетливо комбинируются не горизонтально географически, а вертикально социокультурно. Речь идет об общеизвестном различии между высокими кастами и низкими в выраженности европеоидного (предположительно пришлые арии, образовавшие высокие касты) и австралоидного (предположительно местное дравидийское население, образовавшее низкие касты) признаков. Но эта социальная стратификация не связана зависимостью от географических факторов, локальная неопределенность антропологических вариаций, не организованных типологически, остаются. Таким образом, кустовой характер этногенеза в данном случае весьма вероятен.

Восточноевропейский куст. Ранее при выделении очагов этногенеза автор рассматривал эту общность как самостоятельную, в качестве пучка (Алексеев, 1979). Все

328

это было совершенно справедливо, если опираться на географические границы соответствующего очага этногенеза, но, пожалуй, недостаточно, если принять во внимание характер самого этногенетического процесса на территории восточноевропейской равнины. Споры о самостоятельности, времени формирования восточноевропейского этногенетического ствола, а следовательно, и очага носили довольно острый характер. Некоторые ученые датировали его эпохой неолита, другие — эпохой средневековья и даже позднего средневековья.

Лингвистические, культурно-исторические и антропологические данные свидетельствуют в этом случае в пользу исключительного локального разнообразия местных процессов этногенеза.

Выявляя относительное единство антропологических особенностей в целом для населения восточноевропейской равнины, антропологическое исследование в то же время дает представление о диффузном распределении вариаций отдельных антропологических признаков, без группировки в какие-либо четкие территориальные комплексы. Выделяемые некоторыми специалистами территориальные комплексы близко сходны морфологически, отмечена и их значительная генетическая близость. В культурном отношении весь огромный ареал Восточной Европы, конечно, не отличается единством, демонстрируя определенное локальное своеобразие в первую очередь на юге и на севере. Но переходы между населением отдельных районов и в культурном отношении так же неопределенны, как и в антропологическом. Археологические материалы и исторические свидетельства показывают значительную этническую чересполосицу в формировании пограничных этнических ареалов, наличие субстратных и адстратных явлений в культуре, языке и антропологическом типе в областях контактов восточнославянского, летто-литовского и восточнофинского населения. Наконец, при очевидной языковой самостоятельности трех восточнославянских народов, латышей и литовцев, исходная общность славянских и летто-литовских языков сейчас аргументируется во всех лингвистических работах; она была многократно усилена последующими историческими контактами между этими народами. Все описанные в этой главе этногенетические ветви и кусты нанесены на карту со своими в ряде

случаев намеченными условно ареалами, чтобы дать представление о результатах этногенетического процесса в пределах близкой к современности эйкумены.

5—1143

ГЛАВА 4

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЭТНОГЕНЕЗА

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАС

Антропологией накоплено достаточно большое число наблюдений, опираясь на которые удастся построить в общих чертах объективную расовую классификацию, отражающую многообразие локальных морфологических комплексов, уровень их сходства и степени различия.

Существующее большое количество разнообразных классификаций свидетельствует о незаконченности работы по описанию расовых типов современного человечества, но сами классификации различаются больше терминологически, чем по существу, больше по характеру группировки локальных комплексов, чем по числу их самих и их морфологической характеристике в рамках той или иной классификации. В качестве примера можно сравнить классификационные схемы, предложенные специалистами разных стран: хотя они и разработаны на основе различных методологических и методических принципов и при использовании разных по происхождению материалов, но внешне они не различаются фундаментально и схожи в том, что их авторы выделяют приблизительно от 30 до 45 фенотипически четко отделяющихся один от другого и географически приуроченных морфологических комплексов. Их называют локальными расами, малыми расами, локальными типами, группами популяций, но в любом случае речь идет об основных фенотипических образованиях при классификации современного человечества по физическим признакам.

Вопрос об их группировке в более крупные общности сложен и не получил однозначного решения. Можно считать, что большие и малые, как их часто называют советские специалисты, или географические, как их называют в американской литературе, расы имеют общее происхождение (речь идет, разумеется, об общем происхождении в пределах рода *Homo*). Можно предполагать, что сходство в пигментации, некоторых вариациях строения лица, развитии волосяного покрова вуалирует значительное генетическое разнообразие, является вторичным и приспособительным — в обоих случаях в пользу той или иной точки зрения имеются достаточно веские аргументы. Поэтому путь к решению проблемы состоит, видимо, не в исчерпавших себя по существу теоретических спорах, а в

130

дальнейшем накоплении экспериментальных данных и наблюдений над географической изменчивостью популяционно варьирующих признаков. Важна и более глубокая разработка вопроса о связи между ними в пространстве и во времени. Все же есть некоторое количество наблюдений, которые выглядят бесспорными и на которые и будет обращено наибольшее внимание в настоящей главе.

Известно, что все темнокожие популяции, живущие южнее Сахары, — одновременно прогнатны и широконосы; исключений нет, хотя к настоящему времени изучено несколько сот популяций.

Чтобы перейти от данных по современному населению к палеоантропологии, необходимо промежуточное звено — краниологические материалы по современному или близкому к современности населению. Сочетание широконосости с общим прогнатизмом подтверждается краниологически в составе темнокожего населения Африки: примерно из полутора десятков хронологически близких к современности краниологических серий, достаточно равномерно распространенных по африканской территории, нет ни одной, которая не характеризовалась бы большой шириной грушевидного отверстия, очень большой величиной носового указателя и малой величиной угла общего лицевого профиля к горизонтали.

Известная находка в Фиш Хоке — единственный череп с территории Африки с хорошо сохранившимся лицевым скелетом — имеет хронологический возраст больше 30 000 лет до н. э. (Protsch, 1974). Ему в высокой степени свойственны и широконосость, и прогнатизм. Можно ли на основании этой находки предполагать, что характерные для негроидов Африки широконосость и прогнатизм сформировались в раннюю эпоху верхнего палеолита? Очевидно, можно.

Австралийцы и темнокожее население Океании — меланезийцы и папуасы — отличаются теми же особенностями. Следовательно, формирование негроидного комплекса признаков в целом, вероятно, хронологически датируется началом верхнего палеолита. Малочисленность, морфологическое своеобразие и состояние сохранности черепов африканских неандертальцев не дают возможности детализировать этот вывод.

Светлокожее население Европы, Кавказа, частично Передней Азии и Северной Африки и

соматически, и краниологически характеризуется ортогнатным строением лица, острым профилем его в горизонтальной плоскости,

5*

131

сильным развитием носовой области. Последняя морфологическая особенность была, по общему мнению, типична и для европейских неандертальцев и истолковывалась даже как морфологическое образование, свидетельствующее в пользу гипотезы генетической преемственности неандертальцев и верхнепалеолитических людей Европы. Метрическая информация подтверждает, что подобное суждение преувеличено и что в действительности в тех случаях, когда у европейских неандертальцев могла быть реконструирована носовая область, выступание носовых костей у них было средним или слабым, и по этому признаку они сближаются скорее с монголоидами. Строение лицевого скелета в горизонтальной плоскости резко различается у неандертальцев и верхнепалеолитических людей Европы: неандертальцы имели лицо, исключительно сильно профилированное в нижней части и по вариациям отражающего эту специфику зигмаксиллярного угла выходили за пределы вариаций современного вида (Але-хеев, 1979). В то же время ортогнатный лицевой скелет сформировался еще в эпоху среднего палеолита и был одинаково типичен и для неандертальцев, и для европеоидов современного вида.

Однако прямолинейному истолкованию этой последней особенности мешает то обстоятельство, что орто-гнатное строение лица имеют кроме европеоидов монголоиды. В пределах монголоидного ареала, следовательно, она может быть истолкована как типично монголоидная, в пределах европеоидного — как типично европеоидная. Это означает, что в данном случае мы можем предполагать консервацию в пределах европеоидного и монголоидного ареалов какой-то особенности, выявившейся на ранних этапах антропогенеза. Позже динамика расо-образования на западе и на востоке Евразии пошла разными путями, и в Европе в эпоху верхнего палеолита сформировались остро профилированное лицо и сильно выступающий нос. Нужно отметить, что характерные для современных европеоидов пропорции лицевого скелета образовались еще позже — в эпохи мезолита и неолита, о чем справедливо, начиная с 1950 г., писал В. В. Бунак (1980). К этому же времени относится, по-видимому, усиление выступления носовой области и горизонтального профиля по сравнению с первоначальными вариациями у верхнепалеолитических популяций. Следовательно, можно предполагать, что образование европеоидной расы прошло через ряд этапов: сохранение одной протоморф-

132

ной особенности — первый этап, формирование типичных диагностирующих признаков — второй этап, усиление их развития — третий этап.

Переходя к монголоидному ареалу, мы прежде всего ограничены, как и в Африке, отсутствием объективных данных о лицевом скелете ископаемых гоминид: существующие представления о строении лицевого скелета синантропа базируются на результатах достаточно удачной, но все же реконструктивной работы. Эта реконструкция и общие соображения свидетельствуют, очевидно, о том, что он был ортогнатен. Эту особенность можно было бы вообще-не считать расовой особенностью европеоидов и монголоидов, так как они по ней не различаются, но именно по ортогнатности они противопоставляются темнокожим вариантам. Кроме ортогнатного лицевого профиля по отношению к эпохе нижнего палеолита мы можем говорить о проявлении еще одной морфологической особенности, свойственной современным монголоидам, — лопатообразной форме лингвальной поверхности резцов. Она широко представлена и у других ископаемых форм и на этом основании была сделана попытка оспорить ее значение как диагностического признака именно монголоидной расы. Дальнейшая работа показала, однако, что такая форма лингвальной поверхности резцов типична именно для подавляющего числа монголоидов, исключение, правда, составляют представители байкальского локального типа среди сибирских монголоидов. По-видимому/ этот признак также можно рассматривать как архаичный и сохранившийся затем в пределах монголоидного ареала на фойе неоднократно отмеченных диа-хронных изменений в вариациях некоторых других одонтологических признаков.

Современные азиатские монголоиды, помимо ряда соматологических особенностей, которые не могут быть фиксированы краниологически и поэтому бесполезны, отличаются противоположным европеоидному сочетанием признаков — значительным уплощением лицевого скелета при малом выступании лицевых костей. Находящиеся в нашем распоряжении данные о вариациях назомаллярного угла (а только его в отдельных случаях и можно определить при отсутствии лицевого скелета) не вполне однозначны: назомаллярный угол ланьяньского гоминида огромен, на черепях

синантропов и нгандонских гоминид он средний. На черепах из Верхней пещеры Чжоукоудянь
133

(верхний палеолит) величина этого угла средняя на двух черепах и большая на третьем черепе. Можно все же предполагать на основании столь неполных и даже противоречивых данных, что некоторая тенденция к уплощенности горизонтального профиля лицевого скелета в Восточной Азии начала себя проявлять в нижнем палеолите. На одном из черепов синантропа переносье уплощено в достаточной степени, на верхнепалеолитических черепах с территории Китая носовые кости выступают средне, фрагмент со стоянки Афонтова гора под Красноярском также характеризуется плоским переносьем. Видимо, тенденция к уплощению носа возникла приблизительно в ту же эпоху. Но признаки, выраженные в полном объеме, мы наблюдаем только в сериях, относящихся к постверхнепалеолитическому времени. Таким образом, и в ходе формирования монголоидов мы имеем возможность фиксировать ту же закономерность — не одномоментное даже в широком смысле слова, а постепенное образование и развитие типичных для монголоидов признаков: первый этап — сохранение ортогнатности и, возможно, лопатообразности резцов как древних особенностей, второй этап — тенденция к уплощенности горизонтального профиля лица и носа, третий этап — формирование типично монголоидного комплекса признаков.

Все сказанное демонстрирует нам неправомерность вопроса о времени появления человеческих рас: формирование рас — длительный процесс. В этом процессе могут быть выделены отдельные стадии, безусловно доказанные палеоантропологическими материалами, относящимися к европеоидам и монголоидам. Была ли эта стадийность раннего расообразования всеобщей — покажут лишь дальнейшие поиски останков гоминид разных эпох на территории Африки.

НАЧАЛО ЭТНОГЕНЕЗА

Теоретическая постановка многих проблем этногенеза осуществлена с большой глубиной, но длительность этногенеза как явления осталась за пределами такой постановки, хотя интуитивно сознавалась и сознается всеми работающими в этой области. Это означает, что при анализе конкретных этногенезов время формирования отдельных народов осознается как некая длительность во времени, но все же стремление найти «точку

134

отсчета» остается непреодоленным и до нее накопление отдельных этнических признаков оценивается в рамках становления отдельного народа, а после нее — как развитие уже сложившегося народа. Между тем очевидно, что такое сложное историческое явление, как становление народа, само по себе представляет сложный исторический процесс, и поэтому говорить о «точке отсчета» в достаточной мере бесперспективно — ее нет и она лишь искусственно вводится нами в материал.

При рассмотрении этногенеза древних греков и древних китайцев М. В. Крюков (1976) убедительно показал, анализируя свидетельства письменных источников, что от возникновения первых признаков, составляющих затем специфику культуры народа, до оформления его самосознания и появления самоназвания проходит длительный промежуток времени. В действительности, в обоих случаях он был, видимо, еще больше, так как те или иные явления в источниках зафиксированы, очевидно, позже, чем они появились в реальной жизни. От конкретных наблюдений был сделан переход к теоретическому осмыслению и сформулирован вывод о длительности этногенеза и хронологической сегментации этно-генетического процесса. Мне кажется убедительным соображение, что народом может называться какая-то общность людей лишь при наличии самосознания и общего имени. Однако совершенно бесспорно, что какое-то общее племенное или родовое имя, а значит, и самосознание как выражение противопоставления своих чужим есть в каждом первобытном коллективе: все те знания, которыми мы располагаем об аборигенном населении Австралии и Новой Гвинеи, эскимосах, народах Сибири к приходу русских, народах Африки и Америки до европейской колонизации, убеждают нас в этом. Поэтому сведение доказательств реального существования народа к самосознанию и имени хотя и правильно по существу как выражение глубоких интегративных процессов в культуре и языке, но, очевидно, недостаточно. Территория, численность, экономика образуют комбинацию объективных материальных факторов помимо сферы сознания, без которых существование народа невозможно.

Как совместить наличие самосознания и общего имени на стадии родового строя с ролью объективных материальных факторов этнообразования, действующих только в более поздние эпохи? Выход из этого противоречия

135

только один — рассматривать малочисленные эндогамные образования первобытности как выражение первых стадий этнообразования, т. е. как этнические по существу общности, занимающие в исторической картине первобытного общества такое же место, какое крупные народы занимают в классовом обществе. Модель образования самоназвания в первом случае достаточно примитивная и выражает самую раннюю ступень формирования этнической психики — в виде самоназвания часто фигурируют такие элементы, как личное местоимение первого лица во множественном числе, существительное «люди» и т. п.

Но простота такой модели образования этнического имени не может помешать всем этим выражениям служить в качестве подлинных самоназваний. Лежащее в основе этих самоназваний осознание своего своеобразия по сравнению в первую очередь с соседями также перерастает затем в осознание своего своеобразия по сравнению и с другими несоседними группами, т. е. образует первый этап формирования этнической психологии в целом.

В осознании различия между своими и чужими не последнюю роль играют, конечно, культурные особенности. Очень важная для осознания ранней культурной дифференциации эйкумены работа Х. Мовиуса (1944) впервые поставила на твердую базу эмпирического анализа и теоретических разработок вопрос о культурных различиях отдельных районов южной части Евразии в эпоху нижнего палеолита. С тех пор количество фактов возросло в несколько раз и возможность противопоставления западной части эйкумены восточной, пожалуй, стала менее определенной. Можно даже скептически относиться к тому, что археологические культуры существовали не только в эпоху нижнего, но и среднего палеолита, однако своеобразие отдельных памятников, даже близко расположенных в пространстве один к другому, остается бесспорным и получило многосторонние подтверждения. Скептики, отрицающие раннее оформление археологических культур, видят в этом своеобразии проявление тех или иных технических навыков обработки кремня, случайно приобретающих преобладающее значение в тех или иных условиях. Но разве этого недостаточно для культурного отделения одной группы древних людей от другой? И разве этого недостаточно, чтобы предполагать, что эти группы осознавали свое своеобразие в сфере технологии и, может быть, даже про-

136

тивопоставляли себя друг другу? А допуская осознание культурных различий и противопоставление носителей разных культурных традиций, мы должны прийти к выводу, что зарождение начальных форм этнообразования падает еще на эпоху нижнего палеолита.

ИСХОДНАЯ МОДЕЛЬ РАСООБРАЗОВАНИЯ

Как представить себе исходное состояние расообразовательного процесса? Происходило ли расообразование в замкнутых популяциях, характеризуясь с самого начала популяционной спецификой и выражаясь в ней, или охватывало большие географические области и сразу же приводило если не к формированию морфологически однородных комплексов, то к появлению однородных вариаций отдельных признаков? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо сформулировать несколько теоретических предпосылок.

Современная теория антропологии не дает нам готового ответа на вопрос, какова стабильность или, наоборот, подвижность антропологических признаков и какие факторы управляют их изменчивостью. Широко распространено мнение, что структурные элементы сильно зависят от воздействия среды, лишь частично подчиняются генетическому контролю и поэтому очень лабильны и не годятся для перехода от фенетического уровня исследования к генетической, а значит, и исторической реконструкции. Такой подход явно недооценивает легко эмпирически устанавливаемый факт длительности существования отдельных расовых комплексов во времени и не менее общеизвестное антропологам-морфологам палеоантропологически несколько раз доказанное явление антропологической стабильности населения¹ тех или иных территорий на протяжении тысячелетий. В то же время работа с генетическими маркерами малоперспективна, так как их определение на костном материале древних эпох пока не дало больших результатов, а генетический контроль с помощью нескольких генов автоматически приводит к быстрым сдвигам в фенетических вариациях. Однако безусловно, что знание законов наследственной передачи признаков в этом случае составляет бесспорное преимущество генетико-антропологических исследований по сравнению с морфо-антропологическими.

137

Исходя из всего сказанного, мы можем сформулировать наш подход к интересующей нас проблеме следующим образом: а) морфологические признаки (антропометрия и антропоскопия) более стабильны в групповом выражении, чем генетические маркеры, хотя и зависимы от воздействия среды; б) будучи гораздо более независимыми от влияния географической среды,

генетические маркеры подвержены резким изменениям даже при переходе от одного поколения к другому в силу зависимости от генетической структуры популяции и колебания демографических факторов; в) групповая дифференциация в морфологических комплексах отражает хронологически более глубокие этапы предшествующего развития, чем дифференциация в комбинациях генетических маркеров; г) групповые вариации и морфологических признаков, и генетических маркеров имеют генетическое значение только при оценке их на уровне сочетаний или комбинаций отдельных особенностей; фенетические комплексы генетических маркеров требуют для своего объективного выявления значительно большего числа независимых признаков (или данных об определяющих их генных частотах), чем морфологические комплексы.

Малочисленность исходных групп ископаемых гоминид не может сейчас вызывать сомнений, будучи подтверждена многими и независимыми друг от друга наблюдениями: небольшим числом локальных сообществ человекообразных обезьян, археологически засвидетельствованной малой площадью древнейших стоянок, наконец, расчетами, опирающимися на ограниченность пищевых ресурсов и слабую техническую оснащенность первобытного человечества, из которой автоматически вытекает малая эффективность собирательства, и особенно охоты. В то же время овладение навыками обработки камня и, вероятно, использование деревянных орудий, а главное — переход от спорадического использования орудий к постоянному не могли не приводить в ряде случаев к усилению межгрупповых конфликтов при подавлении внутригрупповых, грозивших самому существованию группы. Надо думать, что такая ситуация сама по себе объективно приводила к психологическому сплочению группы, способствуя формированию этнического фактора в осознании различий между своими и чужими.

138

Из сказанного вытекает, что не только малочисленность групп, но и их известная замкнутость, закрытость для внешних культурных влияний и проникновения чужаков составляли, по-видимому, фундаментальные демографические характеристики исходного состояния первобытного человечества.

Третьей характеристикой была, очевидно, их относительная оседлость. Археологические данные доставляют много фактов, рисующих картину жизни долговременных стойбищ и сравнительно длительного использования хозяйственных территорий с определенным характером ландшафта. Вся находящаяся в нашем распоряжении информация об отсталых обществах не подтверждает предположение о бесспорном кочевании а, напротив, свидетельствует о наличии охотничьих территорий с более или менее известными границами и закономерных сезонных перекочевках. Поэтому малочисленные, по необходимости относительно эндогамные и в каких-то пределах оседлые группы, эксплуатировавшие определенные охотничьи территории, составляли, как можно предположить, подавляющее большинство среди наиболее ранних человеческих коллективов. Такая модель популяционной структуры человечества на самом раннем этапе его развития уже рассматривалась, хотя нужно признать заранее, что в известных экологических условиях, при значительных локальных колебаниях плотности населения и пищевых запасов при экстенсивном охотничьем хозяйстве, надо думать, были достаточно многочисленные отклонения от нее, учет которых будет возможен лишь в дальнейшем.

Такое понимание популяционной структуры самых ранних ископаемых гоминид в известной степени предопределяет наши представления о характере и уровне морфологических и генетических (имеются в виду различия в концентрациях генов, контролирующих моноаллельные генетические маркеры — эритроцитарные группы крови, белки сыворотки, ферменты сыворотки и эритроцитов) различий между отдельными популяциями. Все наблюдения над антропологическим составом многочисленных контингентов популяций, живущих в условиях изоляции, например над подавляющим большинством высокогорных групп, продемонстрировали, что они отличаются вполне закономерным соотношением морфологических признаков и генетических маркеров, которое исследовано на Памире и в Дагестане и которое обна-

139

ружило сходную картину. По своему морфологическому облику дегестанские и памирские популяции очень близки и являются достаточно типичными представителями локальных типов, характерных для высокогорных районов Кавказа и Средней Азии, тогда как по вариациям генетических маркеров они обнаруживают значительную групповую дисперсию. Иными словами, можно думать, как мы и предполагали, что изоляция приводит к заметному межгрупповому полиморфизму в генетических маркерах, но меньше воздействует на

морфологические особенности, на протяжении длительного времени сохраняющие свою стабильность. И в том, и в другом случае начало действия изолирующих механизмов может быть отнесено, исходя из исторических и, что еще важнее, археологических источников, к эпохе бронзы или, самое позднее, к эпохе раннего железа.

Как бы ни была затруднена экстраполяция всех этих данных на нижний палеолит, все же можно предполагать, что каждая из реконструированных выше групп представляла собою популяцию. И эффект родоначальника при столь малой численности, и эндогамия, и генный дрейф, достаточно быстро идущий в малочисленных группах, — все это придавало в конечном итоге каждой из таких популяций определенное генетическое своеобразие. Трудно представить себе, чтобы пандемии многих микробных и вирусных заболеваний, столь распространявшиеся на земле после того, как население ее достигло определенной численности, могли быть обычным явлением при такой популяционной структуре — при малой плотности населения их действие должно было замыкаться на каких-то локальных группах популяций и, следовательно, направленная селекция по тому или другому локусу, обнаруживаемая по гену В при постоянно действовавших пандемиях чумы и оспы, на самом деле не могла иметь места. Итак, изначально возникший на базе балансируемого полиморфизма, — а последний четко выражен у животных, включая и обезьян, — межгрупповой полиморфизм по генетическим маркерам, постепенно усиливавшийся в ходе истории до формирования более сложных социальных институтов, — вот что было предположительно характерно для древнейшего первобытного человечества.

Иначе все было в области морфологии. В. В. Бунак на протяжении многих лет защищал концепцию краниологического полиморфизма по отношению к верхнепале-

140

олитическому человечеству, т. е. невыраженности основных расовых комплексов в столь раннее время. Была сделана попытка показать, что краниологический поли- • морфизм до определенной степени был характерен и для более ранних эпох.

Однако проявление его нельзя считать абсолютным, что явствует даже из находящихся в нашем распоряжении ограниченных палеоантропологических фактов. Группа питекантропов была расселена на Яве достаточно широко, о чем можно судить по находкам, и все же она обнаруживает определенное не только стадияльное, но и групповое сходство. Таким образом, этот комплекс признаков не носил только популяционного характера, не был характерен лишь для одной популяции питекантропов (разные местонахождения были удалены одно от другого на значительные расстояния), но охватывал группу популяций на Яве, представлял собою морфологический комплекс по широте проявления надпопуляционного уровня. Питекантропы, останки которых найдены в других местах в Европе, Азии и Африке, либо единичны, либо происходят из одного пункта (так называемые синантропы из Чжоукоудянь) и поэтому непригодны для суждения о популяционном или надпопуляционном уровне проявления соответствующего комплекса признаков. Переходя к эпохе среднего палеолита, мы отступаем хронологически от начальных этапов популяционной дифференциации, но палеоантропологический материал по неандертальцам рисует нам ту же картину, которую мы получили при рассмотрении группы питекантропов Явы. Некоторые авторы неодинаково группируют отдельные находки, придают им различное генетическое значение, но, пожалуй, невозможно назвать ни одного исследователя, который не верил бы в существование отдельных локальных групп внутри неандертальского вида и не пытался бы выделить, пользуясь самыми разными критериями, группы, содержащие несколько находок и отражающие какое-то их типологическое своеобразие. Эти находки происходят, как правило, из разных местонахождений, отстоящих одно от другого на сотни километров, и поэтому никак не могут представлять индивидуумов, относящихся к одной и той же популяции. Из этого видно, что и для неандертальцев мы имеем тот же надпопуляционный уровень изменчивости, который обнаруживаем в составе питекантропов Явы; косвенно это может свидетельствовать о надпопуляционном уровне

141

изменчивости у питекантропов по всей тогдашней эйку-мене.

Итак, подводя итоги, мы можем констатировать, что уже на самом раннем этапе расообразования отдельные популяции морфологически объединяются в какие-то надпопуляционные

общности; ретроспективно рассматривая их общие признаки, мы узнаем в этих общностях характерные черты современных больших рас. В то же время по генетическим маркерам и самые ранние популяции были весьма своеобразны, то есть каждая обладала определенным сочетанием генных частот, и эта популяционная специфичность, по-видимому, усиливалась до появления первых социальных структур типа родового строя, экзогамии и т. п., при многих условиях, интегрировавших генофонд или во всяком случае способствовавших его интеграции. Такова исходная картина начала расообразовательного процесса.

РАННЯЯ ГЕОГРАФИЯ ПОПУЛЯЦИЙ И УРОВЕНЬ ПРОНИЦАЕМОСТИ ГЕНЕТИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ МЕЖДУ НИМИ
Изложенные соображения все же не лишены некоторого противоречия, заключающегося в том, что межгрупповой полиморфизм по-разному выражен в разных системах признаков, тогда как, логически рассуждая, мы должны были бы столкнуться с одинаковым уровнем его выражения фактически с самого появления го-минид. Правда, наша модель популяционной специфики по генетическим маркерам во многом умозрительная, но она представляется единственно правдоподобной при учете всех имеющихся, хотя и очень фрагментарных данных. Каким образом можно попытаться снять это противоречие и найти объясняющий его механизм генетического, а возможно, и демографического характера?

Единственное объяснение этому противоречию — в характере генетических барьеров. Выше было сказано, что замкнутость популяций древнейших го-минид и закрытость их от внешних включений могут быть предсказаны с высокой степенью вероятности. Это не означает, однако, полной изоляции. Из исследований в области групповой этологии общественных млекопитающих, так же как и из исследований групповой этологии живущих сообществами крупных человекообразных обезьян — шимпанзе и гориллы, мы знаем, какое место занимает проницаемость генетических барьеров в жизни этих в

142

общем достаточно четко замкнутых коллективных объединений. Проникновение в них чужаков и адаптация их членами коллектива — достаточно редкое, но в целом не исключительное явление, хотя адаптация эта и происходит не без конфликтов. Трудно представить себе, что древнейшие человеческие группы характеризовались в этом отношении чем-то особым, резко отличным от предшествующего состояния. Зафиксированное этнографически абсолютное неприятие чужаков в отдельных локальных коллективах, например у эскимосов, доходящее до их убийства, скорее всего представляет собой позднее явление, объясняющееся крайней ограниченностью пищевых ресурсов, какими-то культовыми мотивами, своеобразием исторической судьбы, наконец, развивающимися в коллективной психологии в очень жестких и неблагоприятных условиях существования фатализмом и равнодушием к своей и чужой жизни и т. д. Поэтому инкорпорирование чужаков, представителей других популяций в состав той или иной группы древнейших го-минид, осуществляющееся в условиях контактов между группами на границах охотничьих территорий, а также при случайных встречах с группами отбившихся от своего сообщества индивидуумов, можно считать одним из сопутствующих факторов в популяционной дифференциации и демографической динамике древнейшего человечества.

К чему это приводило с генетической точки зрения? При наличии надпопуляционного уровня в морфологической изменчивости очевидно, что инкорпорация чужаков, в основном из соседних групп, не приводила к каким-либо заметным изменениям в морфологических особенностях: как бы ни был выражен краниологический полиморфизм по многим признакам, были, как мы помним, особенности, сходная или даже тождественная выраженность которых охватывала многие локально сопряженные популяции, и именно по вариациям этих особенностей, в которых мы видим первые проявления расообразования, представители соседних популяций были особенно близки. В частотах генетических маркеров каждая из этих даже соседних популяций отличалась известным своеобразием, и включение в группу любых носителей иных сочетаний генов при ее малочисленности не могло не сказаться на усилении этого своеобразия, приведя к направленному усилению межгруппового полиморфизма вообще. Таким образом, проницаемость генетических

143

барьеров, с одной стороны, объясняет нам отмеченное выше противоречие в характере изменчивости морфологических признаков и генетических маркеров на самых ранних этапах человеческой истории, а с другой стороны, может рассматриваться как дополнительный фактор, обусловивший именно такое, а не какое-либо иное географическое сочетание групповых вариаций.

• Можно ли предполагать, что такая картина географической изменчивости была характерна для всей первоначальной эйкумены и что монотонность соотношения между групповой дисперсностью генетических маркеров и такими же групповыми сочетаниями морфологических признаков представляла собою типичное явление в пределах эйкумены? Мы

имеем слишком мало опорных точек, чтобы сколько-нибудь определенно ответить на этот вопрос. Все же отрицательный ответ на него кажется более вероятным. Автору уже приходилось приводить соображения о действии центростремительных и центробежных тенденций в популяционной динамике человечества, начиная с самых ранних этапов его истории. Не повторяя их здесь, укажу еще дополнительно на дифференциальные демографические показатели, такие, как продолжительность жизни и тесно связанная с ней длительность репродуктивного периода, рождаемость, смертность. Роль этих факторов в биологической дифференциации общеизвестна. У ранних гоминид возраст смерти исследован лишь в одной группе, и он очень низок. Не отличается от него практически и продолжительность жизни неандертальцев. Процент детской смертности очень высок в обоих случаях. Казалось бы, у нас нет данных, чтобы говорить о наличии каких-то локальных тенденций в вариациях демографических показателей в разных областях эйкумены. Все же напомним о том, что отдельные индивидуумы характеризовались значительной продолжительностью жизни (например, неандерталец Шанидар I) и, по-видимому, полностью реализовывали свой репродуктивный период. При малочисленности группы даже случайное наличие одного-двух таких индивидуумов в ней сразу же увеличивало при прочих равных условиях ее численность в следующем поколении.

Но к этому можно добавить и ряд объективных факторов, неравномерно действовавших в пределах эйкумены. К их числу относятся более или менее благоприятные ландшафтно-экологические и геоморфологические усло-

144

вия, обилие и поведение объектов охоты, наличие пригодных для жилья пещерных убежищ, наконец, просто величина занятой и эксплуатируемой территории. Не последнюю роль играли и такие, казалось бы случайные, моменты, как направление и интенсивность закономерных сезонных кочевок животных, на которых охотились, и случайные флюктуации в колебаниях популяционной численности птиц, и особенно млекопитающих — объектов охоты, с одной стороны, и опасных для человека хищников, с другой. Многими каналами воздействуя на демографические показатели отдельных популяций, все эти явления приводили к неравномерности нарастания численности одних популяций в ущерб другим, усиливая географически predeterminedенную на ранних этапах заселения эйкумены человеком неравномерность расселения и колебания плотности населения. Как соотносилась эта неравномерность с ареалами надпопуляционных вариаций отдельных морфологических признаков, невозможно представить, хотя явно одно: она автоматически сокращала одни ареалы и увеличивала другие. Самая ранняя география человеческих популяций, следовательно, отличалась асимметричностью и их демографических характеристик, и их географического распространения, а это с самого начала predeterminedило и асимметрию расообразовательного процесса, которая ранее была констатирована, исходя из иных теоретических разработок.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Начальные этапы происхождения человеческой речи реконструируются в подавляющей своей части с помощью экстралингвистических данных. Естественно, что такая реконструкция не свободна от многих спорных моментов, требующих дальнейшей разработки. Однако сама эта проблема лежит за пределами нашей темы и входит в нее лишь частично, с того момента, как мы переходим от происхождения речи как коммуникативного механизма, свойственного человечеству в целом, к происхождению языковой дифференциации, или, что то же самое, происхождению отдельных языков, сразу же становящихся этническими маркерами. Вклад лингвистики и в эту проблему пока невелик и ограничивается более или менее умозрительными соображениями, не находящими общего признания специалистов.

145

Звуковая коммуникация широко распространена у животных, хотя она никогда не остается единственной и сопровождается значительным развитием других коммуникативных средств — выразительных движений, выделений и т. п. К сожалению, информация обо всем этом еще незначительна. У приматов звуковая система коммуникации развита в высокой степени, что особенно справедливо по отношению к человекообразным формам, хотя и выразительные движения в качестве коммуникативных средств имеют свое значение. Сфера звуковой

сигнализации может быть дополнена так называемыми жизненными шумами, то есть звуками, не несущими как будто семантической нагрузки. Отдельные исследователи видят именно в них звуковой материал для формирования человеческой речи, но мнение это имеет и противников. Существенным для нашей темы является, однако, не это, а подход к звуковой коммуникации приматов, и особенно высших приматов, с точки зрения выраженности групповой дифференциации в наборе звуков и их интенсивности. К сожалению, мне не известны работы, в которых применительно к человекообразным приматам и вообще к приматам затрагивалась бы эта сторона дела, но небольшое число наблюдений в этой сфере имеется над другими животными: отдельные сообщества стадных млекопитающих, в частности копытных, отличаются на фоне видового стереотипа какими-то специфическими сигналами, распространяющимися, правда, и на незвуковую сферу. Можно предполагать, что аналогичная специфика, пусть выраженная в зачаточной форме, свойственна и приматам и служит дополнительным фактором узнавания особей, принадлежащих к одному и тому же сообществу.

Однако даже если будет открыта и достаточно полно проанализирована специфика групповой коммуникации приматов, все равно не будет никаких оснований видеть в ней основу для образования отдельных человеческих языков. Формирование чисто человеческой речи (пусть в зачаточной форме пока еще аморфного на ранних стадиях и нерасчлененного речевого потока) мощным образом преобразовало всю сферу коммуникации, резко сократило внеречевую сферу общения и в то же время расширило до значительных пределов само значение обмена информацией в человеческом обществе по сравнению с сообществами животных. Можно думать, что различия в фонетической окраске речевого потока, слова

146

творчестве, образовании простейших иерархических систем языка, т. е. примитивной структуры, формировались на протяжении многих поколений по способу проб и ошибок, то есть на основе статистического принципа в условиях относительной изоляции творящих языки коллективов. Из этого вытекает один важный вывод: как только оформились сколь-нибудь затруднявшие взаимное общение системы звуковой коммуникации (охватывали они на первых порах отдельные популяции, несколько популяций или очень большое число популяций — трудно сказать, хотя средний вариант кажется, по многим соображениям, в том числе и на основании современной географии языков и диалектов, более вероятным), они стали мощным барьером на пути проникновения в отдельные группы или их совокупности носителей других языков или даже диалектов. Поэтому изоляция популяций, а скорее их совокупностей, по-видимому, усилилась после образования языковых различий и оставалась на одном уровне до появления многих социальных институтов, внутри которых языковые барьеры преодолевались уже в системе иных, более развитых социальных отношений.

Другой вытекающий из этого важный вывод — языковые различия не могли не играть существенной, а может быть, и определяющей роли в объединении тех популяций, которые были охвачены той же или иной системой языковой коммуникации. Оправданным выглядит предположение, согласно которому внутри таких небольших совокупностей популяций из-за языкового барьера и его усиления в процессе внутреннего развития языка впервые проявились явления не дифференциации, а интеграции на раннем этапе первобытного общества. Эта интеграция выражалась в первую очередь в том, что генетическое и культурное общение между популяциями, охваченными общим языком или диалектом, оказалось не только менее затрудненным, но и вызванным общей языковой принадлежностью. В процесс общения вовлекалось гораздо большее число людей, чем внутри одной малочисленной популяции, это ускоряло культурное и хозяйственное развитие в определенном, может быть, до какой-то степени случайно присущем именно данному коллективу популяций направлении. Поэтому каждый язык с самого начала своего образования может рассматриваться как этнообразующий фактор, к*

147

Но роль языковой дифференциации на раннем этапе истории первобытного общества не исчерпывается только этим. Так как мы приняли, что языковые различия проходят не между популяциями, а между группами популяций (хотя для такого умозаключения у нас нет объективных фактических оснований и оно остается предположительным), и так как мы рассматриваем их как механизм интеграции внутри охваченных одним языком популяций, то можно думать, что в

этих популяциях как-то сглаживался групповой полиморфизм по генетическим маркерам и он переводился на надпопуляционный уровень. Может быть, в этом зачаток такого направления изменений, которое привело в конце концов к появлению зон распространения однородных вариаций аллелей. Возможно, что интегративные процессы, охватывающие совокупности популяций, уменьшали и краниологический полиморфизм. Поэтому можно думать, что лингвистический фактор не только играл роль этнообразующего уже на самых ранних этапах истории первобытного общества, а следовательно, и человеческой истории вообще, но и ввел дополнительную координату в систему генетических барьеров в основном географического и биологического характера, действующую до образования отдельных языков.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Осознание противопоставления своих чужим — основа, на которой формируется групповая психология. Противопоставление это послужило предметом специального анализа как одно из основных понятий в системе социальной психологии. Но достаточен ли анализ этого понятия в системе социальной психологии и исчерпывает ли он его содержание? Склонен думать, что нет и что на раннем этапе человеческой истории противопоставление своих чужим не выходило за пределы именно популяции и выражало осознание каких-то различий между членами одной популяции и представителями всех других популяций, в первую очередь соседних.

Первый аргумент в пользу такой точки зрения — это отсутствие в составе любой группы древнейших гоминид социальной стратификации и, следовательно, кровного родства и осознание этого родства, что ставило всех членов коллектива в этом отношении в равное положение. Общие навыки и приемы охоты и собирательства, за-

М8

Крепленные именно в данном коллективе, психологическая совместимость всех членов коллектива в процессе тесной хозяйственной жизни, практика обработки камня и изготовления орудий с помощью установившихся традиционных способов, общий язык и полное языковое взаимопонимание, тождественное внеязыковое поведение в тех сферах, в которых оно сохранилось, наконец, какая-то общая сумма знаний — все это и составляло психологическую основу того чувства, которое было, очевидно, доминирующим в первобытных коллективах древнейших гоминид и которое позволяло каждому воспринимать остальных, как таких же точно людей, как и он сам.

Весьма возможно, что после образования разных языков, охватывавших несколько популяций, такое чувство сохранялось в модифицированном виде и по отношению к представителям соседних популяций. Но как только пресекалась граница популяционного распространения языка, это чувство, естественно, исчезало, так как при всем внешнем сходстве языковое недопонимание, не говоря уже о полном непонимании, ставило непреодолимый барьер, и ощущение общения с соплеменником пропадало. Его место занимало другое чувство — чувство общения с чужаком, с представителем какой-то иной группы непохожих людей. Таким образом, осознание сходства в пределах языковой общности, с одной стороны, и осознание отличий (и то, и другое осознавалось, очевидно, по-разному: сходство — как полное сходство во всем, различие — как различие в первую очередь в языке), с другой, одновременно цементировали коллектив изнутри и усиливали его противопоставление другим извне. Психологический фактор, то есть психика группы, психология группового поведения с самых ранних этапов своего формирования выступали в этнической форме и, подобно языку, были и стимулами, и сопровождающими явлениями этнообразования.

СКОРОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ, МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Скорость изменения антропологических признаков по-разному проявляется в морфологических особенностях и генетических маркерах. Морфологические особенности зависят непосредственно от среды, что было продемонстрировано во многих исследованиях.

Внутрипопуляци-

149

онные перестройки демографического характера и их следствие в виде генетического дрейфа мало затрагивают морфологические признаки из-за их наследственной полигенности. Все это обусловило относительную стабильность морфологических особенностей во времени, хотя при интенсивном действии селекции и они могут изменяться довольно значительно (явления брахикефализации и дебрахикефализации, грацилизации и матуризации, формирование конкретных адаптивных типов в экстремальных условиях среды и т.п.). Генетические маркеры, имеющие, как правило, моногенное наследование, независимы от среды, но на них в сильной степени влияют демографические характеристики популяции и внутрипопуляционные

перестройки. Сейчас всеобщее распространение получила гипотеза, в соответствии с которой балансируемый полиморфизм (проще говоря, сохранение в группе нескольких дискретных форм проявления одного признака, с генетической точки зрения — нескольких аллелей одного гена) является следствием давления отбора, действующего с разной силой на дискретные локусы одного и того же гена. Поэтому действие отбора в конечном итоге может и погашать генетические результаты внутривидовых перестроек, и усиливать их; все зависит в данном случае от интенсивности отбора. Однако при прочих равных условиях вариации генетических маркеров изменяются в целом, по-видимому, быстрее, чем вариации морфологических признаков. Скорости изменения языковых явлений еще менее изучены, чем скорости изменения антропологических особенностей. Все же эмпирический опыт любого носителя языка с зафиксированной письменной историей свидетельствует о сравнительно быстром, в пределах одного-двух веков, изменении лексического фонда языка и до какой-то степени даже его грамматического строя. Не могу не напомнить, что уже язык В. К. Третьяковского для нас звучит анахронизмом, язык средневековой русской литературы требует специального изучения. В ряде случаев граница понимания литературных памятников прошлого может быть отодвинута на несколько столетий, но вывод будет прежним: лексика языка заметно изменяется на протяжении нескольких столетий.

Правда, мы имеем доказательства тому лишь для письменных языков, а языки народов, находившихся до недавнего времени в условиях первобытнообщинной формации, естественно, письменной истории не имеют, по-

150

этому нет возможности сравнить их прошлое и настоящее. Тем более это справедливо по отношению к палеолитической эпохе, да еще к ее самому раннему этапу. Лексико-статистические расчеты, основанные на идее постоянной скорости изменения лексики в пределах всех языков и любого отрезка исторического времени, практически не приняты современной наукой, так как там, где этот исходный постулат можно было проверить, сравнивая скорости хронологических изменений внутри разных языков, он не оправдался. Подводя итог, по-видимому, можно сформулировать вывод, который достаточен для нашей темы: с эпохи верхнего и даже нижнего палеолита сохранились признаки, объединяющие соответствующие формы ископаемых гоминид с современными расами, как это было проиллюстрировано в начале главы, тогда как в современных языках, если и можно обнаружить элементы, отстоящие от современности на несколько тысячелетий, как это постулирует ностратическая гипотеза, эти элементы реконструируются с помощью многоступенчатой экстраполяции и изменились практически до неузнаваемости. Элементы языка изменяются, очевидно, значительно быстрее, чем антропологические (во всяком случае морфологические) признаки.

Переходя к оценке скорости культурных изменений, мы сталкиваемся с огромным разнообразием культурных явлений, включающих и типы хозяйства, и материальные формы культуры, и духовные ценности любого общества. Огромная работа специалистов во всех странах мира выявила глубокие субстратные пласты для многих культур, восходящие к глубокой древности. Много написано в этой связи о соотношении культурных традиций и культуры того или иного народа в целом. Но все примеры субстратных напластований в культуре того или иного народа, как правило, ограничиваются либо сферой духовной культуры, либо лишь отдельными деталями материального быта. Материальная же культура в целом изменяется довольно быстро, что-то воспринимая из культуры других народов, но в основном откликаясь на социально-экономический прогресс. Скорость таких изменений, конечно, растет в силу именно этого последнего обстоятельства, по мере приближения к современности, но и для эпохи первобытнообщинного строя археология приводит много примеров быстрых изменений форм керамики, орудий обработки камня, металла, даже усложнения орнаментов на сосудах и т. п. Общеизвестные труд-

151

ности интерпретации археологических памятников в этнических терминах объясняются в основном 'скоростью изменений археологических объектов изучения и невозможностью в этой связи в ряде случаев установить преемственность между ними. В качестве примера можно указать на изучение славянских или германских памятников, когда именно вследствие подвижности внешних форм материальной культуры трудно однозначно интерпретировать сходство в памятниках первой половины I и рубежа I—II тысячелетий н. э., и эта интерпретация вызывает в каждом отдельном случае обоснованные споры.

Исходя из этих соображений, мы, говоря о заре развития первобытного общества, должны

помнить о застойности первобытной экономики, замедленности развития способов обработки кремня и изготовления орудий труда, по-видимому, застойности и каких-то зачатков древней культуры, хотя пока нет доказательств оформления таких зачатков для эпохи нижнего палеолита. Можно думать, что темпы изменений культурных элементов были сравнимы на заре истории с темпами изменений антропологических признаков, они были одного порядка. То же можно сказать, вероятно, и про языковые изменения. В общем, следовательно, в группах самых ранних гоминид скорость изменения объективных характеристик, которые затем становятся этническими признаками, была замедлена по сравнению с их динамикой в более поздние эпохи. Но еще важнее то обстоятельство, что сами эти скорости изменений различны в пределах антропологического состава, языка и культуры. Не предвещая ответа на вопрос о сравнительной скорости этих изменений до специальных исследований, подчеркнем важность этого вывода для нашей темы.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ РАСО- И ЭТНООБРАЗОВАНИЯ КАК ИСХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

Итак, в результате проведенных сопоставлений можно построить схему самого раннего этапа расообразования-*Шя и этногенеза. Исходные популяции малочисленны, Эндогамны (разумеется, сначала не в силу эндогамных Запретов, а в силу изолированного географического поло-Ксения) и относительно оседлы, т. е. имеют значительную Охотничью территорию, в пределах которой и передви-гаются более или менее регулярно. Замкнутость популя-Дий относительна, и они периодически, хотя и случайно,

152

включают в свой состав инородных членов, особенно при встречах с другими популяциями на границах охотничьих территорий. Антропологически эти популяции специфичны в соотношениях генетических маркеров и отличаются краниологическим полиморфизмом, но объединяются в то же время в пределах достаточно крупных территорий какими-то сходными вариациями единичных морфологических признаков, которые затем входят в число специфических характеристик более поздних расовых комплексов. В пределах этих популяций закрепляются различные традиции обработки камня и навыки изготовления орудий, а также формируется первичное самосознание на основе противопоставления своих чужим.

Первичные языки охватывают скорее всего не одну, а несколько популяций, говорящих на одном языке, и распространение этого языка между группами популяций, говорящих на других языках, затруднено. Налицо диалектика процессов дифференциации и интеграции, начиная с раннего этапа истории первобытного общества, с самых ранних стадий нижнего палеолита. Но и при распространении процессов интеграции за пределы одной популяции на группу популяций границы географического распространения разнородных явлений в сфере антропологического состава, культуры и языка не пересекаются, а накладываются одна на другую. В первом явлении можно видеть самые ранние ступени расообразования, во втором и третьем — самые ранние ступени этногенеза. Таким образом, расообразование и этногенез были географически сопряжены на раннем этапе истории первобытного общества и популяции, а затем группы популяций древнейших гоминид представляли собою первичные ячейки не только расообразовательного, но и этногенетического процессов.

Изложенная точка зрения, на первый взгляд, противоречит той, которая считается общепризнанной в советской литературе и которая неоднократно излагалась в связи с оценкой роли антропологических, этнографических и иных материалов в этногенетическом исследовании. Однако противоречие это кажущееся. В рамках традиционного подхода речь идет о констатации отсутствия связи даже в распространении разнородных явлений в классовом обществе и на поздних этапах развития первобытного общества. Что же касается самого раннего этапа истории первобытного общества, то по отношению к нему мы имеем, по-видимому, право говорить об из-

вестном сопряжении границ первичных популяционных общностей, культурных традиций и первичных языков. Это сопряжение было утеряно или уменьшилось в ходе истории в силу разного темпа хронологических изменений в явлениях, относящихся к сфере антропологического состава, языка и культуры. Именно поэтому ¹можно было рассмотреть проблемы скорости этих изменений и сформулировать вывод о том, что темпы изменений ²Такова ³одна из возможных гипотез начального этапа этногенеза и расообразования, которую допускают сформулировать находящиеся в нашем распоряжении пока малочисленные фактические данные.

ГЛАВА 5

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПУЧКИ ВО ВРЕМЕНИ

МОДУСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПУЧКИ

При обосновании первоначальной типологии модусов этногенеза (Алексеев, 1979) все их многообразие было сведено к четырем фундаментальным типам, каждый из которых выражает в своих структурных особенностях наиболее характерные черты расселения человеческих популяций и свойства контактов между ними. Таким образом были выделены и иллюстрированы специально подобранными историческими примерами модусы миграции, расселения (подразумевается в отличие от миграции — исторически одномоментного переселения большой группы людей — постепенное диффузное расселение), автохтонного развития (сопровождающегося обычно изоляцией) и этнической непрерывности. Вслед за обоснованием типологии модусов этногенеза была намечена и схема их исторической последовательности, согласно которой наиболее древним, сопровождающим самые первые шаги истории человечества нужно считать модус автохтонного развития. После достижения некоего определенного уровня плотности населения возник модус этнической непрерывности и уже после него возникают модусы миграции и расселения.

Что касается двух последних модусов, то их исторически более позднее оформление в эпоху, явно следующую за временем перехода к производящему хозяйству, то есть в эпоху неолита и бронзы, представляется весьма вероятным. Что же касается двух первых модусов, то вопрос об их историческом соотношении требует некоторых комментариев. В тех районах, где сейчас фиксируется этническая или, вернее сказать, этнолингвистическая непрерывность, трудно представить себе ее позднее возникновение и предполагать, что первоначальная исходная ситуация этнообразования и глоттогенеза могла быть иной. В то же время при обзоре этногенетических пучков мы убедились, что автохтонное развитие в ряде случаев уходит в глубокую древность, может быть, даже в палеолитическое время. Как совместить эти два противоположных соображения, одно из которых носит умозрительный, но вероятный характер, а второе опирается на археологические и историко-этнологические наблюдения? Совместить их можно, очевидно, только в том случае, если признать за обоими модусами право на существование

155

в древние эпохи истории человечества и рассматривать их как диалектическое единство процесса этногенеза с самого начала его существования. Археологические данные убеждают нас в том, что контакты между популяциями в той или иной форме имели место и в палеолитическое время. Об этом же свидетельствует и обмен культурных традиций, выявляемый археологическим своеобразием отдельных групп палеолитических памятников. Таким образом, для образования ситуации этнолингвистической непрерывности предпосылки существовали еще в палеолите. С палеолита же начинается в других областях и автохтонный этногенез. Итак, единство взаимно дополняющих друг друга модусов — вот наиболее вероятная форма, в которой выступал этногенетический процесс с самого начала.

И. Шмидт (1872), выделяя ареалы, ситуации внутри которых он назвал языковыми волнами, не придавал им глобального генетического значения, то есть не постулировал их исключительную генетическую древность и не рассматривал их как исходное состояние глоттогенеза. С. П. Толстов (1950), оценивая аналогичную ситуацию в ареале папуасских языков на Новой Гвинее, не только придал ей генетический смысл, но и ипостазировал ее, перенеся на весь древнейший период языкового развития человечества. Однако лингвистическая непрерывность, которую он назвал первобытной, по самой сути наших теперешних знаний не может быть не только доказана, но даже наблюдаема для древних эпох. Поэтому экстраполяция идеи лингвистической непрерывности на весь начальный глоттогенез носит умозрительный характер и не может быть основанием для аналогичного ипостазирования модуса этнической непрерывности.

Модус автохтонного развития, создавая на протяжении времени непрерывную дифференциацию находящихся в сфере его действия этнических общностей, приводит к образованию стволовой иерархии групп народов, объединяемых иерархическим родством и группирующихся по типу родословного древа. Модус этнической непрерывности естественным образом создает все предпосылки для образования этногенетических кустов. Таким образом, и стволовая иерархия, и этногенетические кусты, начиная с самых первых шагов этнообразования, воздействовали на этническую структуру человечества, придавая ей

внутреннюю сложность и определяя наличие локального своеобразия. Приведенная карта (см. с. 161),

156

если ее экстраполировать на первобытную эйкумену, показывает, какова доля действия каждого из этих двух модусов и какую территорию каждый из них занимал. Переходя к более поздним модусам, активность которых прослеживается, как уже указывалось, предположительно с эпохи неолита, следует указать на фактическую сложность выявления их действия на раннем археологическом и палеоантропологическом материале. Скажем, огромная по масштабам миграция европеоидов по степным просторам Евразии с запада на восток, продолжавшаяся минимум несколько поколений, не могла не всколыхнуть процессы этнообразования на территории Казахстана, степных районов Алтая, Тувы и Монголии, но мы не знаем, носители каких языков принимали участие в этой миграции и, кроме того, можем уже сейчас подозревать, что даже восточные районы зоны, занятой европеоидами, изначально входили в ареал формирования европеоидной расы: тогда сам масштаб миграции выглядел бы значительно менее мощным. Почти одновременно с этим шла гораздо более медленная, продолжавшаяся, по-видимому, тысячелетия, инфильтрация носителей монголоидного комплекса признаков в обратном направлении, с востока на запад, по таежной зоне Сибири. Она зафиксирована разными данными — и археологическими, и палеоантропологическими, и могла бы служить аргументом в пользу действия модуса расселения (как предыдущая ситуация послужила иллюстрацией к модусу миграции). Но в нашем распоряжении нет информации о языковом взаимодействии, да и самый факт диффузии населения восточного происхождения подвергается сомнению рядом специалистов.

В более поздние эпохи, по мере роста объема сведений, извлекаемых из письменных источников, как и археологической, историко-этнологической и палеоантропо-логической информации, примеры действия и модуса миграции, и модуса расселения становятся гораздо более ясными. Общеизвестно огромное влияние, оказанное расселением гуннов и вообще великим переселением народов, на этническую картину Евразии и Северной Африки на рубеже новой эры и в последующие столетия. Образование малоазиатской ветви является прекрасным примером действия модуса миграции. Этногенез восточнославянских народов — не менее очевидный пример действия модуса расселения. Как ни остры до сих пор споры вокруг проблемы славянской прародины и как ни далеки

157

Таблица 1

Распределение этногенетических пучков (ветвей и кустов) по времени их формирования и модусам этногенеза

Время формирования	Модус миграции	Модус расселения	Модус автохтонного развития	Модус этнической непрерывности
Пока не может быть установлено с достаточной определенностью	Калифорнийская, Тихоокеанская, ветвь Береговых равнин, восточно-северо-американская, западно-североамериканская, индонезийская, меланезийская, полинезийско-микронезийская		Огнеземельская, патагонская, южноандийская, южнобразильская, североамазонская, гвианская, мексиканская, ветвь Центральных равнин, ветвь юга Великих равнин, восточно-североамериканская, западноафриканская, центральноафриканская,	Новогвинейская

I — начало тыс. н. э.	1 1	Малоазиатская	Среднеазиатско - казах-станская, аравийско-африканская, восточноевропейский куст	южноафриканская, латинско-андийский куст, восточноамазонский куст Поволжская
-----------------------	-----	---------------	--	---

Продолжение табл. 1

Время формирования	Модус миграции	Модус расселения	Модус автохтонного развития	Модус этнической непрерывности
Эпоха поздней бронзы и раннего железа (вторая половина II тыс. до н. э. — рубеж н. э.)	Центральноамериканская	Дунайско-днепровская, североиндийский куст	Центральноандийская, апалачская, беринго-гренландская, байкальско-монгольская, тибетская, западносибирская, восточнобалтийская, центральноевропейская, пиренейско-апеннинская	Восточноазиатский куст, австралийский куст
Эпоха неолита и бронзы (V — начало II тыс. до н. э.) или даже более раннее время	Алеутская, японская, корейско-	Сибирско-маньчжурская, индийская	Чукотско-камчатско-сахалинская, восточноиндийская, среднеазиатско-иранская, закавказская, северокавказская, скандинавская, балканская, сомалийская	

мы пока от ее решения (Прикарпатский район, Поднепровье, междуречье Вислы и Одера и другие области фигурируют в разных работах на равных основаниях), очевидно одно — современный ареал восточнославянских народов, особенно русского, значительно шире, чем был, скажем, в середине I тысячелетия н. э., многочисленные исследования выявляют значительный восточнофинский и балтийский субстрат там, где теперь расселены восточнославянские народы. Роль этого субстрата велика в формировании и языка, и культуры, и антропологического состава восточнославянских народов. Это говорит о длительном и

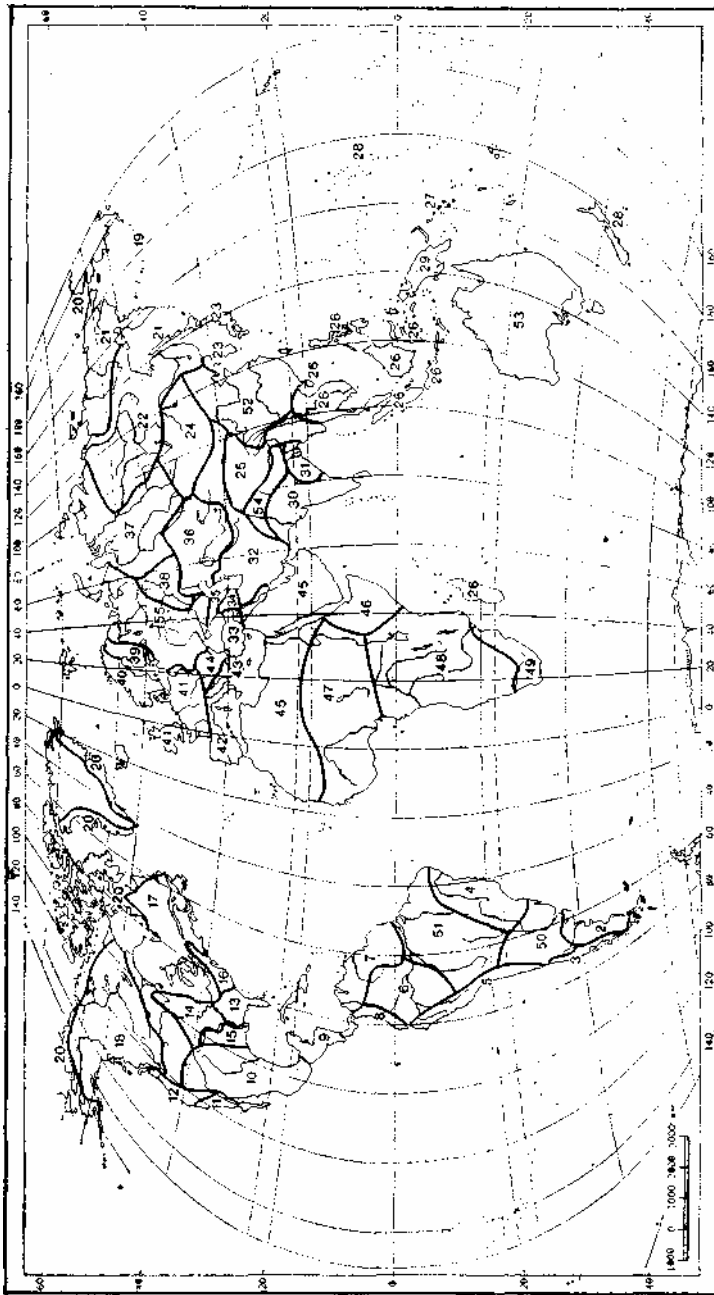

постепенном взаимодействии субстратных восточнофинской и балтийской культур и суперстратной славянской культуры, а подобное взаимодействие было возможным только в процессе медленного диффузного расселения предков восточнославянских народов. Несмотря на эти примеры все же следует, по-видимому, отметить, что историческая роль более ранних модусов этногенеза не уменьшилась в ходе времени, и они, особенно модус автохтонного развития, продолжали играть большую роль в этнообразовании.

Оставляя в стороне модус этнической непрерывности, итогом развития которого стало образование этногенетических кустов, и не аргументируя специально действие того или иного модуса по отношению к формированию каждой этногенетической ветви, сделаем попытку представить результаты соотнесения этногенетических ветвей с модусами этногенеза и с известной гипотетичностью обозначить предполагаемый возраст этих ветвей, сведя данные в таблицу 1.

ТИПОЛОГИЯ РОДСТВА НАРОДОВ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ВЕТВИ

В первой главе рассматривался вопрос о том, каким сложным понятием является происхождение народов и как многолико представление об их родстве. Автор вслед за рядом других исследователей придает самосознанию решающую роль в качестве этнического определителя, а самосознание целиком определяется языком и комплексом традиционной культуры. Однако было бы обеднением реальной действительности игнорировать непосредственную генетическую преемственность поколений, хотя она и сопровождается иногда сменой языка и культурных традиций. Чтобы полнее выявить этногенетические

Распространение этногенетических пучков. Номера на карте соответствуют номерам в табл. 2

Таблица 2

Использование разных видов исторических источников при выделении этногенетических пучков

Этногенетические ветви	Лингвистическая общность	Историко-культурные данные	Антропологические наблюдения
1. Огнеземельская		+	
2. Патагонская	4-	-L	j
3. Южноандийская		-	LP
4. Южнобразильская	1	^	4?
5. Центральноандийская	+?	-(-	j?
6. Североамазонская	-j-	-J?	4~?
7. Гвианская	-J-	j?	j>
8. Североандийская	-j-	-L	)?
9. Центральноамериканская	4-	4-	4-
10. Мексиканская	4~	-	-
11. Калифорнийская	-f-	-	-
12. Тихоокеанская	j	-	j?
13. Береговых равнин	4-	4-	4?

14. Центральных равнин	-j-	4-?	4-?
15. Юга Великих равнин	-j-	4-?	-[-?
16. Аппалачская	j-	j	j
17. Восточно-североамериканская	4-	—	4-
18. Западно-североамериканская	+	—	+
19. Алеутская	-J-?	4-	4-
20. Беринго-гренландская	4-?	4-	4-
21. Чукотско-камчатско-сахалинская	. —	—	4-
22. Сибирско-Маньчжурская	+	—	4-
23. Корейско-японская	—	—	4-
24. Байкальско-монгольская	- _	—	—
25. Тибетская	)_	—	—
26. Индонезийская	4-	—	—'
27. Меланезийская	j_	j_	4"?
28. Полинезийско-микронезийская	—	4-	4-
29. Новогвинейская	4~	4-	4~?
30. Индийская	4-	—	—
31. Восточноиндийская	4-	4-	4~?
32. Среднеазиатско-иранская	+	—	—
33. Малоазиатская	-f-	4~	4"
34. Закавказская	—	4-?	4-
35. Северокавказская	—	+?	+
36. Среднеазиатско-казахстанская	-f-	—	—
37. Западносибирская	—	—	4-
38. Поволжская	—	4-	4-
39. Восточнобалтийская	}-	4-	4-
40. Скандинавская	-j_	-J-?	4-
41. Центральноевропейская	+	+?	4-
42. Пиренейско-апеннинская	+	4~	4"?
43. Балканская	—	—	4~?
44. Дунайско-днепровская	—	—	4-
45. Аравийско-африканская	+	4-	4-
46. Сомалийская	•	~	+

162

Продолжение табл

Этногенетические ветви	Лингвистическая общность	Историко-культурные данные	Антрологическая наблюдения
47. Западноафриканская 48. Центральноафриканская 49. Южноафриканская 50. Ла-Платско-андийский куст 51. Восточноамазонский » 52. Восточноазиатский » 53. Австралийский » 54. Североиндийский » 55. Восточноевропейский »	++++	++++	+++ +++ ++

— Нет единства. + Есть единство.

+ ? Единство специфично не только для данного этногенетического-го пучка, но охватывает и несколько других.

истоки той или иной ветви и учесть по возможности все аспекты генетических связей входящих в нее народов, при панэкуменном обзоре этногенетических ветвей принимались во внимание все три достаточно полно фиксируемых в литературе источника этногенетической информации — лингвистическая принадлежность, историко-культурная традиция, антропологический тип. Локальные сочетания этих трех важнейших этногенетических параметров, как мы убедились, довольно причудливы, специфичны для каждой этногенетической ветви и отражают как особенности арены этнообразования — той физико-

географической среды, в границах которой этно-образование в каждом данном случае происходит, так и конкретно-историческую специфику самого процесса этногенеза в определенных условиях места и времени. Таблица 2 суммирует соответствующие наблюдения и, освобождая от необходимости повторять данные, использованные при выделении и характеристике этногенетических ветвей, призвана в максимально кратком и обзримом виде показать реально реализованные исторически степени близости и территориальные сочетания маркирующих этногенез признаков.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПУЧКИ В ДИНАМИКЕ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье, посвященной характеристике всемирно-исторического процесса в свете результатов современных историко-этнографических исследований, С. П. Толстой (1961)

почти не коснулся этногенетической проблематики. Это малопонятно, так как им самим было выполнено большое число конкретных этногенетических исследований. Известное объяснение можно найти лишь в том обстоятельстве, что этногенетическая проблематика не создала тогда еще полноценной фактической базы, многие теоретические аспекты изучения этногенеза были значительно менее ясными, чем сегодня. Между тем этногенетический процесс, как теперь очевидно, является одной из важнейших составляющих всемирно-исторического процесса и в хронологическом отношении реально сопоставим со всем временем существования человечества.

Обоснование этого тезиса по отношению к началу человеческой истории содержится в специальной статье автора (Алексеев, 1982а) и в предшествующей главе этой книги. Правда, точка зрения о возникновении прототипов этносов и формировании зачатков этнического самосознания вместе с первичной антропологической и культурной дифференциацией человечества встретила возражения (Бромлей, 1983), но они носят больше терминологический, чем принципиальный, характер. Высказав со ссылкой на П. И. Борисковского, А. А. Формозова и С. А. Арутюнова сомнение в нижнепалеолитическом возникновении этнического сознания, автор критических замечаний пишет: «И все же, видимо, было бы преждевременно полностью отрицать наличие у сообщества архантропов хотя бы элементов группового самосознания и каких-то зачатков культурных различий. Разумеется, в силу указанных выше причин все эти групповые особенности неизбежно должны были иметь неустойчивый характер. Соответственно самое большее, что можно допустить, — это существование у архантропов лишь весьма неустойчивых и аморфных подобий (прототипов) этнических общностей, которые условно могут быть названы протоэтносами» (с. 246). Но ведь я, в сущности говоря, как показывают тексты статьи и предыдущей главы, и не утверждал большего, рассматривая этнообразование на самом раннем этапе человеческой истории скорее как потенциальную тенденцию, чем реальное четко выраженное явление. Этнографические наблюдения над обществами, в широких пределах стадияльно сопоставимыми с верхнепалеолитическими и мезолитическими (Шнирельман, 1982), показывают большую сложность этнического лица и характеризующих его парамет-

164

ров, неокончательную выраженность этноса, но ни в этих обществах, ни в условно сравнимых с ними верхнепалеолитических никто не отрицает этнообразования. Относительно поздней даты этногенетического процесса можно сказать, что на рубеже I—II тысячелетий н. э. и в начале II тысячелетия н. э., то есть еще позднее, происходило формирование малоазиатского и поволжского пучков и более или менее синхронное этому формированию восточноевропейского куста. Таким образом, время сложения самых поздних этногенетических пучков в масштабе всего исторического времени также сопоставимо с позднейшим периодом истории человечества. Итак, этногенетическая динамика сопровождает всемирно-исторический процесс на протяжении всей или почти всей истории человечества. Существующие схемы динамики этнических общностей в первобытном обществе (Арутюнов, 1982) или на протяжении истории человечества в целом (Бромлей, 1983) интересны для нашей темы в том отношении, что они, вне зависимости от конкретных форм аргументируемой периодизации этнических общностей, подчеркивают в них момент развития. Отличия, скажем, феодальной народности от капиталистической нации давно уже являются предметом исследования, в последней из указанных схем не без оснований предлагается отличать рабовладельческую народность от феодальной. Развитие форм этнических общностей при таком подходе целиком ставится в зависимость от времени и характера перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Повторяю — не затрагивая отдельных форм периодизации этнических общностей, нельзя не

отметить исключительное значение самого факта их динамики во времени для постановки вопроса об аналогичной динамике этногенетических пучков. Этногенетические пучки формировались, как мы уже убедились, на протяжении почти всей истории общества, их формирование падает на эпохи первобытного общества, рабовладельческого строя и феодального общества. Общественно-исторические условия формирования народов и складывания их общностей в каждой из этих формаций были различны — эта мысль в общей форме кажется не только вероятной, но и очевидной. Но каковы конкретно эти различия, в чем они выражались и как влияли на истоки зарождения и динамику этногенетических пучков, скрывается ли за этим какое-то определенное направление развития или этногенетический процесс на

165

уровне образования этногенетических пучков носит ненаправленный хаотичный характер, — на все эти вопросы автор сейчас не готов ответить.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПУЧКИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

На предыдущих страницах ни разу не упоминалось о соотношении этногенетических процессов и демографических, не освещается, как правило, эта связь и на страницах даже серьезных этногенетических работ. Между тем невозможно представить себе, чтобы этногенетический процесс, обнаруживая зависимость от многих исторических и географических факторов, охватывая такие разносторонние явления, как антропологическая структура, культура в самом широком смысле слова, язык, самосознание, то есть явления, лежащие в разных плоскостях, был бы полностью безразличен по отношению к числу участвующих в нем людей, скорости смены поколений, то есть продолжительности жизни в ту или иную историческую эпоху, плотности населения. Эти три демографических параметра представляются особенно важными, хотя — нужно сразу же подчеркнуть, что их характеристика по отношению к древнему населению сталкивается с рядом существенных трудностей и почти всегда носит условный, характер.

Численность влияет на этногенез своеобразно. Нет нужды доказывать, что этногенез, скажем, восточнославянских народов или китайского народа — народов с самого начала многомиллионных, развивался совсем по другому типу, чем сложение, скажем, одноаульных народов в Дагестане. Но поднявшись на следующий иерархический уровень, мы сталкиваемся с любопытной картиной. Еще раз взглянем на прилагаемую карту территориального размещения этногенетических пучков — площади, охватываемые одним пучком, более или менее одного порядка, хотя число охватываемых одним пучком народов и колеблется в значительных пределах. Создается впечатление, что локусы этногенетического процесса, в пределах которых формируются этногенетические пучки, больше связаны с территорией, ее какой-то ландшафтной и морфологической спецификой, наконец, с ее ландшафтной монотонностью или разнообразием, чем с совокупной численностью всех проживающих в пределах локуса и формирующих этногенетический пучок народов. Как будто численность не оказывает влияния и на харак-

166

тер этногенетического процесса в целом, во всяком случае она не находит отражения преимущественно в кустовом или преимущественно иерархическом характере этногенеза. Этногенезы по типу куста, как мы помним, одинаково выразительно выявляются в Восточной Азии — стране первичного земледелия с изначально огромными массами населения и на Восточноевропейской равнине, где переход к земледелию носил явно вторичный характер и произошел под влиянием южных импульсов и где заведомо было редкое по плотности и незначительное по численности население в эпохи неолита и бронзы, а возможно, и в эпоху раннего железа.

Развитие этногенеза по иерархическому типу также, похоже, не связано с численностью входящих в те или иные этногенетические пучки народов. Например, формирование огнеземельской и центрально-андийской ветвей с самого начала происходило на низкой хозяйственной базе при резко различной численности народов, входящих в эти ветви, но конечные результаты этногенетического процесса оказались достаточно сходными в обоих этих случаях. Таким образом, вопреки первоначальному предположению относительно влияния численности коллективов на формы этногенетического процесса, приходится признать, что это влияние вполне ощутимо на уровне сложения отдельных народов и мало заметно на уровне объединяющих их этногенетических ветвей. То же можно сказать и про плотность населения, которая является функцией численности и ведет себя примерно так же, как и численность, во всех поддающихся наблюдению случаях.

В отличие от этих двух параметров эффективное значение длительности поколения в

этногенетическом процессе представляется совершенно бесспорным. Действительно, представим себе, что в пределах соседних территорий и при прочих равных условиях популяции различаются продолжительностью жизни вдвое — скажем, в одном случае мы имеем продолжительность жизни, равную 30 годам, и во втором — 60 годам. Совершенно очевидно, что при наличии консолидирующих процессов они пойдут вдвое быстрее в первом случае по сравнению со вторым. Казалось бы, такое рассуждение может послужить достаточным основанием для вывода о зависимости скорости этногенеза от средней продолжительности жизни на протяжении ряда поколений, и такой вывод будет теоретически оправданным. Но будучи правильным по существу по отношению к идеальной модели, он малоэф-

167

фективен практически, так как все находящиеся в нашем распоряжении сведения о продолжительности жизни в древние эпохи говорят о ее краткости и чрезвычайно быстрой смене поколений. Насколько можно судить на основании имеющейся информации, территориальные и групповые различия до эпохи средневековья не превышали 5—10 лет, а между соседними популяциями вообще были ничтожны. Поэтому и продолжительность поколений, будучи тесно связана с интенсивностью этногенетического процесса, не играла реально значительной роли в этногенетической истории человечества на протяжении огромного отрезка этой истории до эпохи средневековья ввиду малых колебаний этого параметра и достаточной монотонности его характеристик у населения разных материков, культур и цивилизаций. В то же время, начиная с эпохи средневековья, продолжительность жизни стала медленно увеличиваться, что наряду с другими факторами[^] ми сказалося на известном замедлении этногенетических процессов. Однако все этногенетические пучки были уже давно сформированы к этому времени и, следовательно, мы опять сталкиваемся здесь с той же закономерностью, с какой столкнулись при рассмотрении численности и плотности населения: продолжительность жизни одного поколения сказывается на конкретных этногенезах, но не сыграла практической роли в сложении этногенетических пучков.

Казалось бы, этими достаточно негативными соображениями о значении демографических факторов в этногенетическом процессе можно закончить параграф. Однако следует еще учесть реальные оценки общей численности человечества в разные эпохи его развития, в какой-то мере заселенной им площади эйкумены, а значит, и плотности населения. Все это в конечном итоге вызвало неравномерность демографического развития человечества, концентрацию населения в одних районах и разрежение его в других. Но как происходило нарастание этой численности и как общее число людей на нашей планете влияло на панэйкуменный этногенетический процесс в целом? Все предложенные до сих пор оценки численности человечества в разные этапы его истории в высшей степени условны, и сколько-нибудь объективными цифрами, также, правда, требующими к себе критического отношения, мы располагаем лишь начиная с эпохи позднего средневековья. В тех случаях, когда можно было установить время формирования этногенетических пучков, оно падает в подавляющей массе на эпохи неолита и

168

бронзы. В литературе часто постулировалась для этого времени численность в 5—6 млн. человек. Однако в пользу именно такой оценки численности для этого периода никогда не приводилось сколько-нибудь развернутой аргументации, между тем как сама оценка представляется в высшей степени сомнительной.

Каков объективный критерий, с помощью которого можно подойти к определению интересующей нас цифры? Производящее хозяйство появилось к началу этого времени лишь в Передней Азии, на Балканах и на Кавказе, и там земледельческие поселения были окружены потребляющей периферией, вся остальная эйкумена была заселена племенами охотников и рыболовов. Хорошую информацию о плотности населения и его численности для популяций охотников и рыболовов мы имеем лишь для Сибири к приходу русских. Экстраполируя эту информацию на всю эйкумену, мы получаем 2,5—3 млн. — цифру, которую можно считать вероятной для населения Земли в V—II тысячелетиях до н.э. Возможно, к концу этого периода она несколько возросла.

Выше была сделана попытка показать, что этногенез в виде формирования отдельных этногенетических общностей неразрывно связан со всем историческим процессом в целом, то есть что истоки этногенеза совпадают с истоками человеческой истории. Говорилось выше и о

чрезвычайной неполноте и неотчетливости наших знаний об этногенетических стволах. Этногенез до отмеченной выше эпохи, надо полагать, и шел по линии формирования отдельных этнических общностей без объединения их в этногенетические пучки, вся эйкумена могла образовывать один огромный этногенетический куст без какой-либо внутренней структуры. Весьма вероятно, что достижение человечеством указанной численности и было необходимой предпосылкой, обусловившей распад панэйкуменного этногенетического процесса на отдельные локусы и формирование этногенетических пучков, большинство из которых и образовалось при этой численности. Численность человечества, следовательно, все же имеет значение для образования этногенетических пучков, последние могли появиться лишь после достижения человечеством определенного уровня численности, эмпирически устанавливаемого примерно в 3 млн.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд./Т. 3.

Энгельс Ф. История Ирландии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16.

Энгельс Ф. К истории древних германцев // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

* * *

Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970.

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974.

Алексеев В. П. Модусы расообразования и географическое рас-пространение генов расовых признаков // Советская этнография. 1967. № 1.

Алексеев В. П. Популяционная структура человечества и историческая антропология // Советская археология. 1970. № 3.

Алексеев В. П. Краниология народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974.

Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979.

Алексеев В. П. Историческая антропология: проблемы и перспективы // Вестник АН СССР. 1982. № 11.

Алексеев В. П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982а.

Алексеев В. П. О различии синхронного и диахроинного сравнения этнографических явлений // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.

Алексеева Т. И., Коваленко В. Ю. Морфофункциональная характеристика посткраниального скелета азиатских эскимосов // Палеоантропология Сибири. М., 1980.

Амирханов Х. А. Чохское поселение — памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа. 1982. № 5.

Амирханов Х. А. Начало земледелия в Дагестане // Природа, 1983. № 2.

Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., Таксами Ч. М. Этнокультурные связи коренных народов прибрежной Северо-Восточной Азии // Этническая история народов Азии. М., 1972.

Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.

Берндт Р., Берндт К. Мир первых австралийцев. М., 1981.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., Наука, 1983.

Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.

Василевич Г. М. Древнейшие языковые связи современных на-

170

родов Азии и Европы // Труды Ин-та этнографии АН СССР. М.—Л., 1974. Т. II.

Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск, 1973.

Воробьев-Десятковский В. С. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков // Советское востоковедение. 1956. № 1.

Грязное М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1956. № 48.

Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1979. Вып. I—

Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1956. Т. 1.

Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида // Советская этнография. 1961, № 2.

Дебец Г. Ф. Физический тип людей днепро-донецкой культуры // Советская археология. 1966. № 1.

Дебец Г. Ф., Дурново Ю. А. Физическое развитие людей эпохи энеолита в Южной Туркмении // Советская этнография. 1971. № 1.

Дебец Г. Ф., Левин, М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Советская этнография. 1952. № 1.

Долгопольский А. Б. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания. 1964. № 2.

Долгопольский А. Б. Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза //

- Этимология. 1964. М., 1965.
- Еремеев Д. Е.* Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка) // Советская этнография. 1967. № 4.
- Еремеев Д. Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
- Жиров Е. В.* Об искусственной деформации головы // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. 1940. Вып. VIII.
- Иллич-Свитыч В. М.* Древнейшие индоевропейско-семитские контакты // Проблемы средневекового языкознания. М., 1964.
- Иллич-Свитыч В. М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (/Этимология 1965. М., 1966. "^\
- Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) // Славянское языкознание. М., 1968.
- Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. /: Сравнительный словарь. М., 1971. V'
- Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
- Капанцян Г. А.* Историко-лингвистические работы. Ереван, 1956.
- Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крывелев И. А.* По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3.
- Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. 171
- Кондратов А. М., Шеворошкин В. В.* Когда молчат письма. Загадки древней Эгеиды. М., 1970.
- Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
- Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6.
- Кузьменко Ю. С.* Истоки скандинавской метафонии (о саамском влиянии на скандинавские диалекты) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983.
- Кушнер (Кнышев) П. И.* Этнические территории и этнические границы // Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия). М., 1951. Т. XV.
- Лебединская Г. В.* Соотношение между верхним отделом лицевого черепа и покрывающими его тканями // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. (К постановке вопроса) // Советская этнография. 1955. № 4.
- Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока, М., 1984. Ч. 5. Проблемы изучения ностратической макросемьи языков (тезисы и доклады конференции).
- Март Н. Я.* Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб, 1908.
- Март Н. Я.* Происхождение американского человека и яфетическое языкознание // Восточный сборник. Л., 1926. Т. 1.
- Март Н. Я.* Избранные работы. Л., 1937. Т. 4. Основные вопросы истории языка.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия // Советская этнография. 1969. № 2.
- Окладников А. П., Васильевский Р. С.* По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.
- Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Охотина Н. В.* Языки банту // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М., 1982.
- Порхомовский В. Я.* Чадские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М., 1982.
- Свадеш М.* Лингвистические связи Америки и Евразии//Этимо-логия. 1964. М., 1965.
- Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.
- Созина С. А.* Муиски — еще одна цивилизация древней Америки. М., 1969.
- Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
- Стингл М.* Поклоняющиеся звездам. По следам исчезнувших перуанских государств. М., 1983.
- Токарев С. А.* К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3.
- Толстое С. П.* Проблемы происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1946. Вып. 1.
- Толстое С. П.* Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии // Советская этнография. 1961. № 11. 172
- Хрисанфова Е. Н.* Эволюционная морфология скелета человека. М., 1973.
- Чебоксаров Н. Н.* Северные китайцы и их соседи // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1949. Вып. V.
- Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1976. № 4.
- Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока // Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969.
- Чебоксаров И. Н.* Этническая антропология Китая (расовая морфология современного населения). М., 1982.

- Шнирельман В. А.* Протоэтнос охотников и собирателей. (По австралийским материалам) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- Щербак А. М.* О ностратических исследованиях с позиций тюрколога // Вопросы языкознания. 1984. № 6.
- Яблоков А. В.* Фенетика. М., 1980.
- Яковлев Н. Ф.* Древние связи языков Кавказа, Азии и Америки // Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия). М.—Л., 1947. Т. II.
- Abdushelishvili M.* The genesis of the aboriginal population of the Caucasus in the light of anthropological data // Proceedings of VIIIth International congress of anthropological and ethnological sciences. Tokyo, 1969. Vol. I. Anthropology.
- Alexeev V.* Horizontal profile of the neanderthal crania from Krapina comparatively considered // Collegium antropologicum. 1979. Vol. 3. N 1.
- Alexeeu V., Gohman I.* Physical anthropology of Soviet Asia. Miinchen—Wien, 1983.
- Angel J.* Early skeletons from Tranquillity. California Smithsonian contributions to anthropology. Washington, 1966, Vol. 2. N 1.
- Cheboksarov N. N.* Main phases in the formation of racial composition of Eastern Asia's population // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. 9.
- Dingwall E.* Artificial cranial deformation. A contribution to the study of ethnic mutilations. London, 1931.
- Doigopolski A.* A long-range comparison of some languages of Northern Eurasia (problems of phonetic correspondences) // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. 5.
- Hiernaux J.* La diversite humaine en Afrique subsaharienne. Rec-herches biologiques. Etudes ethnologiques. Bruxelles, 1968.
- Kroeber A.* Cultural and natural areas of native North America. Berkeley — Los Angeles, 1939.
- Kurt G.* Vorbericht iiber anthropologische Beobachtungen bei der Jerichoguabung 1955 // Homo. 1955. Bd. 6. H. 1.
- Kurt G.* Oberlegungen zu den zoogeographischen KHMaregeln // Forschung und Fortschritte. 1956. Bd. 30.
- Levine P., Layrissse M., Arends T., Dominguez S.* The Diego blood factor // Nature (London). 1956. Vol. 177.
- Mason A.* The languages of South American Indians // Handbook of South American Indians. New York, 1963.
- Movius H.* Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia. Cambridge — Massachusetts, 1944.
- Newman M.* Indian skeletal material from the central coast of Peru. // Papers of the Peabody museum of Amer. archaeology and ethnology. Harvard — Massachusetts, 1947. N. Y. Vol. XXII.
- Pedersen H.* Tiirkische Lautgesetze // Zeitschrift der Deutschen Norgelandischen Gesellschaft. 1903. Bd. LVII.
- Protsch R.* The Fish Hoek hominid: an other member of basic Homo sapiens Afer // Anthropologischer An/eiger, Jahrgang 34. 1974. N 3—4.
- Schwidetzky I.* Grundlagen der Rassensystematik. Wien—Zurich, 1974.
- Schmidt I.* Die Verwandtschaftsverhaltnisse der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1872.
- Smith C.* Blood diseases of infancy and childhood. La Habana, 1970.
- Swadesh M.* Origin and dispersal of language. Mexico, 1971.
- Trinkaus E.* Artificial cranial deformation in the Shanidar 1 and 5 neanderthals // Current anthropology. 1982. Vol. 23. N 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Этногенетические пучки и их реконструкция	11 Принципы группировки народов в целях этногенетического исследования.....
Некоторые вопросы типологии историко-этнографических	11
\ общностей.....	20
' Родство народов и реконструкция этногенетических пучков	25
Глава 2. Общие проблемы антропологической реконструкции и антропологические данные в реконструкции этногенетиче-	
' ских пучков.....	35
Вводные замечания.....	35
Исторические рубежи.....	36
(Характер используемых данных.....	40
(Синхрония и диахрония	43
, Границы реконструкции морфологических характеристик	47
' психофизиологических характери-	
' стик.....	52
' Генетическая интерпретация	55
Границы реконструкции экологической ситуации ...	59
Этногенетическая интерпретация.....	61
1 Этногенетические и эволюционные проблемы исторической	
' антропологии.....	63
» Глава 3. Этногенетические пучки в пространстве	65
) Типология этногенетических пучков	65
Этногенетические ветви	72
Этногенетические стволы.....	111
Этногенетические кусты.....	125

Глава 4. Начальный этап этногенеза.....	130
Этапы формирования рас.....	130
Начало этногенеза.....	134
Исходная модель расообразования.....	137
Ранняя география популяций и уровень проницаемости генетических барьеров между ними.....	142
Этнолингвистический фактор.....	145
Этнопсихологический фактор.....	148
Скорость изменения антропологических признаков, материальной базы языка и культурных особенностей	
149 Географическая сопряженность расо- и этнообразования J; как исходное состояние.....	152
(. Д Глава 5. Этногенетические пучки во времени.....	155
Модусы этногенеза и Этногенетические пучки	155
Типология родства народов и этногенетические ветви	160
Этногенетические пучки в динамике всемирно-исторического процесса.....	163
Этногенетические пучки и демографическая динамика человечества	165
Литература	
170	

Учебное издание

Валерий Павлович Алексеев **ЭТНОГЕНЕЗ**

Заведующая редакцией *Т. Г. Липкина* Редактор *Н. Н. Матвеева* Младший редактор *С. А. Бугаенко*

Художественный редактор *Т. А. Коленкова* Технический редактор *Е. И. Герасимова* Корректор *С. К. Завьялова*

ИБ № 4753

Изд. № ИСТ-395. Сдано в набор 04.12.85. Подп. в печать 11.04.86.

А-09168. Формат 84X108⁸/Ая. Бум, кн.-журн. № 2. Гарнитура литературная Печать высокая. Объем 9,24 усл. печ. л. 9,45 усл. кр.-отт. 9,95 уч. изд. л. Тираж 7000 экз. Зак. Мб 1143. Цена 35 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129041, Москва, Б. Переяславская, 4Г,

35 коп.

Типология этногенеза

Этногенетические пучки
в пространстве и времени

Начальный этап этногенеза

Антропологические данные
в этногенетической реконструкции

Модусы этногенеза
и этногенетические пучки